

**Людмила
БИРЮК**
г. Краснодар

ГВАРДИИ ДЕРЖАВИИ

Историческая повесть

Глава 1 Школа герра Розе

Мать бессильно склонилась над колыбелью. Ее двухмесячный сынок уже не мог кричать и только страдальчески открывал беззубый ротик. Заплаканная Фёкла Андреевна обернулась к старой няньке:

– Что делать, Марфа? Совсем худо Ганечке. Пошли мужика в Казань известить Романа Николаевича...

– Уж послали, барыня! Но и нам не след опускать руки. Есть одно средство, народное, верное... – нянька кашлянула и замолкла, словно испугалась того, что сказала.

– Нет! – отшатнулась Фёкла. – Знаю я ваши дикие обряды. Чтоб я своими руками...

– Всё одно дитя помирает!

Худенькое тельце временами сводила судорога, младенец дрожал, чуть слышно хрипя. На крошечном лбу выступили капельки пота. Когда приступ отпускал, огромные синие глаза устремлялись на мать, словно с неммым укором.

И она решилась. Вынула сына из зыбки, броси-

лась на широкий двор и остановилась перед пекарней, над которой вился дымок. Там с утра хлопотали дворовые бабы: месили тесто для хлеба. Обернувшись, Фёкла увидела, что вслед за ней на крыльцо вышла Марфа.

– Раздумывать нечего, – убеждала нянька, – вишь, еле дышит...

Две румяные молодайки согнулись перед барыней в поклоне, бормоча приветственные слова. Фёкла молчала, а нянька, цыкнув на них, строго спросила, подошло ли ржаное тесто, и велела все приготовить для лечения младенца.

Бабы переспрашивать не стали, кинулись к большой русской печи ворошить багровые головешки. До Фёклы доносился лишь торопливый шепот:

– Давно бы так! Видать, барчонок неготовый родился, недопеченный... Ничего, перепечем с Божьей помощью. А коль не помрет, потом здоровяк будет!

Бездвижного Ганю освободили от пеленок, обмазали с ног до головы ржаным тестом и примотали крестьянским полотенцем к большой хлебной лопате.

– Где Марфа? – еле выговорила Фёкла, оглядыва-

ясь и ища глазами скрывшуюся куда-то няньку. – Я одна не смогу!

– Сможешь, матушка! Так надобно по обычаю, – уговаривали бабы, вручая матери лопату с ребенком. – Печь в самый раз готова.

– А долго ли держать?

– Только скажешь: «Господи, помилуй», – и вынимай!

Фёкла с содроганием глянула в пышущий жаром зев печи. В это время в дверях показалась Марфа. Притворно зевнула, прикрыв рот ладонью, и спросила, будто невзначай:

– Чего печешь, хозяйюшка?

Мать молчала, застыв в полубомороке. Бабы тут же зашептали, подсказывая: «Хлеб пеку!»

– Хлеб пеку! – безвольно повторила Фёкла.

– Пеки, да не перепеки!

– Барыня! Барыня! – наперебой загалдели бабы. – Таперича не мешкай!

И Фёкла, словно в страшном сне, отправила свое дитя в раскаленное горнило...

* * *

Секунд-майор Роман Николаевич Державин стоял на гарнизонной службе под Казанью, в двадцати верстах от деревни Сокуры, той самой, где 3 июля 1743 года родился его сын Гавриил.

Род Державиных восходил к татарскому мурзе Багриму – сподвижнику великого князя Василия Темного. Багрим принял православие, а во владение были ему пожалованы новые вотчины в обжитых краях Руси. Один из его внуков носил звонкое имя Держава. От него-то и пошли Державины, верные слуги Отечества. Их обширные владения со временем дробились, таяли и приходили в упадок. Роману Николаевичу досталось несколько захудалых имений неподалеку от Казани, да и те были под тяжбой.

В тот день, когда сокурский мужик скакал в Казань с недоброй вестью о болезни Ганюшки, майор был в гостях у богатого, взбалмошного помещика Якова Чемадунова, которого за глаза все звали Самодуром.

– Почто не пьешь, майор? – задиристо кричал Чемадунов сидевшему в конце стола Державину. – Медок-то знатный! Пчелки его собирали с твоих бывших гречишных полей. Не хмурься, кто ж тебе виноват, что не сумел распорядиться своей землицей?

Офицер вспыхнул и порывисто поднялся. Неизвестно, чем бы кончилось дело, но в этот момент в дверях вдруг показалась девка-горничная и испуганно сообщила, что к господину майору прискакал гонец из Сокур.

Выйдя в сени, Державин выслушал сбивчивый рассказ мужика Платона о том, что Ганюшка пребывает в тяжелой болезни и счет идет не на дни, а на часы...

Побледневший офицер вскочил на коня и рванул по пыльной дороге в Сокуры. Через полчаса бешеной скачки Роман Николаевич был на месте. Бросив повод дворовому мальчишке, взбежал по ступеням крыльца и вошел в старый отчий дом.

Сдерживая невольную дрожь, шагнул он по сумрачному коридору. Никто его не встречал, всюду царил тишина. Роман Николаевич распахнул дверь детской и застыл в удивлении перед благостной картиной: спокойная и счастливая мать кормила грудью безмятежного младенца!

Боясь вздохнуть, секунд-майор стоял и смотрел... Когда Фёкла, покормив ребенка, осторожно положила его, спящего, в колыбель, Роман Николаевич подошел и обнял жену. Слезы навернулись на глазах у обоих. А их сынок как ни в чем не бывало посапывал в уютной колыбельке.

– Фенечка, душа моя... Гаврюша здоров?

– Сам видишь!

Он наклонился над зыбкой. Укрытый голубым атласным одеяльцем с затейливыми кружевами, младенец был похож на ангела. От его спокойно-ровного дыхания чуть трепетала ниточка, распустившаяся на детском чепчике. На щеках проступил нежный румянец.

– Счастье мое... – шептал Державин, осторожно целуя ребенка. – Почто посылала за мной, Фенечка?

– Не сердчай, друг мой! Утром случился у Гани превеликий жар. Страх как напугалась! Но Бог миловал...

Переведя дух, Роман слушал и любовался. Как хороша! Синие глаза, оттененные длинными ресницами, смотрят застенчиво, льняная коса дважды обняла голову. Он порывисто подхватил жену, закружил по комнате и в восторге приподнял на руках...

Фёкла так никогда и не призналась мужу, какому варварскому лечению был подвергнут их сынок. А сам Гавриил узнал об этом лишь много лет спустя от старой няньки.

* * *

Не обманули русские поверья! Мальчик рос здоровым и крепким. В положенный срок обрел молочные зубки, научился ходить и говорить.

Первое произнесенное им слово было «Бог». Произошло это так. В феврале 1744 года в небе появилась яркая шестихвостая комета. Все жители Сокур высыпали поглазеть на небывалое зрелище. Вынесли из дому и годовалого Ганю. Сидя на руках у мате-

ри, малыш поглядел на комету, показал на нее пальчиком и вдруг сказал: «Бог!»

Все умилились, услышав такое от крохи.

– Чудо великое! – говорили старики. – Младенец Бога узрел!

Но ничего необычного в поведении Гани не было: в доме Державиных о Боге говорили постоянно. Слово «Бог» мальчик слышал чаще, чем «мама» и «папа».

Народ крестился, споря, как истолковать небесный знак. Еще никто не знал, что в тот день в Петербург прибыла 15-летняя принцесса София-Фредерика Ангальт-Цербстская – будущая императрица Екатерина II...

* * *

С трех лет Ганя водился с драчливыми дворовыми ребятами и не раз приходил домой то с расквашенным носом, то с синяком под глазом. Мать ахала, грозилась запереть в детской и впредь не пускать на двор, а нянька, прикладывая к ушибу медный пятак, приговаривала: «Не трус! Где страх – там и крах».

В те времена мелкопоместные дворяне не обременяли себя знаниями. Сыновей учили лишь потому, что на то имелись особые указания, прописанные в Соборном уложении. У местного дьячка Гавриил научился чтению и письму и пристрастился к книгам, которых, признаться, у Державиных было немного.

Когда Гаврюше исполнилось семь лет, Роман Николаевич повез его в Казань. Большой шумный город со множеством церквей и мечетей до глубины души поразил мальчика. На фоне деревянных домов величаво возвышался белокаменный Кремль, видный отовсюду. Он был расположен на мысу левого берега Волги и реки Казанки, повторяя очертаниями Московский Кремль. Роман Николаевич объяснил сыну, что такова была задумка царя Ивана IV, завоевавшего Казань. Даже некоторые башни имели названия, как в Москве: Спасская, Тайницкая... Ганя был готов часами бродить по деревянным мостовым среди торговых лавок, гончарных и кузнечных мастерских, пробираясь сквозь толпу куда-то спешащих, нарядно, по-городскому одетых людей. Ничего подобного в Сокурах он не видел. Когда начали звонить колокола, он в волнении схватил отца за руку: «Батюшка, что это?»

Вернувшись домой, Ганя первым делом побежал во двор к мальчишкам поделиться впечатлениями о поездке. Те недоверчиво выслушали его пылкий и красочный рассказ и, объявив лгуном, затеяли драку.

Отец не стал разбираться, кто прав, кто виноват. Вытащив сына за воротник из кучи-малы, привел его в дом и, усадив за стол, велел для успокоения читать новую книгу, которую купил для него в Казани. Это были оды Михаила Ломоносова.

Два часа не выходил Ганя из своей горницы...

Фенечка встревожилась, стала спрашивать мужа, за что назначил сыну такое суровое наказание. Тот пожал плечами и пошел в детскую. Ганя сидел за столом и читал подаренную книгу, что-то выписывая из нее в тетрадку. Мальчик не заметил появления отца, и лишь когда Роман Николаевич мягко тронул его за плечо, очнулся, оторвав от страниц глаза, полные слез.

– Что с тобой, сынок?

– Право, ничего...

Роман Николаевич взял книгу и стал негромко читать:

*Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...*

Ганя снова залился слезами, вытирая их ладошкой.

– Да объясни, зачем плакать-то? – допытывался отец. – Никто никого не обидел, не обманул, не убил!

– Не знаю... От слов слезы сами льются. Позвольте дочитать, батюшка?

– Изволь, голубчик.

Роман Николаевич отдал ему книгу и, осторожно ступая, вышел из детской. Обнял и успокоил жену, которая в волнении ожидала его в сенях. Но сам долго не мог успокоиться. Бродил по комнатам, мысленно повторяя запавшие в душу строчки: «Звездам числа нет, бездне дна...»

Поистине велик стихотворец, сумевший передать словами бесконечность звездного неба. Бесконечность... это непостижимо! Но, видно, маленький Ганя понял поэта. Мысленно представил небесную бездну, ужаснулся, восхитился, растрогался.

Думы о сыне не покидали Романа Николаевича. Он не впервые отмечал в нем ум и воображение... «Это – наше, державинское, – с гордостью думал секунд-майор. – Орел! А лицом в мать пошел: пригожий, глазастый, белокурый. Как-то сложится его судьба?»

Вечером за ужином Роман Николаевич решительно заявил Фенечке, что пора отдавать сына в школу.

* * *

Легко сказать – в школу! А куда? Казанская гимназия в ту пору еще не открылась. Да и летами Ганя не вышел.

Всё решил случай. От старого друга, поручика Неклюдова, Роман Николаевич узнал, что есть в Оренбурге недорогой пансионат для начального образования дворянских детей. Неклюдов советовал другу отдать туда сына на обучение. Сам он уже определил своего Митеньку, а Гаврюша был бы ему товарищем. Вместе – веселее.

Роман Николаевич подумал и согласился. В тот же месяц Ганя в сопровождении крепостного дядьки Платона прибыл на перекладных в Оренбург.

Неказистый город на берегу Яика не произвел на мальчика большого впечатления. Далеко ему было до Казани! Оренбург представлял собой большую стройку, на которой трудилась в основном каторжане. Вместо благозвучного колокольного звона гремели молотки и топоры. Кучи строительного мусора, пыль, суета, неустроенность и какой-то преступный каторжный дух, витавший в воздухе, не пробуждали в мальчике радостных чувств. Особенно он приуныл, когда выяснилось, что директор школы, где ему предстояло учиться, немец Иосиф Розе, тоже оказался бывшим каторжником. Герр Розе не делал из этого никакой тайны, возможно для того, чтобы сразу предупредить неудобные вопросы. Казалось, предприимчивый немец даже гордился таким фактом своей биографии, и остается только удивляться, как городские власти разрешили бывшему «татю и вору» учредить частную школу для дворянских детей. Но факт есть факт! Не нашлось в Оренбурге других учителей, а этот хоть и каторжанин, а как-никак немец...

Своим внешним видом герр Розе неприятно поразил Ганю. Он был совершенно лысым, каким-то бес покойно-вертлявым, со слащавой улыбочкой. Но когда он чувствовал в ком-то слабину, мгновенно преображался: словно становился выше ростом, весь наливался важностью, а бесцветные его глазки твердели и впивались в ученика как два буравчика.

Из экономии герр Розе был и директором, и единственным преподавателем в своем заведении. И предмет был тоже один – немецкий язык. Не утруждая учеников изучением грамматики (которую сам не знал), Розе всё учебное время посвящал практическим занятиям. Метод обучения он применял простой, но действенный. В присутствии учителя говорить по-русски школярам запрещалось. За непослушание – денежный штраф. Нетрудно догадаться, что скоро все деньги, которые родители вручили своим чадам, перекечевали в карман герра Розе. Затем штрафы были заменены телесными наказаниями, которые суровый ментор производил самолично, с фантазией и не без удовольствия.

К счастью, Державину доставалось меньше всех, потому что он с лету запоминал немецкие слова, бе-

зошибочно повторял за учителем длинные фразы, правильно отвечал на вопросы. Учебников не было, наставник сам сочинял тексты и диалоги, которые школьники заучивали наизусть. Через год упорных занятий Ганя болтал по-немецки не хуже самого герра Розе, сносно читал и пробовал писать. Кроме немецкого, никаких других предметов не преподавалось, но «и то хлеб», как говорили местные чиновники. Немецкий язык со времен Петра Великого был в России в большой моде, гораздо популярнее французского. Это уже потом, спустя почти полвека, французы стали законодателями мод.

Гавриил считался образцовым учеником. Немец ставил его в пример, хвалил безмерно и на глазах у всех поощрял розовыми мятными пряниками. Такие педагогические приемы могли обозлить ребят, на что учитель, похоже, рассчитывал. «Разделяй и властвуй», – таково было его правило. Он боялся дружбы ребяташек: поодиночке ими легче было управлять. Но немец просчитался. Ганя радостно делился угощением со всем классом, и в первую очередь со своим другом, Митенькой Неклюдовым.

Они подружились с первой встречи, хотя и были совершенно разными. Хилый Митенька ростом не вышел, часто болел, да и учење давалось ему с трудом. А Ганя был крепким, красивым и смышленным ребенком. Его память была удивительна: он держал в голове не только сотни немецких слов, но и знал наизусть многие оды Ломоносова из подаренной отцом книжки.

Через год майор Державин вышел в отставку и стал жить в своем имении в Сокурах. Поручика Неклюдова перевели из Оренбурга в Саратов. Митя горько плакал, но скоро успокоился, так как в лице Гани обрел надежного друга и защитника.

Школяры часто обижают слабых. Но Митеньку никто не трогал: Ганя раз и навсегда отучил от этого драчунов, поставив по фингалу наиболее наглым. Сам он тоже схлопотал шишку, но впредь уже никто не задирал его товарища. Они стали, как говорится, «друзья – не разлей вода».

Немецкий язык Митя не любил, зато обожал вместе с другом читать русских поэтов. Кроме зачитанной до дыр книги Ломоносова, у Гани вскоре появился переплетенный в сафьян сборник басен Сумарокова. Чтобы стать обладателем этого сокровища, пришлось неделю трудиться по ночам, выполняя за нерадивых учеников разные задания. Но книга того стоила!

Часто по вечерам, когда воспитанники готовились ко сну, друзья тайком зажигали свечку в рекреации и читали вполголоса, делясь впечатлениями. Вскоре они запомнили большинство басен и декламировали их наизусть. В баснях жили и разговаривали зве-

ри, птицы и даже насекомые, но отношения между ними очень напоминали человеческие. И хотя басни не вызывали у Гавриила слез восторга и умиления, всё-таки он должен был признать, что этот род стихотворчества живее, смешнее и понятнее, чем оды.

* * *

Время бежало незаметно. Дружба скрашивала ребятишкам унылые годы учебы. Благодаря Гане Митенька в конце концов одолел немецкий язык и вместе со всеми успешно сдал экзамен перед городскими властями Оренбурга. Мальчишкам шел двенадцатый год. Приближался выпуск, и они уже строили планы, где будут учиться дальше. Хорошо бы вместе...

Но вдруг пришла беда, откуда не ждали. Однажды после отбоя Ганя и Митя вздумали почитать Сумарокова прямо в спальне пансионата, похожей на казарму. Зажигать свечу для этого им не пришлось, благо, многое хранили в памяти.

Устроившись поудобнее, они повернулись друг к другу (их кровати стояли рядом) и стали совещаться, какую басню прочесть:

- «Голуби и коршун»?
- Нет, «Жуки и пчелы»!
- Лучше – «Горшки»!

Наконец остановились на басне «Волк и Журавль». Ганя начал:

- Волк ел – не знаю что, – и костью подавился...
- Метался от тоски, и чуть он не вздурился, – подхватил Митенька.

Кто-то из воспитанников хихикнул. На него тут же зашикали, чтобы не мешал слушать. Никто из школьников не спал в ожидании, когда Державин и Неклюдов начнут свои ночные чтения. А потом с интересом слушали о том, как Волк «слёзно стал просить» Журавля вытащить кость, застрявшую в глотке. Тот вынул кость своим длинным клювом и резонно потребовал «мзду» за работу. На это хищник иронически ответил, что журавль должен быть доволен уже тем, «что нос остался цел».

В спальне послышался шум. Ребята стали бурно возмущаться наглостью Волка. А Митенька рассказал, как герр Розе однажды приказал ему переписать набело длинный доклад для представления городничему, посулив за работу день каникул. Но на утро обо всем забыл и жестоко наказал за невыученный урок. Вот и помогай волкам!

Митя недоговорил: чья-то железная рука стащила его с кровати на пол.

– Так, значит, герр Розе – волк? Ein echter Wolf? (Настоящий волк? – нем.) Вы это хотели сказать? – откуда ни возьмись раздался зловецкий голос.

Лысая голова немца призрачно белела в полумраке, глаза, казалось, были готовы просверлить мальчика насквозь. Учитель с размаху ударил Митю по щеке, потом стал методично избивать, приговаривая по-немецки: «Я – волк? Волк, да?!»

Вдруг послышался глухой стук. Герр Розе, вскрикнув, отпустил свою жертву и схватился за голову. В первое мгновение никто не разобрал, что произошло, только потом стало понятно, что Ганя запустил в истязателя подсвечником.

– А-а-а! Mein Gott! Звереныш! Ну, погоди, щенок! – прохрипел наставник, поймав дерзкого школьника. Но вместо того чтобы нанести удар, он взвизгнул и завертелся юлой: мальчик, извернувшись, впился ему в палец крепкими зубами.

Немец метался по спальне, размахивал рукой, выл, стонал и дул на укушенный палец. Все со страхом ждали, что последует дальше. Наконец немец овладел собой и остановился перед Ганей. В скудном свете ночной лампы он напоминал привидение. Он мог немедленно расправиться с негодным мальчишкой, но, видимо, захотел продлить удовольствие. Ведь известно, что ожидание казни страшнее, чем сама казнь.

– Поговорим завтра! – зловеще пообещал герр Розе и вышел, оставив своих воспитанников в страхе и растерянности.

Ночь прошла без сна. А на следующее утро учитель появился в классе бледный, но полный достоинства, тщательно одетый, с перевязанным белой тряпицей пальцем.

– Господа! – обратился он к притихшим школьникам. – Все вы – свидетели того, что случилось минувшей ночью. Дмитрий Неклюдов имел дерзость оскорбить меня словесно, а Гаврила Державин совершил прямое покушение на мою жизнь! Но я не желаю сам решать их судьбу, ибо могут сказать, что мною руководит личная месть. Спрашиваю вас: какого наказания они заслуживают?

Класс молчал. Герр Розе выждал внушительную паузу и криво усмехнулся:

– Не хотите говорить? Зер гут, тогда скажу я. За неподобающее поведение я лишаю их аттестата! Эти русские щенки недостойны чести окончить немецкую школу! – презрительно добавил он.

– Как вы смеете! – задохнулся от возмущения Ганя. – Наши деды служили под знаменами Петра Великого! А ты, спесивый немчура, безродный каторжник, должен ответить за свои слова!

В классе поднялся невероятный шум. К удивлению немца, осмелевшие воспитанники дружно поддерживали Ганю и Митю:

– Кому он нужен, твой немецкий аттестат? Ему место в помойной яме!

– Вор! Где наши деньги?
– Невежда! Чему ты нас научил, кроме своего языка?

– Жалкий каторжник!

И случилось невероятное... Вместо того чтобы возмутиться и немедленно принять воспитательные меры, герр Розе вдруг притих и съезжился, словно уменьшился в размерах. Перед ним уже были не робкие малыши-семилетки, а 12-летние подростки, с крепкими кулаками и бесстрашными глазами. Его напугали не столько обвинения в воровстве, сколько единодушие и смелость ребят. Было ясно: они решили постоять за свою честь. Немец привык безнаказанно оскорблять школьников, и ему всё сходило с рук. Но сейчас он понял, что задел не только их личные, но и патриотические чувства. И испугался. Брезгливое презрение, которое он испытывал к своим ученикам, сменилось страхом.

Именно этот страх заставил герра Розе замять дело и всё-таки выдать аттестаты своим обидчикам – Неклюдову и Державину. Вручение документов о начальном образовании состоялось вечером в торжественном зале. Были приглашены гости: градоначальник и важные чиновники. Приехали родители выпускников, в том числе поручик Неклюдов. Ганя с трепетом ждал отца, но прибыл только его крепостной дядька Платон.

– Папенька собирались ехать... – поведал он, потупившись, – да приболели.

* * *

Роман Николаевич давно уже страдал от болей в груди. Когда-то в молодости он получил удар копытом необъезженного коня, но не придавал этому значения и не лечился должным образом. Со временем болезнь развилась в чахотку. Секунд-майор вышел в отставку и таял буквально на глазах.

Прибыв в Сокуры, Ганя едва успел застать отца в живых. Роман Николаевич лежал на кровати, укрытый одеялом, исхудавший, с нездоровым румянцем на впалых щеках. Возле него хлопотали Фёкла Андреевна и нянька Марфа: то вытирали холодный пот со лба, то поправляли подушки. Увидев Ганю, обе заплакали и бросились его обнимать.

– Что с батюшкой? – холодея, спросил он и, мягко отстранив прильнувших к нему женщин, наклонился над кроватью.

Слабая улыбка скользнула по губам старого офицера. Он долгим нежным взглядом смотрел на сына. Потом едва уловимым жестом велел Фёкле и няньке удалиться.

– Батюшка... – заливаясь слезами, прошептал Ганя.

– Слушай меня, сынок! Слушай и не плачь. Все-му свое время. Вот и мой срок пришел. Береги мать. Я очень виноват перед ней. И перед тобой тоже виноват...

– Полно, батюшка! В чем ваша вина?

– В том, что оставляю вас в бедности. Совсем разорили наше имение недруги-мошенники. А судиться с ними я не смог. Такие вот дела, Ганечка... С турками воевать умел, а с соседями не научился.

– Не печальтесь, батюшка, не пропадем. Я подрасту – пойду служить! Матушку не оставляю, всегда буду заботиться.

По лицу Романа Николаевича скатилась слеза.

– погоди, Ганечка, еще не всё... Главная моя вина в том, что не успел я в положенный срок съездить в Петербург и записать тебя в полк на выслугу. К началу службы ты бы имел офицерское звание, а теперь придется тебе начинать солдатом. Прости...

Ганя в волнении преклонил колени.

– Отец! Право, даже думать об этом не стоит! Что за беда – солдатская ляжка? Обещаю, что буду служить образцово! Мне не придется долго ждать чинов!

Роман Николаевич еле заметно кивнул, было видно, что ответ Гани принес ему облегчение. Он попытался еще что-то сказать, но речь его становилась невнятной, приходилось напрягать слух, чтобы уловить какие-то слова. Последнее, что Ганя едва успел услышать от отца, было:

– Береги мать, сынок... И помни: на небе – Бог, а на земле – закон!

* * *

Со смертью Романа Николаевича дела в поместье пришли в полное расстройство.

Прежде Гавриил не задумывался, откуда берутся средства на еду, одежду, гостинцы. Всё казалось обычным укладом жизни. Теперь он впервые понял, насколько они с матерью бедны.

Соседи-помещики потихоньку отщипывали по кусочку от их угодий. Чужие мельницы затопляли державинские луга, крепостные из соседних деревень нагло ловили их рыбу, воровали кур и прочую живность, а Фёкла Андреевна едва успевала судиться и отражать иски на свою землю.

Для этого ей приходилось ездить в Казань и обивать пороги в присутственных местах. Иногда она брала с собой Ганю, и мальчик становился невольным свидетелем ее унижений. Бедную вдову посылали из одного кабинета в другой, и, в конце концов, ей приходилось возвращаться домой ни с чем. «Где же он, этот закон? – с горечью думал Гавриил. – Что-то не видно...»

Но как бы тяжело ни приходилось Фёкле Андреевне, она последние гроши откладывала сыну на образование.

В 1758 году в Казани открылась мужская гимназия, первая в российской провинции. Это славное учебное заведение находилось под ведомством Московского университета, основанного великим Михаилом Ломоносовым и меценатом Иваном Шуваловым, фаворитом императрицы Елизаветы Петровны.

Первым директором Казанской гимназии (тогда говорили: «командиром») стал ассессор Московского университета Михаил Иванович Веревкин. Амбициозный молодой человек, любимец и правая рука графа Шувалова, с первых же дней стал рьяно исполнять свои обязанности казанского просветителя. Так получилось, что Веревкину оказывали содействие первые люди империи, он обладал большими полномочиями и умело ими пользовался. Начал он с того, что снял для гимназии самый большой и красивый дом в Казани и выписал дорогую мебель из Москвы. Затем пригласил московских преподавателей, посулив приличное жалованье и возможность продвижения по службе. Это были в основном молодые люди, у которых недостаток опыта компенсировался пылкой решимостью посвятить себя народному просвещению.

Державин серьезно подготовился к вступительным испытаниям и был принят с высокими баллами. Вместе с ним, к его великой радости, в гимназию поступил Митенька Неклюдов. К тому времени исполнилось им по пятнадцать лет...

Глава 2 Гимназия

— Кто знает, почему Казань называется Казанью? — спросил гимназистов учитель истории Евграфий Данилович Осколков.

Все молчали и переглядывались.

— В древние времена здесь жили волжские булгары. Народ кочевой, бедный. Решили они построить город, дабы жить оседло. Пришли к колдуну, спросили, в каком месте лучше начать строительство. Он и говорит: «Вот вам казан (котел), вroyте его в землю и налейте воды. Коли закипит в нем вода без всякого огня, то значит там и быть городу! А не закипит — ищите в другом месте». Долго искали булгары: нигде не закипает вода. Наконец пришли они на берег озера Кабан, поднялись на холм, закопали казан, налили воды. И случилось чудо — вода закипела! В честь того казана и был назван славный город.

— А как Казань стала татарской столицей? — спросил Митя Неклюдов.

Меряя шагами аудиторию и размахивая руками, Осколков увлеченно рассказывал о монголо-татарской Орде, о присоединении к ней Волжской Булгарии, о нашествии татар на русские земли и о великом стоянии на Угре и взятии Казани Иваном III.

— Матушка наша, императрица Елизавета Петровна, взошел на престол, разрешила татарам селиться везде, где им пожелается, и с тех пор в Казани все равны в правах — и русские, и татары. Не удивлюсь, господа, если среди вас тоже найдутся татары или их дальние родичи.

Державин вскинул руку:

— Во мне течет татарская кровь, господин учитель. Я — потомок мурзы Багрима, которого окрестил великий князь Василий Темный!

В классе пробежал недоверчивый смешок, но Осколков строго потребовал тишины. Он подошел к большеглазому юноше, статному, с длинными светлыми волосами, волной спускавшимися на плечи.

— Должен заметить, что вы совсем не похожи на татарина, — с улыбкой заметил он. — Ваше имя?

— Гавриил Державин!

Историк кивнул и стал серьезным.

— Мне известен славный род Державиных. Он и впрямь берет начало от Багрима. Итак, — он окинул глазами класс, — вы напрасно смеялись, друзья мои. Перед нами — потомок великого мурзы!

Гимназисты притихли, с любопытством глядя на своего товарища. После этого случая все стали звать Державина «мурзой».

Учителя Казанской гимназии, выходцы из Московского университета, были кумирами своих учеников. А директор Михаил Веревкин, настоящий рыцарь просвещения, стал одним из самых уважаемых людей в Казанской губернии, вторым после губернатора. Чтобы наглядно продемонстрировать успехи своих воспитанников, он затеял поставить силами гимназии известные пьесы русских и иностранных авторов. Поскольку императрица Елизавета Петровна страстно любила театр, то и сценические воплощения гимназистов приветствовались властями.

В Казанской гимназии был поставлен «Гамлет» Шекспира в весьма свободном переводе Сумарокова. Юные актеры, не имевшие о подлиннике никакого представления, свято верили, что благородный датский принц, победив предателя-короля Клавдия, благополучно женился на Офелии и стал добрым и справедливым владыкой своей страны. Так перевел «Гамлета» Сумароков. Но шекспировская мысль всё-таки пробивалась сквозь вольное авторское прочтение. Особенно ясно она звучала в монологе «Быть или не быть»:

*Умреть... и внийти в гроб – спокойствие прелестно,
Но что последует сну сладку? – Неизвестно.*

Столь сложные произведения не всегда удавались гимназистам, и тогда Веревкин решил поставить спектакль собственного сочинения, простой и понятный. Он задумал привлечь к нуждам гимназии местных меценатов, и поэтому в его пьесе действующими лицами были губернатор, чиновники городской магистратуры и богатые купцы, которые по ходу действия постоянно жертвовали деньги для гимназии.

Веревкин лично руководил репетициями, стараясь, чтобы весь курс принял участие в постановке. Одни прилежно учили роли, другие готовили освещение, третьи подбирали реквизит.

Особое задание получили лучшие воспитанники, любимцы Михаила Ивановича – Державин и Неклюдов. Они должны были смастерить картонные фигуры Ломоносова и Сумарокова и, держа их перед собой, взобраться на священную гору Парнас, изготовленную реквизитной бригадой. По замыслу директора, Сумароков и Ломоносов, стоя на вершине Парнаса, поочередно воздавали хвалу императрице Елизавете Петровне, чей портрет красовался на задней кулисе сцены.

Фигуры великих поэтов, мастерски скопированные с портретов и раскрашенные масляными красками, получились очень похожими на оригиналы. На месте глаз были прорезаны дырочки, из которых выглядывали веселые глаза Гани и Мити. Имелась также небольшая прорезь возле губ, позволяющая свободно проникать звуку. Веревкин самолично взошел на гору Парнас проверить, чтоб та не развалилась, а затем проэкзаменовал воспитанников: хорошо ли запомнили слова.

– Надобно не только не сбиться, но прочесть громко, с выражением, – неустанно наставлял он.

На генеральной репетиции мальчишки старались от души. Начинал Державин стихами из оды Ломоносова с длинным названием: «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны»:

*Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И счастью отверзает дверь!*

Ему вторил Сумароков-Неклюдов:

*От скверных льстивых уст ты уши отвращай
И в утеснении невинных защищай...*

И далее в том же духе, словно переключаясь друг с другом, картонные Ломоносов и Сумароков продолжали славить императрицу.

* * *

Приближался день спектакля, приуроченный к годовщине открытия Московского университета.

– Ты хорошо запомнил слова? – беспокоился Державин, привыкший опекать друга. – У тебя стихи сложнее моих. Эх, надо было дать тебе роль Ломоносова!

– Что ты, – успокаивал Митя, – я Сумарокова хорошо затвердил. Какие, право, гении оба! И, наверное, дружат, как мы с тобой?

Гимназисты, конечно, не знали о постоянных распрях между двумя русскими поэтами. Даже императрицу Елизавету Петровну в своих одах воспевали по-разному. Ломоносов – прямолинейно и бесхитростно, Сумароков между строк поучал ее, стараясь внушить благие мысли.

Перед началом представления Веревкин прошел за кулисы поддержать и ободрить артистов и, между прочим, сообщил, что в зале находятся не только первые лица Казани, но и гости из других городов: директора школ из Перми, Саратова, Екатеринбурга и Оренбурга. Услыхав новость, Митенька вышел на сцену, закрытую от зала бархатным занавесом, поглядел в глазок и в страхе отпрянул.

– Что с вами, Неклюдов? – улыбнулся Михаил Иванович. – Не бойтесь! Публика сегодня самая доброжелательная.

Он пожелал артистам успешного выступления и ушел в зал. Державин бросился к побледневшему Мите.

– Что с тобой?

– Ох, Ганя, кажется, там... герр Розе! Погляди!

Державин прильнул глазом к прорехе в тяжелой ткани и тихо рассмеялся. В пятом ряду переполненного зала действительно сидел учитель-немец. Хотя лысая его голова была прикрыта напудренным париком, не узнать его было невозможно. Он ерзал, оглядывался и нагло рассматривал публику в лорнет.

Гавриил с улыбкой потрепал друга по плечу.

– Не трусь, он давно уже не «Ein echter Wolf», а старый облезлый шакал. Что он может нам сделать?

Но Митя не мог успокоиться. Он нервно расхаживал за кулисами и без конца повторял слова своей роли.

Первая часть спектакля прошла успешно. Изобразив благонаправных городских меценатов, актеры покинули сцену, получив заслуженную долю славы и аплодисментов. Далее следовал финал. Во время

антракта на подмостках был установлен Парнас, а Ганя и Митя облачились в картонный реквизит, закрепив его на спине веревочками. Прозвенел третий звонок, и «Ломоносов», ободряюще подмигнув «Сумарокову», забрался с ним на вершину священной греческой горы. Бархатное полотнище взмыло вверх. Воцарилась тишина...

Первым начал Ганя. С большим воодушевлением он прочел отрывок из оды Ломоносова, ни разу не сбился. Настала очередь Мити, но он почему-то держал длинную паузу. В отверстиях для глаз виднелись его расширившиеся черные зрачки. Подождав немного, Ганя попытался тихо подсказать другу слова: «От скверных лстыивых уст ты уши отвращай...»

Но тот как будто ничего не слышал и стоял как истукан. Заученные слова мгновенно вылетели из головы, перед глазами маячила ненавистная физиономия герра Розе, а в ушах звенело: «Я – волк?! Волк, да?»

Удивленная публика притихла в ожидании. Молчание затягивалось до неприличия, и в зале уже послышались гул и перешептывание. Но в это мгновение Митя вдруг заговорил. Громко, отчетливо, «с выражением», как и положено артисту... Только текст был совсем другим!

*Волк ел – не знаю что, – и костью подавился,
Метался от тоски, и чуть он не вздурился.
Увидел журавля и слезно стал просить,
Чтоб он потщился в том ему помощник быть...*

Губернатор в недоумении взглянул на Веревкина. А тот схватился за голову и уже хотел было остановить спектакль, но его превосходительство предостерегающе поднял палец, что означало: «Не мешайте!»

*Журавль свой долгий нос в гортань ему пускает
И вынимает кость. Потом он просит мзды,
Что он от таковой спас злой его беды.
«Довольствуйся ты тем, – зверь хищный отвечает, –
Что Волк тебя в таком здоровье оставляет,
Какое до сея услуги ты имел,
И радуйся тому, что нос остался цел!»*

В этом месте Митя приумолк, потом набрал воздух в легкие и, смело глядя на герра Розе, выдал мораль:

*Тот права честности немало берегает,
Кто людям никогда худым не помогает!*

Несколько мгновений все молчали, переглядываясь. Но когда губернатор с благосклонной улыбкой

медленно сблизил ладони в белоснежных перчатках, тревожная тишина зала взорвалась громом аплодисментов. Публика кричала «Браво!». Всем понравилась басня, и многие вспоминали случаи из своей жизни, когда им приходилось побывать в роли Журавля. Веревкин, придя в себя, тоже стал громко хлопать и кричать «Браво!».

Державин облегченно перевел дыхание и тихонько сказал, глядя другу в глаза: «Ты – герой!»

Когда опустился занавес, они сбросили свои картонные облачения и обнялись. Потом все участники спектакля вышли на авансцену поклониться публике. Зрители долго еще хлопали в ладоши и кричали «ура» славной Казанской гимназии и неутомимому ее командиру – Михаилу Ивановичу Веревкину. На глазах Державина навернулись слезы:

– Никогда не забуду этого дня!
– И я тоже... – прошептал Митя.

В минуту душевного волнения они совсем забыли о своем учителе-мучителе Розе. Каким ничтожным казался он сейчас! Впрочем, немца уже не было в зале: под шумок он незаметно скрылся от греха подалее...

* * *

Грызть гранит науки – занятие нелегкое и порой не очень веселое. Но неутомимый Михаил Веревкин всегда умел добавить в жизнь гимназистов частицу творческой одержимости.

Летом директор организовал поездку в Чебоксары, где гимназисты учились чертить план города. На другой год послал весь курс на раскопки древнего города Булгары, назначив старшим любимого ученика, Гаврилу Державина, которого справедливо считал своей правой рукой.

Однажды он навестил пансионат при гимназии, где жили воспитанники, устроил общее чаепитие и между делом сообщил, что в России до сих пор нет карты древней Булгарии.

– Вы только подумайте! – горячился Михаил Иванович. – Есть лишь отдельные планы и эскизы, которые не дают общего представления о великом татарском ханстве. И кому как не нам взяться за сей благородный труд – составить подробную историческую карту и отправить ее в Московский университет моему другу графу Шувалову! Весть о нашем достижении непременно дойдет и до ее величества! А? Что скажете?!

Гимназисты с воодушевлением приняли его предложение. Начались обсуждения, с чего начать, какие архивы посетить, какие земли объездить... Веревкин предложил создать отряд картографов и выбрать командира.

– Державина! – воскликнул худенький Митя Неклюдов, с гордостью глядя на своего друга, возмужавшего не по годам.

– Верно! Пусть командиром будет Мурза! – дружно подхватили гимназисты.

Державин согласился не сразу. Слишком сложной показалась ему затея Михаила Ивановича. Но товарищи настаивали, упирая на то, что Державин – первый ученик в геометрии и черчении.

В конце концов, к общему восторгу, Гавриил принял командование. Стали обсуждать, какой выбрать масштаб карты. Веревкин предлагал на три версты один дюйм. Но такая карта не поместилась бы ни на одном столе, разве что на полу в большом зале. Когда все уже стали склоняться к тому, чтобы взять меньший масштаб, Державин неожиданно согласился с Михаилом Ивановичем:

– Если уж делать карту, то большую, подробную, чтоб не стыдно было показать в Московском университете.

На том и порешили.

* * *

В составлении карты был занят весь курс. Державин распределил обязанности и всем дал поручения. А Михаил Иванович добился для своих воспитанников разрешения посещать городской архив и пользоваться старинными картами. Их копировали, увеличивали, сшивали воедино. Очертания границ Булгарского Каганата переносили на огромное белое полотно, расстеленное на чердаке: больше нигде оно не поместилось.

Всё лето гимназисты трудились на раскопках древних курганов. Когда сбор необходимого материала был окончен, Державин выбрал из своего отряда самых умелых чертежников и рисовальщиков для окончательного оформления карты. Это был тяжелый труд, приходилось часами рисовать, стоя на коленях или сидя на корточках. Причем все работы производились во внеурочное время. Если на раскопки мальчики отправлялись охотно, то торчать на чердаке, словно в тюрьме, вырисовывая крошечные поселения, леса, холмы, речки, ручейки и озера, им скоро надоело.

Потихоньку друг за другом гимназисты покидали своего командира. В конце концов, заканчивать карту остались только Державин и верный его друг Неклюдов. Было видно, как трудно слабому здоровьем Митеньке бесконечно рисовать, ползая по гигантскому полотну. Но он не бросил своего товарища, остался с ним до конца.

Недаром в народе говорят: «Глаза страшатся, а руки делают». Всякому начинанию приходит конец,

который, как известно, делу венец. Была окончена и работа над картой древней Булгарии. Она была свернута, бережно упакована в рогожу и отправлена специальным курьером попечителю Московского университета графу Ивану Ивановичу Шувалову.

Через месяц пришел ответ.

Директор выстроил гимназистов в актовом зале и торжественно поздравил их с окончанием сложной и ответственной работы. Потом огласил распоряжение его сиятельства. В письме Шувалов благодарил всех за подвижнический труд и велел наградить исполнителей. Членом державинского отряда было пожаловано по десять червонцев, а Митеньке Неклюдову сверх того вручили памятную медаль Московского университета «За труды в просвещении». Что касается командира отряда, то на него была прислана особая бумага. За успехи в составлении карты Гавриил Державин был зачислен в Петербургский инженерный корпус «кондуктором», то есть в звании выше унтер-офицера.

Отныне ему полагалось носить красный с золотыми пуговицами инженерный мундир. Веревкин вызвал в гимназию лучшего портного, тот снял мерки, и уже через неделю Ганя был экипирован должным образом.

Радости его не было предела! После выпуска можно сделать блестящую карьеру в Инженерном корпусе. Прощай, бедность! Отец мог бы им гордиться... Огорчала только разлука с Митей: тот с детства был записан отцом в Измайловский полк и должен был начать службу прапорщиком. Но еще предстояло полгода учебы.

– Всё равно мы будем видеться в Петербурге! – строил планы Митя. – Эх, Мурза, ты представить не можешь, какое это чудо – столица! Совсем другая жизнь!

Слушая Митю, Державин вспоминал слова отца на смертном одре: «Главная моя вина в том, что не успел я в положенный срок съездить в Петербург и записать тебя в полк на выслугу...»

Гавриил перекрестился... Теперь душа батюшки успокоится на небесах: будущее сына обеспечено. До офицерского звания – полшага, а к инженерному делу у Гани и впрямь была немалая склонность. Не зря граф Шувалов отметил его среди всего курса.

Больше всех радовалась Фёкла Андреевна. Ее дорогой мальчик, ее счастье, надежда и гордость зачислен в Инженерный корпус. Его не будут до изнеможения гонять по плацу и заставлять тянуть носок сапога. И не придется ему в холод и зной стоять под ружьем в караулах или бегать с донесениями по квартирам командиров. Он будет учиться инженерному делу, а случись война, по его проектам станут возводить крепости, земляные валы, мосты, переп-

равы... Вытирая слезы радости, мать в десятый раз перечитывала письмо Ганечки о том, какую великую милость оказал ему граф Шувалов.

* * *

Тем временем в России произошла смена власти. 25 декабря 1761 года умерла «дщерь Петрова», императрица Елизавета, и на престол вступил ее племянник, обожатель прусского короля Фридриха Великого Петр III, урожденный Карл Петер Ульрих.

Вскоре в гимназию была доставлена депеша из императорской канцелярии. Ознакомившись с ней, Веревкин задумался и долго сидел, опустив голову. Потом распорядился вызвать Державина. Довольный возможности удрать с урока, Ганя явился к Михаилу Ивановичу в новеньком красном мундире и по-военному стал во фронт. Ему недавно исполнилось восемнадцать лет. Он заметно прибавил в росте, плечи раздвинулись, синие глаза весело сияли, густые светлые волосы были заплетены сзади в косицу, перевязанную черной лентой.

– Здравствуй, Гаврюша, – ласково сказал Михаил Иванович. – Проходи, садись.

Державин сел у стола, открыто глядя на директора, а тот, напротив, почему-то отводил взгляд.

– Вот какие дела, дружок... Утром прибыл приказ из Петербурга... – Веревкин замолчал, почесал в затылке и отдал гимназисту бумагу: – На, прочти сам.

Юноша развернул мелованный лист, украшенный императорской короной. Он перечитал его дважды. В приказе Гавриле Романовичу Державину предписывалось... явиться в лейб-гвардии Преображенский полк для прохождения службы!

Как и где напутали с документами и кто был в этом виноват, он так никогда и не узнал. Ясно было одно: вместо Инженерного корпуса он был зачислен в Преображенский полк рядовым гвардейцем.

Все радужные мечты вмиг рухнули. Его старания и заслуги, бессонные ночи, проведенные возле карты, – всё оказалось напрасным. Он – солдат! И с этим ничего нельзя поделать. В бумаге имелась ссылка на приказ нового императора: всем преображенцам прервать отпуска и явиться к месту службы. В довершение всех бед приказ опоздал. Срок явки был указан 1 января 1762 года, а уже начался февраль.

Непослушными руками Державин медленно стянул с себя мундир Инженерного корпуса, аккуратно повесил его на спинку стула и молча вышел из кабинета.

Постигшую друга беду Митя воспринял как свою собственную. Он был в отчаянии. Им предстояла скорая разлука... И кто знает, доведется ли свидеть-

ся вновь? Неклюдову предстояло окончить курс, а недоучившийся Державин должен был немедленно отправляться в полк. Первым порывом Мити было бросить гимназию и тоже рвануть в Петербург. И сколько Гавриил не объяснял ему бессмысленность такой жертвы, тот упрямо твердил:

– Ты всегда мне помогал, и я тебя не оставлю. Разве ты не поступил бы так на моем месте?

Ганя покачал головой и сказал твердо:

– Будь я на твоём месте, то остался бы в гимназии и окончил курс. А потом поехал бы в Петербург и начал карьеру, уже имея офицерское звание. И в этом нет никакого себялюбия или предательства.

– Почему?

– Подумай! Ведь у тебя будет гораздо больше возможностей помочь мне, если ты сам будешь силен.

Митя задумался.

– Ты прав, Мурза... Как бы ни сложилась судьба, – ты мой друг навеки!

Директор всё-таки помог Державину экстерном сдать экзамены и получить аттестат. Собрав нехитрые пожитки, Ганя выехал в родные Сокуры, с тревогой думая, как перенесет мать недобрую весть. Но к его удивлению, Фёкла Андреевна проявила стоическое самообладание. Она лишь тихо охнула, но сразу опомнилась, прикрыв рот ладонью.

– Не горюй, сыночек! Бывают несчастья и похуже. А Преображенский полк – это всё-таки гвардия. Будешь жить в столице, Бог даст, там и выслужись...

Словом, вместо того чтобы утешать мать, Державин сам услышал от нее слова утешения. В дорогу Фёкла Андреевна вручила ему сто рублей на расходы и отдельно, в красном замшевом мешочке – серебряный рубль-крестовик петровских времен.

– Это тебе наш семейный оберег, ангел мой! Подарок моего батюшки... Храни его и вспоминай меня хоть изредка!

Она перекрестила сына и улыбнулась через силу. Державин выехал в столицу успокоенный, обласканный, чувствуя себя настоящим богачом.

Глава 3 Преображенец

Петербург показался Гавриилу настоящим чудом света! Даже милая его сердцу Казань не могла с ним сравниться. Зимний дворец, монументальное здание Адмиралтейства с золотым кораблем-флюгером на шпилье, нарядный Невский проспект, Кунсткамера, мосты, бульвары, нарядно одетые люди. Но его простодушный восторг и природный оптимизм вмиг иссякли, едва он переступил порог канцелярии Преображенского полка.

– О, брат, просрочил! Ха-ха-ха! – заржал майор Терентьев, заглянув в документы Державина.

– Я не виноват...

– Уморил! Все не виноваты. Порядок, однако, один: гауптвахта до рассмотрения вашего дела. Эй, Лавкин!

Прибежал долговязый капрал, чтобы арестовать новобранца, но Державин не сдвинулся с места. Буря бушевала в его груди. Не может быть, чтобы после стольких душевных волнений, выпавших на его долю, с ним могли обойтись так жестоко.

– Ваше благородие! Извольте пересмотреть мои бумаги и отметить дату, когда императорский приказ был доставлен в Казанскую гимназию. У меня не было ни малейшей возможности прибыть в срок!

Терентьев, ошарашенный неожиданным напором юноши и его уверенностью в своей правоте, углубился в изучение бумаг и выяснил, что тот совершенно прав. Опоздал не солдат, а приказ.

– Ну что ж... Ладно! Считай, братец, что тебе повезло. Но впредь знай: с дисциплиной у нас строго. Одно слово – гвардейцы! Преображенцы!

Одержав маленькую победу, Гавриил попытался развить свой успех – стал просить зачисления в Инженерный корпус, но смешливый майор замахал руками:

– Что? Ха-ха! Разве я решаю такие вопросы? Тебе, брат, нынче и граф Шувалов не поможет. Его величество император Петр Федорович не больно-то жалует фаворитов покойной тетушки.

– К кому же мне обратиться, ваше благородие?

Терентьев снова уткнул нос в его бумаги, а потом взглянул на Державина уже серьезно, без смеха.

– В том-то и дело, любезный друг, что не к кому! Вы – провинциальный дворянин, приехали издалека... И полезных связей у вас в Петербурге нет. Так ведь? Придется потянуть солдатскую лямку, и не надейтесь, что вас скоро повысят в чине.

– Почему? Другие служат и выслуживаются!

Майор усмехнулся и ответил неопределенно, но не без некоторого сочувствия:

– Ну, дай Бог...

Державина зачислили в третью мушкетерскую роту, облачили в кургузый зеленый мундир и поселили в казарму. По дворянскому статусу он имел право снять квартиру, но для него это было слишком дорого.

Служба в лейб-гвардии считалась почетной, в нее отбирали самых лучших рекрутов. Крепостной мог дослужиться до капрала. Офицерами в императорской гвардии могли быть только дворяне, и их звания были на две ступени выше, чем в армии. Гвардейский прапорщик приравнивался к поручику, майор – к полковнику...

Державин с детства привык всюду быть лучшим: и в драках с дворовыми мальчишками, и в школе герра Розе, и в Казанской гимназии. Вступив в гвардию, он день и ночь учился ружейным приемам, шагистике и прочим армейским премудростям. Он даже договорился с унтер-офицером и доплачивал ему за дополнительные занятия. Бывало, вечерами, когда остальные солдаты, одурев от усталости, брели в свои казармы, Державин без конца маршировал, заряжал ружья, стрелял по мишени, колотл штыком манекен...

Император Петр III любил устраивать фронтовые учения и смотры. Гвардейцы забавляли его, как оловянные солдатики – единственная отрада его невестелого детства. Он требовал безупречной слаженности строя для парадных маршей. Нужно было знать множество команд и мгновенно выполнять их – все движения доводились до автоматизма. Державин учился всему, стиснув зубы: «Если я семилетним мальчиком не сломался в школе герра Розе, да еще и овладел немецким, то в восемнадцать выдержи всё, что пошлет мне судьба. Бог не оставит меня». Через несколько месяцев в солдатской выучке он далеко обогнал своих товарищей, в том числе и тех, кто прибыл в полк раньше него.

Гвардейские казармы отличались от обычных, армейских. В комнатах-клетушках, разделенных дощатыми перегородками, гвардейцы жили со своими женами и детьми. До Державина постоянно доносились то пьяные крики и ругань, то любовные воркования. Только глубокой ночью, выждав, когда все улягутся спать, он зажигал свечу и при слабом свете читал книги – русские и немецкие. Прознав, что он грамотей, солдатские жены стали иногда просить его написать письмо в родную деревню. Державин им не отказывал. Писал под диктовку, а порой и сам сочинял послания на любой вкус: и веселые, и «жалостные». Пробовал даже писать в стихах, что вызывало у неприхотливых заказчиков неподдельный восторг.

В качестве поощрения женщины ему стряпали и стирали, а их мужа выполняли за него полковые наряды – ходили в караулы, работали на полковом дворе. Однажды Державин сложил «Похвальную песенку Наташе» – маленькой дочери знакомого гвардейца. Бесхитростные вирши мгновенно облетели весь полк и стали предметом всеобщего восхищения. Теперь у Державина не было отбоя от заказчиков: он каждый день сочинял песни, частушки, забавные, а иногда и забористые куплеты на тему солдатского житья-бытья. Что греха таить, ему была приятна слава полкового стихотворца, но он считал это занятие пустой забавой, не имеющей ничего общего с поэзией.

Как-то он купил книгу Василия Кирилловича Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Дождавшись ночи, заперся в своей комнатухе, присел к столу возле свечки и под солдатский храп стал читать. И ничего не понял! Силлаботоника, гекзаметр, ямб, анапест... Он был поражен: оказывается, поэзия – это целая наука, совсем не то, что его стишки...

Державин вздохнул и вышел из казармы. В ночной прохладе нежно стрекотали кузнечики. Звезды, словно лампы, озаряли небосвод. Какую загадку хранят в себе неведомые планеты, созвездия, далекий Млечный путь? Что там? Неужто такие же миры, как наш?

«Звездам числа нет, бездне – дна», – прошептал Державин, с наслаждением вслушиваясь в каждое слово, глядя в ночное небо, вдыхая прохладный свежий воздух...

Он еще не знал, что занятие стихосложением принесло ему серьезные неприятности. Однажды случилось ему сочинить потешные куплеты об офицере их полка, придумавшем за женой полкового секретаря. Стихи не были злыми, и офицер только посмеялся, а вот секретарь затаил обиду и стал мстить. Всякий раз, когда ему поручали переписать список гвардейцев, представленных к повышению в звании, он «случайно» пропускал фамилию Державина.

* * *

Наступали тревожные времена... Армия и гвардия глухо роптали, не скрывая недовольства императором-немцем. Всеобщее раздражение достигло предела, когда Петр Федорович велел создать немецкий полк, состоящий из одних голштинцев, и расквартировал его в своей резиденции – Ораниенбауме.

Голштинцам оказывалось явное предпочтение, за что русские солдаты их люто ненавидели и при удобном случае всюду задирали: на смотрах и парадах, в трактирах и на ярмарках. Да и за что их было любить? Немцы держались особняком, лопотали по-своему, получали самое лучшее довольствие и амуницию, да и жалованье их было вдвое выше. А самое обидное было в том, что им легко доставались воинские звания. Два-три месяца – и солдат становился унтер-офицером.

Державин сторонился казарменных возмущений, голштинцев не ругал, а, напротив, часто разговаривал с ними, упражняясь в немецком. Каким-то неизъяснимым чутьем он всегда отделял себя от простых солдат, многие из которых были выходцами из крепостных крестьян и попали в прославленный

полк лишь благодаря росту, физической силе и белокурым волосам.

Гвардейские полки в те времена формировались «по масти». Каждый полк имел свои отличия. Вороньи кони – черноволосые кавалеристы, рыжие скакуны – соответственно, рыжие наездники и т.п. Державин ни в чем не уступал самым видным гвардейцам полка – ни во внешнем виде, ни в дисциплине, ни в военной выучке. К тому же он был природным дворянином и, казалось, мог легко продвинуться по службе. Тем не менее время шло, а его военная карьера никак не складывалась. В чем дело? Как ни странно, виной всему оказалось именно благородное происхождение. От потомка древнего рода мурзы Багрима начальство ждало приличную взятку, а у него не было денег удовлетворить их аппетиты. В отместку его обходили чинами. Он видел, что молодые гвардейцы, пришедшие в полк после него, уже стали капралами, а он оставался рядовым.

Однажды он стоял в карауле возле арсенала, как вдруг неподалеку остановилась золоченая карета, запряженная четверкой горячих скакунов. Дверца распахнулась, и на дорогу вышли двое: смуглый черноволосый мужчина в бархатном камзоле и худенький курносый полковник в зеленом мундире голштинского образца. Заметив караульного, полковник широким шагом направился прямо к нему, решительно отстранив своего спутника, который пытался удержать его.

– Да отстань ты, Бастидон! Я сам! – раздраженно сказал он по-немецки.

Державин, как положено в таких случаях, поднял мушкет. Но полковник, не обращая внимания на его предупреждение, продолжал смело приближаться к границе караульного поста. И вдруг сердце Державина вздрогнуло. Он узнал императора Петра III. Не сбавляя шага, венценосный «нарушитель» приблизился к будке и, оглядев часового, весело подмигнул:

– Guten Morgen, mein Soldat! (Доброе утро, мой солдат! – нем.)

– Здравия желаю, ваше императорское величество! – также по-немецки отчеканил Державин, вытягиваясь в струну.

Петр Федорович явно был доволен и, наклонившись к уху караульного, доверительно спросил шепотом, мол, где тут ближайший *sortir*?

Державин от неожиданности опешил. Он был готов услышать всё что угодно, кроме этого обыденного человеческого вопроса. В детстве он думал, что цари вообще обходятся без отхожих мест: ведь они богом избранные существа!

Опомившись, он толково объяснил, куда надо

идти, и Петр Федорович бодро зашагал в указанном направлении.

«Уму непостижимо! Царь! И как прост, как доступен!» – в смятении думал Державин.

Через несколько минут император, насвистывая немецкую песенку, вернулся и, хлопнув часового по плечу, бросил небрежно:

– Ein guter Ort zum Wandern! (Хорошее место для прогулок! – нем.)

Потом стал расспрашивать Державина, кто он, откуда и почему знает немецкий язык. По артикулу часовому запрещалось вступать в разговоры с посторонними лицами. Но здраво рассудив, что император – лицо отнюдь не постороннее, а государственное, Гавриил кратко рассказал о себе.

– Mein Gott! Какая возмутительная несправедливость, мой дорогой друг! – воскликнул император. – Дворянину не место у караульной будки! Хотите служить в моем Голштинском полку?

Державин замер на мгновение, не веря своим ушам. Вот она, улыбка Фортуны! И на чистом немецком языке, который старательно вызубрил в школе бывшего каторжника Розе, ответил:

– Ваше императорское величество! Готов служить верой и правдой всюду, где прикажете! Моя жизнь принадлежит вам, и я готов отдать ее за ваше величество!

– Sehr gut! Вы станете сержантом! Мне нужны верные люди... Эй, Бастидон! Напомни мне вечером об этом гвардейце!

* * *

Через неделю Державина вызвали в полковую канцелярию и объявили о переводе в Голштинский полк. Бумагу об отчислении из Преображенского полка ему вручил тот самый веселый майор Терентьев, который полгода назад чуть не посадил его под арест за опоздание.

– Ха-ха-ха! Умора! Немец выискался! Погляди-ка на него, брат Лавкин!

Худой длинный капрал мрачно поглядел на Державина, а майор продолжал балагурить:

– А ну, скажи что-нибудь по-немецки!

– Siesindsehr gutherzig, Herr Major! VielGiueck heute und immer! (Вы очень добры, господин майор, желаю счастья ныне и всегда! – нем.)

Терентьев похлопал глазами и снова рассмеялся. Без смеха он не мог прожить и минуты.

– Во как! Сразу видно образованного дворянина! Не то что ты, Лавкин! Ладно, не дуйся, пошутит! Ха-ха!

Капрал промолчал и окинул новоиспеченного голштинца завистливым взглядом.

Выйдя из канцелярии, Державин отправился в казарму, но по пути заметил, что на плацу творится нечто необычное.

Несколько верховых офицеров, прискакавших на взмыленных конях, кричали, что государыня в опасности и нужно немедленно идти ей на помощь. В один миг всё пришло в движение: забегали гвардейцы, запела тревогу труба, загрели барабаны! Офицеры спешно строили свои роты. Но среди них были и те, кто пытался остановить беспорядки и, обнажив сабли, вступали с бунтовщиками в бой.

* * *

Город охватила смута. По улицам Петербурга, чеканя шаг, войска двигались к Дворцовой площади, а с тротуаров отовсюду слышались разноречивые восклицания:

– Екатерина Алексеевна арестована в Зимнем!

– Господа, это ложь! Ее величество в Петергофе, на именинах императора Петра Федоровича!

– Он нам не император! Екатерина – наша государыня!

На площади перед Зимним дворцом собрался народ и выстроились гвардейские полки. Один Державин метался, не зная, что делать. Из Преображенского полка он уже был уволен, а в Голштинский ещё не успел вступить. Да и не было на площади ни одного голштинца. Неожиданно среди офицеров он заметил майора Терентьева и кинулся к нему.

– Ваше высокоблагородие!

Увидев его, майор засмеялся было по привычке, но тут же осекся и, тревожно оглянувшись, поманил рукой. Они отошли в сторонку.

– Вот как оно вышло, брат! Сенат присягнул новой императрице. Сейчас будет присягать гвардия. Бумага при тебе?

– Так точно!

Державин вытащил из-за отворота мундира приказ о зачислении его в Голштинский полк и протянул майору. Тот пробежал его глазами и неожиданно спросил:

– Кресало есть? Отлично. Давай, братец, да прикрой меня от посторонних глаз. Ну что стоишь как пень? Ха-ха-ха! Между прочим, я тебе жизнь спасаю!

Не успел Гавриил охнуть, как бумага вспыхнула и через несколько мгновений превратилась в пепел.

Терентьев встряхнул ладони и быстро, но внятно прошептал:

– Ты у меня в канцелярии не был. Я тебе ничего не давал. Понял, брат?

– Понял, ваше высокоблагородие!

– Теперь ступай к своим и становись в строй!

– Слушаюсь!

Державин отыскал третью роту и занял место в строю. По площади прокатилось громогласное: «Виват!» Из Зимнего дворца, окруженная свитой, вышла ее величество Екатерина Алексеевна. На ней был гренадерский мундир Преображенского полка. На голове – треуголка, длинные темные волосы схвачены сзади черным бантом. Да, это она... Как прекрасна, молода и полна отчаянной решимости!

– Гвардейцы! – раздался ее звучный голос. – Знаете ли вы, кто я?

– Зна-а-а-а! – прокатилось по площади.

– Мои храбрые воины! Император Петра Федорович перешел на сторону прусского короля! Он собирается расформировать гвардию и заменить ее немецкими наемниками!

– Долой императора! Екатерину – на престол!

– Крымский хан ведет на Россию свое войско, а император-предатель послал нашу армию на войну с Данией! Он вызвал из Голштинии лютеранских попов, чтобы заменить ими православных священников!

– Отстоим нашу веру!

Спешно началось принятие присяги. Ротные командиры читали перед строем слова клятвы на верность новой императрице, а меж рядами ходили священники и давали воинам крест для целования. Вместе со всеми присягнул и Державин. «Бог уберет меня от роковой ошибки», – подумал он.

Благодарными, влажными от слез глазами императрица глядела на своих гвардейцев. Когда воцарилась тишина, вновь прозвучал ее звонкий голос:

– Гвардейцы! Император укрылся в Ораниенбауме и собирает войска, чтобы погубить меня!

– Смерть императору!

В эту минуту Екатерине подвели ее любимого коня по кличке Бриллиант, и она легко вскочила в седло. Державин глядел не отрываясь. Он и раньше видел ее портреты, но сейчас поразился, как хороша она наяву, а не на холсте! Загадочный взгляд темно-синих глаз, мягкий подбородок, красиво очерченный рот, приоткрытый в милостивой улыбке. Ее маленькая рука, затянутая в белую офицерскую перчатку, потянулась к ножнам, а потом вскинулась вверх, держа золотую шпагу. Приподнявшись в стременах, Екатерина задорно воскликнула, обращаясь к гвардии:

– Дети мои! Кто меня любит – за мной!

И площадь, словно живое существо, грянула в едином порыве:

– Виват!!!

Державин стоял в первом ряду, ему было хорошо видно, как императрица пустила своего Бриллианта рысью по брусчатой площади вдоль полков. За ней скакала свита, а позади пристраива-

лись кавалерийские эскадроны Измайловского, Семеновского и Преображенского полков. Все были готовы мчаться за государыней в Ораниенбаум или хоть на край света.

Словно ангел небесный, пронеслась Екатерина мимо Державина. На миг они встретились глазами, и государыня улыбнулась белокурому статному гвардейцу. Он задохнулся от счастья и завороченно проводил ее взглядом.

Когда императрица и кавалерийские полки покинули площадь, в строгом порядке стала выдвигаться пехота, и всё потонуло в грохоте барабанов и нескончаемых криках: «Виват!» Гвардейцы знали себе цену. Им не впервой было решать династические вопросы с помощью штыков.

* * *

Мушкетерам третьей роты Преображенского полка было приказано стать лагерем в Петергофе. Наступили сумерки, но всё вокруг сияло... Горели костры, в небо то и дело взлетали разноцветные шутихи, гремела полковая музыка, вино лилось рекой.

По иронии судьбы щедрое угощение и пиротехника были доставлены по приказу самого Петра Федоровича, который сегодня должен был прибыть из Ораниенбаума в Петергоф, чтобы отпраздновать свое тезоименитство – день святых Петра и Павла. Узнав о дворцовом перевороте, император рванул было в Кронштадт, но морская крепость уже приняла присягу Екатерине Алексеевне.

Гвардия праздновала победу, доставшуюся ей без единого выстрела. Голштинские войска не стали защищать своего императора и разбежались, не приняв боя, а придворные Петра Федоровича тихо разъехались по своим поместьям от греха подальше.

Преображенцы расположились в аллеях Петродворца, пили, ели и гуляли всю ночь. Лишь Державин не принимал участия во всеобщем веселье и угрюмо бродил между деревьями.

Что же получается? Только вчера он обещал служить верой и правдой законному императору Петру Федоровичу, а сегодня присягнул на верность Екатерине... Ему не хотелось признавать себя предателем. Присягнула вся гвардия! Не могут ошибаться разом столько людей. Но всё-таки... Что-то саднило в груди и тревожило душу: он помнил, как милостив и дружелюбен был с ним низложенный император.

Под утро на центральной аллее он увидел черную карету, которую мчала запряженная цугом шестерка лошадей. Окна были зашторены, карету облепили гренадеры. Они примостилась везде, где только можно: на запятках, на козлах, на подножках. Но в

какой-то момент занавеска на окне вдруг поднялась, и потрясенному Державину явилось бледное лицо императора Петра III. Словно затравленный зверь, тоскливо и безнадежно глядел он сквозь стекло. Заметив Державина, он востропнулся, подался вперед, губы его шевельнулись, и гвардеец скорее угадал, чем услышал:

– Mein Soldat! (Мой солдат! – нем.)

– Ihre Majestät! (Ваше величество! – нем.), – рванулся к нему Державин. Но в ту же секунду откуда ни возьмись подскочили гвардейцы охраны и, грубо схватив его за плечи, потащили прочь от дороги. Последнее, что он увидел – упавшую занавеску в окне кареты.

– Кто таков? Полк, рота? С какого перепугу тут бродишь? – строго спросил седой капитан, командир наряда охраны.

– Рядовой Преображенского полка третьей мушкетерской роты Гавриил Державин! Заблудился, ваше благородие, виноват!

– Эх, ты, деревенщина! Ну, времена... Набирают в гвардейский полк абы кого. Не по уму-разуму, а по широким плечам да завидному росту... – ворчал маленький щуплый капитан, не зная, как поступить с солдатом. – Ладно, Бог с тобой, ступай, ищи свою роту, мушкетер!

Но вдруг подскочил один из охранников и что-то жарко зашептал на ухо капитану. Тот хмыкнул и сурово оглядел задержанного.

– Так вы – дворянин и служите в Голштинском полку? Это правда?

Гавриил узнал в доносчике долговязого капрала Лавкина. В его присутствии майор Терентьев вручал Державину приказ о переводе в Голштинский полк. Что делать? Подтвердить – значит, подвести Терентьева, который, спасая его, сжег подписанный императором приказ. Отрицать – значит, солгать, а лгать он не привык. К тому же это было опасно: выяснить правду при желании было не так уж трудно.

– Что вы хотели сообщить Петру Федоровичу? – последовал настойчивый вопрос.

– Клянусь, ничего, ваше благородие!

Видя растерянность молодого гвардейца, капитан велел арестовать его до выяснения всех обстоятельств.

Державина препроводили на гауптвахту и заперли в камере. Когда глаза привыкли к полумраку, удалось разглядеть грубо сколоченный стол, за которым, сгорбившись и постанывая, сидел мужчина. Гавриил приблизился к нему, и арестант поднял голову, открыв смуглое осунувшееся лицо. В свете коптившей сальной плошки блеснули темные влажные глаза.

– Что с вами? – спросил Державин.

– Разве дело во мне! – мужчина сжал кулаки и стукнул ими по столу. – Мой добрый государь... Заговорщики арестовали его и заставили подписать отречение. Потом повезли в Ропшу и не позволили мне быть рядом с ним. Вот до чего я дожил... Бросил в беде своего господина! О, mein Gott! Я не хочу больше жить!

В голове Державина промелькнуло воспоминание. Во время его разговора с императором рядом находился то ли придворный, то ли слуга с каким-то странным именем...

– Возьмите себя в руки, господин Бастидон! – твердо сказал он, вспомнив имя. – Не казните себя за то, в чем вы не виноваты. Надо уметь жить не прошлым, а будущим!

Бастидон тоже пристально взгляделся в своего собеседника и воскликнул:

– Кажется, я вас узнал! Вы – Державин?

– Именно так!

Яков Бастидон был португальцем по происхождению, но, пребывая в Голштинии на службе герцога Карла Петера Гольштейн-Готторпского, стал считать себя немцем. Когда его господин волею судьбы унаследовал российский трон, то Бастидон был готов сделаться и русским. Кем угодно, только бы служить ему...

– Вы и представить не можете, сколь многим я обязан государю. Он взял меня на службу нищим и обездоленным, а теперь я – императорский камергер!

– Теперь вы – узник, – усмехнулся Державин. – Надеюсь, что ненадолго.

Бастидон рассказал, что женат на кормилице великого князя Павла, сына императора. Цесаревич уже подрос, но до сих пор души в ней не чает.

Он еще много говорил о себе и своей семье, о несчастном императоре, но вскоре его излияния были прерваны. Заскрежетал ключ в замке, и в камеру вошли двое военных: старый инвалид – начальник гауптвахты и уверенный в себе полковник лет тридцати пяти в щегольском мундире. Узники встали рядом, плечом к плечу, в ожидании решения своей судьбы.

– Имя, фамилия! – сурово бросил полковник, обращаясь к Бастидону.

Тот назвал себя.

– А вы? – полковник окинул глазами статную фигуру гвардейца.

– Мушкетер третьей роты Преображенского полка Гавриил Державин!

Полковник кивнул и некоторое время молчал, размышляя.

– Преображенца отпустить! – приказал он дежурному. – Попал по недоразумению, за него поручился

майор Терентьев. А вот камергера я бы приказал допросить с пристрастием...

Даже в тусклом свете камеры было видно, как содрогнулся Бастидон.

– Ваша светлость!

– Ладно, не трусь, пошутил. Государыня на радостях велела освободить из гауптвахты всех преступников.

– Но я не преступник, ваша светлость!

Не удостоив его ответом, полковник вышел из каземата в сопровождении дежурного офицера. Через несколько минут явился караульный и проводил арестованных к выходу.

– Вы знаете, кто с нами разговаривал? – шепнул Бастидон. – Князь Александр Ильич Бибииков, храбрый воин! Император Петр Федорович весьма благоволил к нему, может быть, поэтому князь и отнесся к нам снисходительно.

В бледном рассвете пасмурного утра Державин не сразу разглядел у ворот гауптвахты тоненькую фигурку женщины с ребенком на руках.

– Яков! Яшенька! – женщина кинулась к Бастидону, и тот, раскинув руки, сгреб обоих в охапку.

– Ну что ты, родная... Не плачь, всё позади... Гавриила Романович, – камергер обернулся к Державину, – это моя жена, Мария Дмитриевна!

Вытирая слезы радости, Мария робко улыбнулась и опустила глаза. А сидящая у нее на руках крошечная кудрявая девочка не более двух лет от роду ничуть не смутилась и доверчиво потянулась к гвардейцу. Ему ничего не оставалось, как подхватить ее на руки.

Неведомая прежде нежность охватила Гавриила, когда он прижал к себе беззащитное тельце ребенка. Он ласково погладил черные кудряшки, невольно отметив сходство девочки с отцом, потом, поддавшись порыву, неловко поцеловал ее куда-то возле уха.

– Чудеса... – прошептал Бастидон. – Обычно она не идет к чужим людям.

– Признала за своего, – растроганно промолвил Державин, чувствуя, как тепло разливается по щекам и слезы наворачиваются на глазах.

Что с ним? Всё напряжение прошедшего дня вылилось в этих слезах: утраченная возможность вырваться из рядовых, вступив в Голштинский полк, дворцовый переворот, милостивая улыбка Екатерины Алексеевны, промчавшейся мимо него на красавце коне, мимолетный затравленный взгляд низложенного императора из окна кареты...

Все молчали. Девочка тоже притихла и осторожно гладила его по щекам, убирая слезинки.

– Как тебя зовут? – прошептал он.

– Катя! – охотно сообщила кроха и обвила ручонками его шею.

– Ты не Катя, а Пленира! – улыбаясь, возразил он. – Сразу взяла меня в плен!

Большие, похожие на спелые вишни глаза малышки удивленно округлились, но она не собиралась отпускать Державина.

– Ну, будет... Давайте ее мне, а то не отстанет! – решительно сказала Мария Дмитриевна, забирая дочь.

– Ради бога, простите, – очнулся Державин и провел рукой по лицу, словно прогоняя сон. – Прощайте, господа!

Он помахал рукой девочке, учтиво поклонился супругам и, не оглядываясь, быстрыми шагами вышел за ворота.

Глава 4 Москва

Свергнутый император Петр Федорович скончался в Ропше 6 июля 1762 года. Причиной смерти, как было официально объявлено, явились геморроидальные колики. Но вскоре поползли слухи, что императора прикончил граф Алексей Орлов, брат все сильного фаворита Григория, и якобы убийство это было совершено по приказу самой Екатерины Алексеевны. Ходила в народе и другая молва. В трактирах и армейских гарнизонах шептались, что императору удалось спастись и скрывается он на Урале, среди яицких казаков...

Как бы то ни было, едва тело Петра Федоровича (или его двойника) упокоилось в земле, вышел манифест о предстоящей коронации новой императрицы. А так как коронации русских царей традиционно происходили в Москве, то вскоре началось «великое переселение» из Петербурга в Москву императорского двора, гвардии и государственных учреждений. Прибытие ее императорского величества происходило торжественно, при большом скоплении народа.

Государыня ехала по Тверской в открытой золоченой коляске, украшенной дорогими коврами, хвойными ветками и гирляндами цветов. Гром пушек, звон колоколов и приветственные возгласы слились в единый победный клич. Державин в праздновании не участвовал. Он стоял в карауле.

Венчание на царство Екатерины II состоялось 22 сентября 1762 года в московском Успенском соборе. Балы, фейерверки, парадные обеды, маскарады и прочие увеселения длились несколько месяцев. На участников переворота посыпались награды: деньги, чины, имения... В дни коронации на площадях били фонтаны белого и красного вина, народу бесплатно раздавали кус-

ки жареного мяса, бросали в толпу медные монеты. Ликовала и веселилась матушка-Русь!

Лишь очень немногие задумывались над тем, почему после отречения и загадочной смерти Петра III в Ропше новая государыня не передала власть законному наследнику престола – сыну Павлу. Среди немногих сомневающихся был и Державин. Слава богу, времени для раздумий ему хватало. Он чаще других стоял на посту, подменяя товарищей по службе. Это был верный способ немного заработать. Гвардейцы, бывало, не могли держаться на ногах, окунувшись в нескончаемый праздничный разгул, и тогда на помощь приходил Державин. Стойко, словно оловянный солдатик, он отбывал за них вахту, мысленно представляя себе веселый кутеж однополчан. А друзья пировали, поднимая кружки за Екатерину, за свой полк, за гвардейское братство, а под конец, по старой традиции – «за тех, кто в походе, в карауле, на вахте и на гауптвахте».

* * *

После коронации Екатерины II многих гвардейцев повысили в звании, в том числе и Державина: он стал капралом. И хотя капралу еще было далеко до офицера, но он и тем был доволен.

В Москве Гавриил остановился у двоюродной тетки, Матрены Саввишны Блудовой, дородной хлопотуньи, которая, вопреки фамилии, отличалась благочестием, добрым нравом и твердой моралью. Племянника тетка любила и за квартиру дорого не брала.

Отказавшись от казармы, Державин пытался начать жизнь с нового листа. Ему хотелось напомнить начальству, что он не обычный солдат. Но как это сделать?

С каждым днем всё тяжелее становилось тупое, до одури однообразное существование. Природный ум Державина, его душевные и физические силы требовали достойной деятельности, а он словно пребывал в бесконечном тягучем сне и никак не мог проснуться. Настоящая жизнь протекала вдали от него. Где-то находились люди его круга, они сражались в боях, получали чины и награды, заседали в Академии наук, издавали законы в Сенате, сочиняли стихи и печатали их в журналах... Почему же он, потомок дворянского рода, лучший ученик Казанской гимназии, зачисленный когда-то его сиятельством графом Шуваловым в Петербургский инженерный корпус, стоит с ружьем возле полосатой будки?

Ответ был прост... Постыдная бедность опутала его с головы до ног, не позволяя вырваться в большую жизнь. Чего же он ждет, на что надеется?

* * *

Преображенский полк задержался в Москве. Тяжелую службу Державину скрашивали семейные ужины с теткой и двоюродным братом, Иваном Блудовым. Своего великовозрастного сынка Матрена Саввишна называла непутевым за его разгульный образ жизни и ставила ему в пример благонравного Ганю.

Державину часто приходилось разносить письма и приказы офицерам, жившим в разных уголках Москвы, и для этого в любую погоду приходилось вставать до рассвета. В крошечной тьме он пробирался по грязным улицам, рискуя наткнуться на грабителей. Однажды на глухой улице Пресне он чуть не погиб. На него напала свора собак, и он еле отбил от них тесаком.

Но самый неприятный случай произошел с ним в центре Москвы, в доме бывшего товарища, князя Козловского. Свой визит к нему он запомнил надолго.

Молодой офицер Иван Козловский был ровесником Державина, в Преображенском полку появился недавно и поначалу терялся, совершая много промахов. Державин всячески его поддерживал, объясняя премудрости службы. Козловский дружил со многими известными поэтами и сам писал стихи, что особенно возвышало его в глазах Гавриила. Вскоре князь получил назначение в роту кавалергардов. Он тепло простился с Державиным, уверив, что останется его другом навеки.

Прибыв к князю с поручением, Державин встретил у него известного стихотворца Василия Ивановича Майкова. Тот громко, с жаром читал сочиненную им трагедию, но, увидев вестового, сразу замолчал. А Козловский, узнав Гавриила, небрежно кивнул:

– А, это ты? Давненько не виделись. Ну, что там у тебя? Недосуг мне...

Слова бывшего однополчанина как ножом полоснули по сердцу. Однако Гавриил не слишком удивился холодному приему: дружба дружбой, а служба службой. Проглотив обиду, он отдал запечатанный пакет и хотел было уйти, но что-то не пускало его. Не Козловский, а Майков притягивал его взор. Впервые так близко он видел настоящего поэта! Державин задержался у дверей, надеясь, что Майков будет читать дальше. Воцарилась неловкая пауза. Козловский, заметив, что курьер не уходит, сказал ему:

– Поди, братец служивый, с богом. Чего тебе попусту зевать? Всё равно ты в стихах ничего не смыслишь.

Державин молча вышел.

* * *

Деньги и связи... Лишь только они могли спасти его от тупого прозябания! Одного усердия мало, чтобы вырваться из трясины, которая с каждым днем всё глубже его засасывала. Он давно заметил, что если гвардейца несколько раз обходили с повышением, то в дальнейшем шансов выдвинуться становилось всё меньше. С каким бы рвением он ни служил, начальство этого либо не замечало, либо воспринимало как должное.

По дороге домой он думал с горечью: «Поделом мне... Каждый сверчок свой шесток!» Остановившись на набережной Москва-реки, долго стоял в раздумье. Никогда раньше он так не ощущал свое одиночество. Впервые ему захотелось выпить и рассеяться, чего с ним раньше никогда не случалось. Можно было запросто пойти на Красную площадь, где по случаю коронации вино наливали даром, но он побоялся встретить однополчан и тем самым уронить себя в их глазах, да и в своих собственных. Пришлось завернуть в ближайший трактир. Но и там не обошлось без нежелательной встречи.

– А-а! Ганюшка, братец мой! – приветственно помахал ему рукой молодой рыжеватый мужчина в мундире титулярного советника. В тумане винных испарений и табачного дыма Державин едва узнал Ивана Блудова, сына своей квартирной хозяйки, Матрены Саввишны.

Иван любил приложиться к чарке, был неистовым картежником и любителем женщин, которые слетались к нему, как пчелы на мед.

– Глазам не верю! – балагурил он, усаживая гвардейца за стол подле себя. – Почему не в карауле, как обычно? Неужто решил разговориться после долгого поста? Али деньги завелись?

Развязный тон покорбил Державина, но он сдержался, тем более что у него нынче и вправду кошелек был не пуст. Преображенцам выплатили премию.

Гавриил жестом позвал подавальщика, велел принести бутылку красного вина и наполнил оба стакана – свой и Блудова. Беседа пошла живее. Иван пожаловался на притеснения начальника конторы, где он служил, а Державин в ответ рассказал о своих мытарствах.

Выслушав его, кузен сочувственно вздохнул.

– Что поделывать, брат! Такие времена... Без богатой родни и полезных знакомств – никуда. Но главное – деньги. Как только они появятся, придет и всё остальное. И моргнуть не успеешь, как отыщутся друзья, посыплются чины и награды.

– Мзду платить? Пробовал – бесполезно...

Блудов усмехнулся.

– Ты меня не понял, брат. Я не говорил, что надо кому-то платить. Я сказал, что деньги надо иметь. Для того, кто их имеет, открываются все двери, причем сами собой, без малейших усилий. Хочешь, покажу на примере?

– Изволь.

– Есть у тебя золотой империал? Положи его на стол и скажи подавальщику, что уходишь и желаешь расплатиться за вино.

Державину не хотелось разменивать крупную монету, но из любопытства сделал всё так, как велел кузен. При виде империала слуга буквально сломался пополам в почтительном поклоне, а затем, извиняясь, попросил найти деньги помельче. Объяснил, что в эти часы посетителей бывает мало и найти сдачу затруднительно.

– Мельче не держу! – гордо ответил Державин под одобрительный кивок Блудова.

Слуга еще раз извинился и побежал к буфетчику, а тот – к хозяину трактира. Хозяин с сияющей улыбкой, раскинув руки, кинулся к Державину, словно спешил обнять дорогого гостя.

– Добрейший вам вечерочек! Польщен визитом уважаемых гостей! Позвольте представиться: Евграфий Кузьмич Драгоценный! – и, увидев недоумение на лице Державина, пояснил: – Это фамилия моя такая: Драгоценный. От родителей досталась. Покорно прошу простить, вышло маленькое недоразумение! Сдача у нас, конечно, имеется, но надобно отпереть кассу... Впрочем, стоит ли хлопотать из-за одной бутылки? Я просто запишу ее на ваше имя, да и дело с концом. Расплатитесь в другой раз! Милости просим!

Гавриил вопросительно взглянул на Блудова, и тот снова кивнул.

– Ладно, пишите: капрал Преображенского полка Гавриил Державин... Но ведь вы изрядно рискуете, драгоценный вы мой! – он улыбнулся. – А ну как больше не приду? Будете искать?

Трактирщик замахал руками.

– Ради бога! Не в наших правилах затевать тяжбу из-за бутылки вина.

– Зачем же тогда записывать?

Драгоценный почесал в затылке.

– Не взъищите, господин гвардеец... Только ради знакомства!

* * *

Когда Державин и Блудов вышли на улицу, солнце уже перевалило за полдень.

– Ну, убедился, что я прав? – усмехнулся Блудов, потрепав приятеля по плечу. Он был лет на десять старше Гавриила и держался с ним покровитель-

ственно. – Поверь, трактирщик искать тебя не будет! Более того, если придешь расплатиться – еще раз даром угостит.

– Но почему?

– Чтобы не терять лицо. Его обычные постояльцы – мелкая рыбешка. Для него знакомство с богатым клиентом важнее бутылки вина. Он носом учуял, что ты не из простых, и оказал тебе услугу. Значит, может рассчитывать и на твою помощь.

– Думаю, что он просчитался.

– Кто знает... Фортуна – дама капризная. Сегодня ты нищ, как церковная крыса, завтра – богат, как Крез! Я ведь тоже поднялся на ноги не сразу. Нужно уметь выбирать друзей и уметь рисковать... – он вдруг остановился и, поманив рукой Державина, шепнул ему на ухо:

– Могу познакомить с нужными людьми. Пойдешь со мной?

– Куда?

– Потом узнаешь... – уклончиво ответил Блудов и, оглянувшись, заговорщицки подмигнул: – Не робей, гвардия!

Первым инстинктивным побуждением Державина было отказаться. Но благоразумие тут же уступило место желанию испытать судьбу. Молодость требовала риска и приключений, и заманчивая возможность пуститься в авантюру взяла вверх.

– Ладно, пойдём!

* * *

Таинственным местом, куда Блудов привел молодого гвардейца, оказался обыкновенный игорный дом «Король бубен», где азартно резались в карты небогатые купцы и мелкие чиновники. Державин не мог скрыть разочарования, но его наставник, ничуть не смутившись, заказал у распорядителя по стакану пунша и решительно направился к одному из карточных столов.

Как видно, он был тут завсегдатаем, потому что игроки шумно его приветствовали, предлагая расписать пульку. Блудов грузно уселся за ломберный стол и покровительственно представил им своего протеже.

– Рекомендую, господа: мой кузен Гавриил Державин!

Друзья заулыбались и стали жать ему руку, называя свои имена. Все они показались Державину на одно лицо. Запомнился лишь хозяин заведения, худой и прямой, как жердь, немец Отто Шульман. С учтивым поклоном и легким акцентом он предложил гвардейцу место за столом. Тот и моргнуть не успел, как оказался в игре.

* * *

Не ожидавший столь быстрого поворота событий, Гавриил поначалу растерялся, но ломаться не стал.

– Я тоже давно не играл, – заверил его Блудов, сдавая карты, – но, если можно верить народным приметам, нам с тобой должно повезти!

Через час игры выяснилось: приметам верить нельзя. Державин спустил абсолютно всё, что так приятно звенело у него в кошельке, в том числе и золотой империал. Единственное, что у него осталось – серебряный рубль, подаренный матерью при расставании. В порыве азарта он достал из-за отворота мундира заветный мешочек, но вовремя одумался, поспешно спрятал маменькин талисман и решительно встал. Стараясь сохранять на лице невозмутимое выражение, любезно поклонился:

– Благодарю, господа! Время позднее, да, признаться, и понтировать больше не на что!

Но ушлые игроки протестующе загудели:

– Как «не на что»? Да у тебя, любезный друг, в каждом кармане по кошельку!

– Это ладанка, матушкин подарок.

– А что в ладанке? – поинтересовался Шульман.

– Петровский рубль-крестовик. Но играть на него я не буду!

– Не смею настаивать! – поднял руки немец. – Однако считаю, что теперь самое время проверить, сбережет ли вас маменькин амулет.

Словно подчиняясь чьей-то незримой силе, Гавриил расстегнул крючки мундира, собираясь извлечь заветный красный мешочек, и вдруг... Что это? Он нащупал зашитые под подкладкой деньги, которые ему маменька когда-то вручила на дорогу. Сто рублей! Целое состояние, о котором он в тот момент забыл, неожиданно явилось ему как волшебный подарок судьбы.

– Я играю, господа!

Его слова были встречены одобрительными возгласами...

* * *

Помог ли подаренный матерью оберег или его поддержали некие высшие силы, но часа через два Державин вернул себе всё проигранное, присоединив к своим деньгам еще и солидный выигрыш.

Партнеры благодушно поздравляли его с удачным почином, а те, кто особенно крупно проигрался, старательно делали «*faire bonnemieine a mauvaisjeu*» (хорошую мину при плохой игре – *фр.*).

Герр Шульман предложил Державину играть снова, но Иван Блудов на правах старшего брата реши-

тельно потребовал прекратить игру и идти домой. Пришлось подчиниться.

– Главное – не зарываться! – по дороге наставлял он кузена. – Карты, Ганя, такая напасть... Не сумеешь вовремя объявить «пас» – потеряешь всё! Еще и в долгах останешься. Играй, но головы не теряй! Впрочем, у тебя талант, это видно сразу! И руки хорошие: пальцы длинные, чуткие. Ты, братец, далеко пойдешь, попомни мои слова!

Гавриил едва его слышал. Радость от неожиданно свалившихся на него дармовых денег опьяняла и приводила в смятение мысли. Оказывается, так просто – стать богатым. За один вечер можно получить сумму в четыре раза больше его месячного жалованья! Так зачем тянуть лямку, пусть даже в самом привилегированном полку Российской империи? Всё равно никакого толку...

Давно уже наступил вечер, зажглись звезды. Матрена Саввишна сидела на лавке возле дома, тревожно поджидая припозднившихся сына и племянника. Разглядев их издали, старуха охнула и уже собиралась устроить им строгий нагоняй, но Гавриил почтительно поцеловал ее морщинистую руку и вложил в нее пять рублей – квартирную плату за два месяца. Госпожа Блудова сразу подобрела и побежала разогревать ужин.

Добравшись, наконец, до своей комнатухи, Гавриил устало присел на койку и стал вспоминать события прошедшего дня. Высокомерная отповедь князя Козловского всё еще саднила душу, но уже не причиняла острой боли. Забавным курьезом промелькнул в памяти трактир Евграфия Драгоценного. Но особенно волнующе ярко запечатлелось в сознании всё, что произошло в игорном доме «Король бубен». Поднявшись, Державин достал потяжелевший кошелек и встряхнул его. Монеты упоительно зазвенели. Он даже не помнил, сколько сегодня выиграл. Наверное, не менее ста рублей... Но, высыпав деньги на стол, он с удивлением насчитал целых триста! Да-да, у него триста рублей и еще сто маменькиных! На что же их употребить? Может быть, дать взятку командиру роты, пожилому вояке, отцу трех незамужних дочерей – пусть поможет ему в продвижении по службе? Но ротный уже не раз напоминал командиру полка о Державине, и всё зря.

И вдруг внезапная мысль осенила его. Расстаться с деньгами он всегда успеет... Пока Фортуна к нему благосклонна, надо попытаться преумножить свое богатство!

* * *

Утром Державин отправился на службу, а вечером ноги сами понесли его в игорный дом

«Король бубен». Возможность разбогатеть быстро и легким способом вскружила ему голову, заставив забыть обо всем на свете. Он играл, отчаянно рискуя, то и дело ошибаясь, и за несколько партий вчистую проиграл всё, что у него было: и свои сбережения, и вчерашний выигрыш, и жалованье, полученное в полку, и сто рублей, зашитые в подкладке мундира... Всё, кроме серебряного рубля – маменькиного талисмана. Картежники не отпускали его, предлагая продолжить игру. Он отказывался, но его чуть ли не силой вновь усадили за игорный стол.

– Господа! – в отчаянии объяснял Державин. – У меня нет денег, а играть в долг я не привык.

– Почему же в долг? – спокойно возразил Отто Шульман, – насколько я помню, у вас есть замечательный подарок вашей Mutter. Помните, как он выручил вас вчера? Верьте в него, юноша, а то он на вас обидится.

– Нет-нет! Ни за что!

Но какой-то бес, засевший в его голове, шепнул ему: «Играй!» И всё началось снова... Державин делал небольшие ставки и несколько раз выиграл, потом поставил ва-банк – и проиграл всё. Стал отыгрываться – и выиграл! Хотел уйти, но бес не отпускал. В какой-то момент Державину почудилось, что маленький рогатый урод, водрузившись ему на плечи, азартно хихикает, лукаво заглядывает в глаза и бьет по груди кривыми волосатыми ножками, понуждая продолжать игру... Сколько времени он провел за игорным столом? Он не знал. Игроки менялись, он их не помнил, и лишь бледное лицо Отто Шульмана с улыбкой на тонких губах неизменно маячило перед ним...

Наконец в полном изнеможении он упал головой на зеленое сукно и услышал словно сквозь туман:

– Ладно, на сегодня хватит! Антон Харитонович, посчитайте, сколько он нам должен?

– Тут и считать нечего! – откликнулся чей-то веселый голос. – С господина гвардейца ровно три тысячи рублей!

Чудовищная сумма, словно ушат холодной воды, привела Державина в чувство.

– Лжете! – подскочил он.

– У меня всё записано! – обиженно возразил Антон Харитонович, тыча в лицо Державина замушенную бумажку.

Немец сурово нахмурился:

– Завтра пополудни вы должны оплатить ваш проигрыш! В противном случае у вас будут большие неприятности. Имейте в виду: вы играли при свидетелях!

Державин обвел глазами игроков. А те смотрели на него, как шакалы на медведя, готовые по

первому сигналу жоака броситься на него всей омерзительной стаей.

– Герр Шульман, – глухо промолвил он, стараясь сохранить спокойствие, – завтра я принесу нужную сумму.

– Вот это дельные слова! Но маленькое условие... Entschuldigung (извините – нем.), таковы правила. Вам придется оставить небольшой залог.

– Какой залог?

Шульман поджал тонкие губы.

– Да суцая безделица. Всего лишь серебряный рубль, подаренный вашей маменькой...

Дался ему этот рубль! Державин метнул на него испепеляющий взгляд, не пытаясь сдержать гнев.

– Как вы смеете сомневаться! Я гвардеец ее императорского величества! И если даю честное слово, то сдержу его или умру. А сейчас мне не о чем разговаривать с вами, сударь!

Державин решительно отстранил немца и направился к выходу. Но не прошел он и нескольких шагов, как жестокий удар в голову едва не свалил его с ног. Кто-то из игроков оглушил его табуретом. И вся стая набросилась на него. Державин не успевал защищаться от сыпавшихся на него ударов. Его били кулаками, тростями, пивными кружками, железной кочергой – всем, что только попадалось под руку. Били злобно, не щадя, куда попало... Лишь чудом, уловив момент, ему удалось вскочить на ноги и выхватить тесак из ножен.

– Прочь, собаки! – крикнул он. – Убью!

Блеск боевого клинка охладил пыл разбушевавшихся игроков. Толпа отшатнулась, и в наступившей тишине Отто Шульман ехидно проронил:

– Вот уж не думал, что оружие дано доблестным гвардейцам для обороны от мирных граждан. Так и быть, господин Державин, отпущу вас без залога. Вижу, что вы хорошо усвоили преподанный вам урок. Ступайте зализывать раны, а завтра в полдень – милости просим к нам, в «Король бубен»! И не вздумайте скряться! Вас найдут даже в преисподней.

Бредя по темным улицам, Державин еле нашел дорогу. С каждым шагом ему становилось всё хуже, тошнота подкатывала к горлу: удар табуретом по голове давал о себе знать. Кое-как он доплелся до калитки дома Блудовых.

* * *

Выслушав покаянную исповедь кузена, Иван долго молчал, потом тяжело вздохнул.

– Эх, братец ты мой... Тебе уж двадцать лет, а умишко, как у малого дитяти. Да неужто ты не понял, что перед тобой картежные шулера?

Державин отшатнулся.

– Не может быть! Я следил за игрой!

– Ты, Ганя, сам того не зная, играл с открытыми картами!

– Я никому их не открывал!

– Они были известны им прежде, чем ты сам успел в них заглянуть, – невесело усмехнулся Блудов. – Трудно и представить, сколько имеется секретных способов тасовки и сдачи карт! А крапление? Это целое искусство! Гнутые углы, насечки, наковки, слегка измененный рисунок на рубашке карты... А зеркала, отражающие карты партнера! Они везде – на стенах, в канделябрах, в обыкновенных табакерках. Я уж не говорю об условных сигналах, которыми обмениваются игроки, и ручных манипуляциях с картами.

– Так почему же ты сразу не предупредил? Зачем притащил меня в этот притон?

Блудов обиделся:

– Зачем? А ты забыл, что ушел оттуда с немалыми деньгами? Да еще уговаривать пришлось: ты рвался продолжить игру. Их метода мне хорошо известна. Сначала дают новичку выиграть, причем по-крупному, не скупятся... А когда игрок приходит еще раз, обдирают как липку и берут в кабалу – заставляют работать на себя. Обучают шулерским приемам, посылают в трактиры и постоялые дворы «вербовать рекрутов». Это как птичьи силки: коготок увяз – всей птичке пропасть. Но долг заплатить всё же придется... И точно в срок, иначе отомстят жестоко. Знаю я этот народец! Мать родную не пожалеют...

При этих словах Державин вздрогнул. Не хватало еще, чтобы из-за его легкомыслия пострадала матушка. Где достать деньги? Шутка ли – три тысячи рублей! Занять у Блудова? Но едва лишь Гавриил об этом заикнулся, тот замахал руками, объяснив, что даже в руках не держал таких денег. Мелькнула мысль о князе Козловском. Неужели знатный и богатый кавалергард, который когда-то называл его своим другом, не поможет ему в трудную минуту? В сущности, он добрый малый, хоть и шалопай. Наверное, уже корит себя за то, что так холодно обошелся со старым приятелем.

До полудня оставалось около четырех часов. Наскоро собравшись, Державин отправился на Тверскую. Ему повезло: он подошел к дому Козловского как раз в тот момент, когда князь спускался по гранитным ступеням парадного подъезда, направляясь к нарядному экипажу, запряженному парой английских лошадей.

– Опять ты? – вместо приветствия нахмурился Козловский. – С чем пожаловал? Приходи, Гаврила, завтра. У меня неприятности: еду к отцу денег просить. Стыдно, конечно, но ничего не поделаешь. Долг чести: или плати, или стреляйся! Я, брат, вчера

проигрался в пух и прах, и знаешь кому? Поэту Майкову! Гений хренов... Не стихи у него, а жалкие нескладушки!

Князь что-то еще говорил о Майкове, ругая его последними словами, но Державин уже не слушал. Коротко извинившись, он сбежал по лестнице и зашагал по мостовой сам не зная куда. Его мозг напряженно искал спасительный выход. Обратиться к майору Терентьеву? Он не раз выручал его, но вряд ли у него могли быть такие деньги. К тому же Ганя обманул его, отпросившись со службы якобы для того, чтоб навестить больную мать.

Кто еще мог бы ему помочь? Он вдруг подумал о трактирщике Драгоценном. Имени его он не запомнил, а необычная фамилия прочно зацепилась в памяти. Почему бы и нет? Судя по тому, что в прошлый раз трактирщик «ради знакомства» не взял с него платы за бутылку вина, дела у него шли неплохо...

Трактир был еще закрыт, но Драгоценный, заметив в окне гвардейца, кинулся открывать. В отличие от Державина, трактирщик прекрасно запомнил его имя и отчество.

– Милости просим, Гаврила Романыч! Пришли вернуть долг? Вот что значит честный человек! Вроде бы такая малость – гривенник! А вы не забыли, принесли денежку...

Не ожидавший такого поворота, Державин невольно потянулся к кошельку и, нащупав в нем случайно затерявшийся в складке пятиалтынный, протянул Драгоценному.

– Сдачи не надо!

– Покорно благодарю! Поиздержался я... Вечор бумага пришла: платить за аренду надо, а тут, как на грех, жена заболела, пришлось доктора звать. Детишки без присмотра остались, нянька нужна... Словом, каждая копейка на счету! Гаврила Романыч, нижайшая просьба: не одолжите ли вы мне ваш золотой империял? Я через неделю верну... честное слово!

Державин горько усмехнулся.

– Не обессудьте, любезный. У меня уже нет империяла.

Трактирщик закусил губу, понимая закивал и предложил кружку пива. Державин отказался и, простившись, вышел за дверь.

* * *

Домой он вернулся подавленным. Матрена Саввишна стала приставать к нему с назойливыми расспросами, где был да почему не хочет поесть? Раздраженный Гавриил молча поднялся в свою комнату, но через минуту услышал негромкий, но настойчивый стук в дверь и сладкий голос:

– Открой, Ганюшка! Чего от меня прячешься, друг любезный? Тебе посылка от маменьки пришла!

Гавриил бросился к двери и отпер ее.

– На, держи! – Матрена Саввишна сунула ему в руки увесистый сверток. – Фёклушка прислала с оказией. Дьячок какой-то передал. Я ему пятак дала...

Взяв посылку, Державин пробормотал слова благодарности и снова запер дверь к великому неудовольствию хозяйки, которой не терпелось узнать, что там зашито в серую мешковину.

Непослушными от волнения руками он вскрыл ножом для разрезания бумаг плотный мешок. В нем было письмо от матушки и крепко завязанный, тяжелый, туго набитый кошелек! Державин развернул письмо и пробежал глазами аккуратно выведенные строчки. После обычных поклонов и вопросов о здоровье Фёкла Андреевна сообщала, что получила небольшое наследство, и просила сына купить под Москвой скромный домик. Ей-то, старой, уже ничего не нужно, а Ганечке именице не помешает. Если им с умом распорядиться, оно со временем будет приносить доход... Недочитав, Державин с трудом развязал кошель и высыпал на кровать его содержимое. Золотые монеты, мелодично звеня и отсвечивая благородным блеском, усыпали шерстяное одеяло. Он погрузил руки в кучу монет, набрал пригоршню, чувствуя их приятную тяжесть. Потом пересчитал неожиданно свалившееся на него богатство. Триста золотых империялов – ровно три тысячи рублей прислала ему маменька! Словно знала, что сыну позарез нужна именно эта сумма! В это время настенные итальянские часы, висевшие напротив его кровати, пробили половину двенадцатого. Поняв, что еще успевает к назначенному сроку, Державин лихо радочно собрал деньги и помчался в игорный дом.

Глава 5 Повеса, мот, буян...

После путешествия по России Екатерина Алексеевна без лишнего шума вернулась в Петербург и с головой погрузилась в дела. В глубине души она чувствовала не столько радость от своего триумфа, сколько душевное смятение и тревогу перед необходимостью управлять необъятной и непонятной страной. Кроме того, ее угнетало одиночество. На кого ей положиться? Кто ей друг и кто враг? Основные силы армии в перевороте не участвовали. Гвардейцы, посадившие ее на трон, тоже не вызвали полного доверия. Слишком они гордились собой, сознавая свою роль в русских дворцовых переворотах. «Нам енто дело не впервой! Захотим – посадим, захотим – скинем!» – донеслось до нее однажды из

военных рядов. Екатерина сделала вид, что пропустила возглас мимо ушей, но холодок страха вдруг заставил желудок неприятно сжаться.

Она понимала, что управлять страной может лишь любимый народом монарх. И с самого начала царствования старалась быть милостивой и вершить добрые дела. Покидая Москву, она распорядилась основать в древней русской столице Воспитательный дом для брошенных детей. В нем сирот не только кормили и одевали, но и обучали грамоте и ремеслу. Во взрослую жизнь воспитанники вступали самостоятельными людьми, способными приносить пользу себе и Отечеству. Впоследствии такие дома стали создавать по всей России. Заботилась Екатерина и о здоровье нации. «Аптек и лекарей должно быть в избытке! – говорила она. – Надо устроить так, чтобы каждый мой подданный, вне зависимости от чина и сословия, мог вовремя получить врачебную помощь».

Что еще следовало сделать в первую очередь?

Вернуть монастырям недвижимое имущество, отнятое распоряжением Петра Федоровича, и тем самым снискать расположение церкви. И, конечно, приблизить к себе молодых умных советников, наградить тех, кто помог ей в дни переворота.

Молодость, молодость... Как стремительно она уходит! Сегодня Екатерина обнаружила у себя мелкие морщинки возле глаз. Если их хорошо запудрить рисовой пудрой, никто ничего не заметит, но она-то знала, что они есть! И это очень огорчало. Она испытывала неодолимое желание любить и быть любимой. Даже самой себе не могла она признаться, что ей давно уже хотелось новой страстной любви.

Ее чувства к графу Орлову с каждым днем охладевали, уходили в прошлое. Грубый и вечно пьяный граф стремительно превращался в развалину. Хотя Григорий был лет на пять ее моложе, но выглядел стариком. Каждый раз он со страхом ждал свидания, страдал и стыдился своей немощи. Хотел даже наложить на себя руки, но Екатерина, щедро одарив фаворита дворцами и деньгами, отправила его на отдых в одно из поместий.

На миг мелькнуло воспоминание о польском графе Станиславе Понятовском, с которым у нее был давний адюльтер, еще до Григория Орлова.

Легкая улыбка тронула ее небольшие, аккуратно подведенные помадой губы. Припомнилось, как однажды утром её супруг Петр Федорович беседовал с английским послом Вильямсом и его помощником, молодым польским шляхтичем Станиславом Понятовским. Камергер доложил, что завтрак подан, и Петр любезно пригласил гостей разделить трапезу. Вскоре в столовую явилась и

Екатерина Алексеевна со своей любимицей – крошечной болонкой Зизи. Увидев сидящих за столом мужчин, собачонка первым делом злобно облаяла Петра Федоровича, потом – Вильямса, но, подойдя к Понятовскому, неожиданно стала ластиться и тереться о его ноги.

В первую минуту все оторопели, но английскому послу удалось изящно пошутить, разрядив неловкий казус: «Как видно, прекрасный пан Станислав очаровал не только всех фрейлин императрицы Екатерины Алексеевны, но даже ее собачку!»

Что и говорить, Понятовский был достоин любви. Хотя... при всей нежности, учтивости и породистой красоте (в нем текла не только польская, но и итальянская кровь) чего-то в нем не доставало. Русской бесшабашности, что ли?

Она задумалась и усмехнулась. Не всё ли равно! Понятовский – мимолетное увлечение молодости, и о нем пора забыть. Она правильно сделала, отправив милого друга в Польшу. Это был не только нравственный, но и мудрый поступок – посадить бывшего возлюбленного на польский престол. Пусть гордая шляхта называет его русской марионеткой и грозит восстанием – в обиду она его не даст. Поумерьте гонор, панове!

Екатерина грациозно ступала по дорожному пейзажному паркету, и ноги сами несли ее к большому венецианскому зеркалу в золотой раме. Любовь, любовь... Она мечтала, чтобы новый, неведомый избранник воспылал к ней страстью как к женщине, забыв о том, что она – царица. Возможно ли такое? Зеркало, отразив привлекательное холерное лицо, успокоило ее.

– Мне не о чем тревожиться, я еще молода... – прошептала она, осторожно проводя по щеке белой рукой в драгоценных перстнях.

Алебастровые плечи, формы пышные, но живот плоский... Маленькая складочка под подбородком не портит, а придает особенную прелесть ее античному профилю. «Надо каждое утро протирать лицо кусочком льда, – подумала она. – И не распускаться: не плясать на ассамблеях до утра, ложиться и вставать пораньше, поменьше есть... И никакого вина! Пить только воду!»

* * *

Расплатившись маменькиными деньгами с хозяином шулерского притона «Король бубен», Державин мог перевести дух и подумать, где теперь достать денег на покупку дома. На помощь неожиданно пришел Иван Блудов, оформивший кредит в Дворянском банке, где служил сам.

– Вот тут распишись, Ганя! – велел он, протяги-

вая ему бумагу. – Это твое поручительство, без него мне денег не дадут.

Одолжив у Блудова необходимую сумму, Державин купил небольшое имение и тут же сдал его в аренду молодой купеческой семье. Вскоре Блудов заставил Державина заложить купленный дом и выдать ему закладную. Он рассчитывал получать приличные проценты по закладной, арендную плату с жильцов и, кроме того, ежемесячные выплаты долга с Державина. И попал Гавриил Романович в денежную кабалу как кур в ощип... Выбраться из нее можно было только одним способом – снова играть!

Преображенский полк к тому времени перевели в Петербург, но Державин выхлопотал у начальства отпуск и остался в Москве. Его удерживал не только денежный долг. Одна лишь мысль о том, что нужно будет снова вернуться в опостылевшие казармы, к муштре на плацу, грубым шуткам товарищей по оружию, приводила его в глубокое уныние. Втянувшись в необычную, полную острых ощущений и заманчивого риска жизнь картежника, он даже не помышлял о возвращении в Петербург и не думал о последнихствиях. И когда его отпуск подошел к концу, он, как околдованный, остался в Москве, продолжая вести разгульный образ жизни. Отныне никто не мог послать его в наряд или поставить в караул возле полосатой будки. Будь она проклята!

Словно вихрь карнавала, закружила его московская жизнь. Она мелькала так стремительно, что он не успевал задуматься над тем, что будет завтра. Карты, трактиры, дружеские попойки, сомнительные женщины, слетавшиеся, как бабочки на огонек, когда ему удавалось немного выиграть... Лишь иногда, словно очнувшись, он вспоминал о том, что его ждет расправа: военный суд и, в лучшем случае, – разжалование в армейские солдаты. Но о нем как будто забыли. Никто не разыскивал, никто не тащил в трибунал. Время шло, месяц за месяцем, а всё оставалось по-прежнему.

Минуло два года... Державин вернул долг Блудову, но играть не перестал. Он оказался талантливым картежником, хотя и излишне азартным: мог за вечер выиграть несколько тысяч и за полчаса спустить всё подчистую. Правда, было у него одно правило, которого он строго придерживался: как бы ни складывалась игра, он никогда не играл на подаренный матушкой петровский серебряный рубль, хотя и всюду носил его с собой. Свой бесценный талисман он хранил всю жизнь.

Бывало, он приходил домой с горящими глазами и тяжелым кошельком, расплачивался с Матреной Саввишной за квартиру и устраивал пир на весь мир. А чаще оставался без гроша, сидел на хлебе и воде и, задернув шторы в своей каморке,

крапал при свече стихи. Но даже такая жизнь была для него милее, чем опостылевшая солдатчина в Петербурге.

Он метался по Москве в поисках игры, знакомился с картежниками, стал своим в компаниях шулеров. Отныне он – желанный гость в «Короле бубен», а герр Отто Шульман – его старший наставник и лучший друг! У него он научился всевозможным игровым уловкам: крапленным картам, ложной тасовке, условным сигналам, заговорам...

Доблесть шулера состояла в том, чтобы заманить в притон и облапошить простодушного новичка. За это герр Шульман платил щедро, но именно этот вид «работы» был Державину особенно неприятен. К своим жертвам он испытывал невольную жалость и нередко тайком предупреждал неопытных игроков об опасности. В шулерском мире это считалось тяжким преступлением. Разоблачив Державина, подельники пригрозили ему расправой, но он лишь смеялся и отшучивался.

Однажды, потеряв терпение, шулера натравили на него убийц, но за Державина неожиданно вступился молодой чиновник, Николай Звонарев – один из спасенных им игроков. Вдвоем они сумели отбиться и убежать. После долгих блужданий по ночной Москве Державин предложил новому приятелю поужинать в трактире у Драгоценного.

Там за кружкой пива черноглазый темпераментный Звонарев принялся с жаром читать стихи русских поэтов: одних хвалил, другими возмущался за архаизм и излишнюю напыщенность, убивающие в поэзии чувство. Державин признался, что тоже пишет стихи.

– Вот как! Не прочтете ли что-нибудь?

– Не знаю, право... О чем бы вы хотели послушать?

– О любви!

Державин потер лоб и стал читать:

*Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит...*

Дослушав до конца, Николай честно признался, что стихотворение ему не понравилось:

– Ничего нового! Перепевы других поэтов...

Обескураженный Гавриил стал объяснять, что учится у Ломоносова и Сумарокова.

– А зачем петь с чужого голоса? У вас есть свой! Верьте в себя, откройте читателю свою душу – и ваши творения станут читать вся Россия!

Державин покачал головой. Ему было обидно за свои стихи, но он не подал вида и перевел раз-

говор на другую тему: стал благодарить Николая за то, что не бросил его в беде. Но Звонарев прервал его излияния:

– Да ведь вы тоже предупредили меня, когда я стал играть с шулерами. Сей мерзкий притон давно пора разогнать, а хозяина отправить на каторгу!

* * *

Вернувшись домой, Державин засветил масляную лампу и достал с книжной полки томик Ломоносова, подаренный в детстве отцом. Открыл «Оду на восшествие на престол Елизаветы Петровны»:

*Вокруг тебя цветы пестреют,
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Держают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли...*

Ему вдруг почудилось, что он летит в небесах и видит с высоты луга, покрытые пестрым ковром цветов, тяжелые спелые «класы», то есть колосья на полях; плывущие по волнам корабли, трюмы которых полны несметных сокровищ. В каждой строке – уверенность и спокойствие, завоеванные для своей Отчизны императрицей Елизаветой Петровной, возлюбленной дочерью Петра I.

Картина, представшая перед его мысленным взором, так разительно отличалась от его собственного жалкого прозябания, что он невольно склонился над столом, обхватив голову руками.

Для чего он живет? Ради постыдной цели обогатиться нечестным путем? Никогда еще он не опускался так низко – грязное дно стало его обителью. Ему вспомнилось, как умирающий отец просил его беречь матушку. А он пока еще ничем ей не помог. Напротив, это она, сама того не ведая, спасла его от расправы картежных воров. Батюшка, наверное, видит с неба поступки. Как же он докатился до такой жизни?

Державин инстинктивно схватил перо, и... полились на лист бумаги корявые горькие строки:

*Повеса, мот, буян, картежник очутился.
И вместо, чтоб талант мой в пользу обратил,
Порочной жизнею его я погубил...*

Бросив перо на стол, он стиснул руки. Нет, так больше жить нельзя! Он должен вернуться в Петербург, и будь что будет! Если не отправят его в Сибирь, то честной службой и молитвами он искупит

свою грешную жизнь. «Никогда больше не буду играть! – словно в горячечном бреду шептал Державин. – Клянусь, никогда!»

* * *

На почтовой станции Тосно Державина остановил военный патруль. Строгий офицер объявил, что в Москве началась эпидемия чумы и теперь, чтобы получить разрешение на въезд в Петербург, придется выдержать двухнедельный карантин. Призвав на помощь всё свое красноречие, Державин умолял пропустить его, объясняя, что выехал еще до начала эпидемии, что у него не хватит денег прожить две недели на постоялом дворе, и, наконец, что он, как гвардеец Преображенского полка, имеет право на привилегии!

В конце концов, офицер уступил и согласился его пропустить при условии, что тот отдаст свой багаж, который полагалось сжечь. У Державина был большой деревянный чемодан, который он без колебаний принес к заставе и поставил возле шлагбаума перед начальником. Утром с первой же почтовой каретой он налегке выехал к месту расположения своего полка.

Прежде чем уничтожить имущество гвардейца, караульные полюбопытствовали, что там внутри. Открыли крышку и остолбенели от удивления. Весь чемодан был туго набит рукописями стихов. Ничего другого в нем не оказалось.

Как же весело пылал костер!

* * *

Петербург принял Державина промозглым холодом, хмурым желтым туманом и тяжелым известием: месяц назад умер начальник полковой канцелярии майор Терентьев...

Сердце Гавриила сжалось в отчаянии. Чувство безвозвратной потери охватило душу. В самые тягостные и безрадостные дни службы его всегда согревала мысль о том, что есть на свете человек, который не даст его в обиду, – добрый, смешливый балагур, майор Терентьев. Нет больше старшего друга и покровителя... Словно наяву, ему вдруг вспомнилась их первая встреча: «Ха-ха-ха! Просрочил, брат!»

Как же теперь жить без него?

Не зная, как он будет объясняться с новым начальством, Державин доплелся до канцелярии и попросил дежурного доложить о себе. Не прошло и нескольких мгновений, как дверь кабинета распахнулась и из него буквально вылетел коренастый широкоплечий офицер. Всплеснув руками, он бросился к

Державину и повис у него на шее, обливаясь счастливыми слезами:

– Мурза! Не узнаешь?!

Ошарашенный Гавриил еле узнал в крепко сбитом штабс-капитане бывшего однокашника – худенького и хилого Митеньку Неклюдова.

– Митя!

После первых счастливых мгновений и бессвязных восклицаний Митя увел друга к себе, и они уселись рядом за столом, задавая друг другу бесконечные вопросы о службе, здоровье родных, о планах на будущее...

Митя рассказал, что после окончания Казанской гимназии рассчитывал служить в Петербурге, но его определили в экспедиционный корпус и послали в Польшу. Станислав Август Понятовский, ставленник императрицы Екатерины Алексеевны, оказался несчастнейшим из польских королей. Шляхта его ненавидела, и, если бы не мощная поддержка русской армии, он бы и дня не удержался на престоле.

– Мне не раз доводилось его видеть и даже говорить с ним, – рассказывал Митенька. – Человек он добродушный и обходительный, большой охотник до балов и светских приемов. Но в решительное время – полное ничтожество. Ты только представь: мятежники сговариваются сбросить его с престола, а он как ни в чем не бывало заводит с ними дружбу, приглашает на охоту...

– Что за мятежники?

– Барские конфедераты. Бару – крепость в Подолии. Там-то всё и началось! Кашу заварили братья Красинские – магнат Адам и епископ Михаил, потом к ним присоединился староста Казимир Пуловский. Теперь их тьма-тьмущая – чуть ли не вся шляхта. Злобная, с гонором! Каждый второй поляк называет себя шляхтичем. Поди проверь, кто они на самом деле...

– И чем они опасны для России?

– Их поддерживают Франция и Австрия: снабжают оружием и деньгами. Надеются их руками выдавить Россию из Польши и самим взять ее под свой протекторат. Было уже несколько сражений, в том числе под Слонимом, в котором я принимал участие.

Державин был поражен... Все эти годы Митя жил интересной, насыщенной событиями жизнью, был в курсе государственных дел, стал штабс-капитаном и даже успел повоевать... А чего достиг он, потомок мурзы Багрима? Чем ему похвастаться, кроме пьяных потасовок и шулерства в игорных домах? Годы, проведенные в Москве, можно вычеркнуть из жизни как никчемное и постыдное времяпровождение.

Митя заметил грусть в его глазах и успокаивающе положил ему руку на плечо.

– Не печалься, успеешь и ты повоевать. Не такое

уж это счастье... Мне еще повезло, что отделался легким ранением. Из-за него-то меня и перевели в Петербург. Лечился полгода, потом попросился в Преображенский полк, думал тебя увидеть. А ты, брат, в Москве оказался!

Державин пристально взглянул на друга и спросил осторожно:

– Не знаю, что и сказать, Митя. Три года я самовольно жил в Москве... И как мне теперь объяснить мое возвращение в полк?

Митя удивленно похлопал светлыми ресницами:

– Зачем объяснять?

Покопавшись в толстой кожаной папке, он вытащил плотный лист с печатью и передал другу. Ошеломленный Державин прочитал приказ о своем зачислении в московский гарнизон с правом добровольного возвращения в Преображенский полк. Слезы навернулись на глаза... Он узнал руку покойного майора Терентьева.

* * *

Ранение, полученное Митей под Слонимом, не было таким легким, как он сказал. Неклюдов заметно прихрамывал и поэтому был вынужден служить штабным офицером. Зато теперь он мог заняться судьбой друга. Захватив с собой необходимые бумаги, Митя отправился к командиру полка и, указав соответствующий параграф, напомнил, что капралу Державину по выслуге лет положено звание сержанта. Командир был новый, молодой и старательный, одним словом, «охотник к службе». Заранее составленный Митей приказ был подписан без проволочек.

Державин был безмерно рад, но Митя не остановился на достигнутом. Он мечтал сделать друга прапорщиком. Но... увы, в самый неподходящий момент на Державина пришел анонимный донос о его неблаговидном поведении в Москве. Анонимка была составлена грамотно, но чувствовалось, что русский язык не является автору родным. По несчастью, письмо попало к командиру. Тот бушевал и грозился сослать опозорившего полк шулера в самый дальний армейский гарнизон.

– Нет, это неправда! Не верю! – в отчаянии восклицал Митя, навестив Державина на гауптвахте. – Не волнуйся, Мурза, я докажу, что тебя оговорили!

Но Гавриил только безнадежно махнул рукой и чистосердечно рассказал ему о своих злоключениях в игорном доме «Король бубен».

– Всё ясно, – упавшим голосом сказал Митя. – Это Шульман прислал анонимку. Отомстил!

Впоследствии Неклюдову всё же удалось замять дело и даже выявить клевету. Державин был

помилуван, но, как говорится, «осадочек» у начальства всё-таки остался.

После всего случившегося помогать Державину в его продвижении по службе стало не так-то легко. Но Неклюдов был настойчив и терпелив. В течение трех лет он обивал пороги служебных кабинетов, заводил полезные знакомства, давал взятки нужным людям и использовал все свои небольшие связи ради одной заветной цели – сделать друга офицером. Он просил немногого, и влиятельным людям ничего бы не стоило замолвить словечко за бедного дворянина, но вельможи равнодушно отворачивались. Державина никто не знал, и никому он не был нужен.

* * *

Хотя Гавриил поклялся никогда не возвращаться в Москву, столицу шулеров и бандитов, ему вскоре пришлось снова ее посетить. Что поделает? Служивый человек не распоряжается собой. После того как по Москве пронеслась эпидемия чумы, в городе часто вспыхивали гражданские волнения. Роту, в которой служил Державин, отправили в древнюю столицу для наведения порядка.

– Главное – больше не играй! – наставлял друга Митя. – И не встречайся не только с Шульманом, но и с Блудовым. Что-то не нравится мне твой родственник... Ведь это он привел тебя в игорный притон. Уж лучше живи в казарме, нечего тебе шляться по значным местам!

Слушая его, Гавриил послушно кивал и невольно думал, что теперь пришлось ему поменяться с другом ролями. Раньше он опекал Митеньку, а сейчас – он его.

– И не забывай заниматься сочинительством, – строго продолжал свои напутствия Митя. – Довольно крапать побасенки, пора серьезными одами заняться!

– Чтобы писать оды, надобно вдохновение. А в нарядах да караулах я его что-то не встречал.

Глава 6 «Конечно, я согласен!»

По прибытии в Москву Державин тут же направился в дом Блудовых. Во-первых, он проголодался и замерз: в феврале стояли крепкие морозы, и хотелось поскорей согреться и поесть. Во-вторых, он не считал Ивана виновником своих бед. А в-третьих, он так поспешно бежал из Москвы, что оставил у Блудовых томик Ломоносова, подаренный отцом. Теперь Державин благослов-

лял судьбу, что не взял книгу с собой в Петербург. Она была бы сожжена вместе с его рукописями. Случай на карантинной заставе казался ему всего лишь небольшим курьезом: невелика потеря! Он уже написал немало новых стихов...

Блудовы с радостью встретили родственника.

– Ах ты, Ганюшка, племяш мой! – восклицала тетка, целуя его в обе щеки. – Как служба? Еще не офицер? Ну, ничего, не ропщи, на всё воля Божья!

В столовой было жарко от натопленной изразцовой печки. Разомлевшего Державина угощали вишневым наливкой, расстегайчиками и чаем с вареньем...

Иван рассказал, что год назад в игорный дом Шульмана заглянул на огонек некий молодой чиновник и проигрался до нитки. Довольный Шульман любезно пригласил игрока зайти еще раз, чтобы отыгаться. Но, как на грех, юноша оказался экспедитором тайной канцелярии и на следующий день явился с отрядом полицейских. Те арестовали хозяина и его банду и обыскали дом, вывалив на стол перед понатыми весь шулерский арсенал: колоды крапленых карт, парафин для загибания углов, особые шулерские перстни, зеркальные табакерки...

Игорный притон «Король бубен» был опечатан, Отто Шульман и его сообщники – отданы под суд и впоследствии сосланы на каторгу.

Выслушав рассказ Блудова, Державин неожиданно спросил:

– А как звали того экспедитора, что раскрыл банду?

– К нему все обращались просто: Николай.

Державин вздрогнул и провел рукой по лицу.

– Что с тобой, брат? – забеспокоился Блудов.

– Так, ничего. Скажи, а каков собой этот Николай?

– Обыкновенный... Молодой, но гордый. По всему видно, что не глупец... А! Вспомнил фамилию: Звонарев.

– Это он!

– Да кто – он?

Державин только махнул рукой, сослался на усталость и отправился спать. Но заснуть долго не мог, всё ворочался и размышлял. В ушах звучали слова Николая, сказанные когда-то в трактире: «Верьте в себя! Ваши творения станут известны всей России!»

«А если он прав? – мелькнуло в голове. – Быть может, стоит показать свои вирши настоящим ценителям? Друзья – не в счет... Они рады всему, что бы я ни нацарапал...»

И в тот момент в мозгу внезапно стукнуло: граф Шувалов! Быть может, он еще помнит казанского гимназиста, которого когда-то отметил и наградил?

* * *

Московский университет в те времена располагался на Красной площади, в бывшем здании Главной аптеки, отстроенном заново. Сидя в уютном кабинете с окнами на заснеженный собор Василия Блаженного, Иван Иванович Шувалов, давний покровитель прославленного учебного заведения, рассматривал прошения и подписывал бумаги, которые ему подносил старый худой секретарь. Иногда в кабинет заходили профессора и преподаватели, одетые в университетскую форму: красные камзолы с синей отделкой, белые панталоны и черные башмаки. Шувалов с ними беседовал, выясняя интересующие его вопросы, а под конец всегда спрашивал о семье:

– Ну, как сноха? Не родила еще?

– Слава Богу, ваше сиятельство, внук у меня! В воскресенье покорно просим на крестины!

– Благодарствуйте, мои вам поздравления!

В ту пору Шувалову минуло сорок пять лет. Несмотря на то что при дворе и в университете все величали его «сиятельством», он не был графом. Когда-то, еще в царствование императрицы Елизаветы Петровны, был составлен проект указа о жаловании Ивану Шувалову графского титула, должности в Сенате и десяти тысяч крепостных душ. Прежде чем поставить подпись, императрица позвала своего фаворита и дала ему прочесть указ. Недолго думая, Шувалов преклонил колени и спросил позволения обратиться с просьбой.

– К чему церемонии, Иван Иванович? – улыбнулась Елизавета. – Если что еще надобно – проси, ни в чем тебе отказа не будет!

– Государыня! Дозвольте мне собственными руками сжечь сию бумагу!

Тщательно подведенные брови Елизаветы поднялись от удивления.

– Полно, голубчик! В своем ли ты уме? Отродясь не видывала эдакого... гм... беспорочного подданного.

– Ваше величество, пороков у меня немало, но точно нет двух: тщеславия и корысти. Не лишайте меня счастья служить вам по чести и совести.

Императрица не расставалась со своим любимцем. Он был произведен в камер-юнкеры, потом стал ее камергером и жил во дворце на всём готовом. Красивый и обходительный, всегда элегантно и модно одетый, он стал отрадой и утешением стареющей Елизаветы Петровны.

Иногда Шувалову всё-таки приходилось пользоваться своим особым положением, чтобы осуществить некоторые планы. Вместе с Ломоносовым он основал Московский университет и нес-

колько гимназий: в Петербурге, Москве и Казани. Открыл первый в России общедоступный театр и дал жизнь любимейшему своему детищу – Академии художеств, которой подарил собственную коллекцию картин великих художников Возрождения – основу будущего Эрмитажа.

Но более всего он любил заниматься поиском и выращиванием талантов. Однажды, проходя по анфиладе Зимнего дворца, он заметил примостившегося в углу молодого истопника, который что-то вырезывал по камню. Он подошел, взглянул и ахнул. Это была неземной красоты камея, изображавшая лик императрицы. Он купил камею и отнес ее Елизавете Петровне. Та ласково улыбнулась.

– Хороша вещица! Чем тебя отблагодарить за нее, друг мой?

– Государыня, велите зачислить ее автора в Академию художеств, дабы он мог совершенствовать свой талант.

Истопника отправили учиться. Через несколько лет мир узнал Федота Ивановича Шубина – великого русского скульптора.

Покровительству Шувалова были обязаны многие поэты, художники, актеры... У него было какое-то утонченное чутье на талантливых людей. Ради них он был готов бить челом государыне, выпрашивая стипендии, оплату жилья и учебы... А для себя никогда не просил ничего.

Незадолго до своей смерти Елизавета Петровна вручила своему любимцу прощальный подарок – чек на миллион рублей. Не считая себя вправе воспользоваться такими огромными деньгами, Шувалов отдал чек новому императору, Петру III. «Какое простак!» – рассмеялся Петр Федорович, когда за Шуваловым закрылась дверь.

После дворцового переворота Шувалов по мере сил продолжал покровительствовать талантливым людям. Но творить добрые дела становилось всё труднее. Новая государыня, Екатерина Алексеевна, в упор не замечала елизаветинского вельможу...

* * *

Одно из прошений, написанное каллиграфическим почерком, привлекло внимание мецената. Он взглянул на подпись внизу: «Гавриил Державин». Звучная фамилия! Где-то он уже ее слышал? Вскрыв конверт, Шувалов прочитал просьбу об аудиенции и задумался.

В памяти всплыло событие десятилетней давности. Давний приятель, директор Казанской гимназии Михаил Иванович Веревкин, однажды прислал ему гигантскую карту древней Булгарии, выполненную его воспитанниками, среди которых

особо отличился Гавриил Державин. Никогда в жизни Шувалов не видел ничего подобного! На карту были нанесены не только леса, озера и реки, но и места былых сражений, рисунки древних воинов во всей амуниции, татарские погребальные курганы и очертания крепостных стен... Рукотворное чудо было тотчас передано университетским профессорам. В Казань полетел курьер с приказом наградить всех, кто работал над картой, а Державина – по окончании гимназии зачислить в Петербургский инженерный корпус.

Всё это мгновенно пронеслось в памяти Ивана Шувалова, и он, не раздумывая, потряс серебряным колокольчиком, вызвав секретаря.

- Где податель сего письма?
- В приемной дожидается, ваше сиятельство.
- Просите!

* * *

Тем временем жизнь в Зимнем дворце шла своим чередом. Екатерина Алексеевна обычно просыпалась в пять утра. Сама надевала простое удобное платье, пила кофе и отправлялась в рабочий кабинет. Ей нравились тихие предрассветные часы, и она не видела ничего дурного в том, чтобы, не будя слуг, самой приготовить кофе или подбросить дрова в камин. Работу она считала нормальным состоянием человека.

Государственная служба – встречи с министрами, статс-секретарями и послами – начиналась позже, в 10 часов. А ранним утром она любила читать и писать письма французским просветителям – Вольтеру, Дидро и Монтескье. Иногда сочиняла сказки, комические рассказы и пьесы, по которым потом ставились спектакли.

За последний месяц Екатерина заметно похорошела, пребывала в благодушном расположении духа и порхала по анфиладам дворца, молодая, свежая и привлекательная, благодаря розовым ваннам и протираниям льдом. Но не только из-за тщательного ухода за лицом и телом расцвела Екатерина Алексеевна. Бог услышал ее молитвы и послал ей новую любовь! Императрица сама удивлялась, что еще была способна любить так неистово и самозабвенно, но ничего поделать с собой не могла: избранник того заслуживал! Это был голубоглазый великан-красавец с орлиным профилем, храбрый до безрассудства, герой сражений при Фокшанах, Ларге и Кагуле, – генерал-майор Григорий Александрович Потемкин.

Их любовь была взаимной, Екатерина это знала. Но гордый Григорий не принял должности адъютанта при ее особе, остался на войне. Отныне един-

ственная ее отрада – нежные письма, в которых она просила лишь об одном: беречь себя... ради нее.

Положив перед собой лист бумаги, она не спеша стала перебирать перья в письменном приборе. Найдя свое любимое, бережно окунула его в чернильницу и вывела аккуратно с красивыми завитушками:

«Любезный друг мой, Гришенька...»

Она на миг задумалась, собираясь написать еще что-то, но камергер доложил о визите канцлера Никиты Панина. В кабинет, пытаясь от одышки, вошел толстый Панин, без парика, в мятом камзоле.

– Что так рано? – с досадой спросила Екатерина. – И что за вид? Не выпались?

– К вам торопился, матушка-государыня, – усаживаясь в кресло и переводя дух, промолвил Панин. Та усмехнулась:

– Да полно, Никита Иванович! Вы и торопливость – понятия несовместные. Не удивлюсь, если после вашей кончины медики напишут вердикт: «Умер, потому что поторопился!»

К Панину, главе коллегии иностранных дел, императрица относилась прохладно. И придраться вроде не к чему, но полного доверия к нему не было. Никогда не угадаешь, что на уме у этого толстяка. До вступления в должность он был любимым учителем ее сына, цесаревича Павла. В 1762 году участвовал в дворцовом перевороте, но, как потом выяснилось, мечтал посадить на престол своего воспитанника. Этого Екатерина забыть не могла. Канцлером он стал только потому, что остальные претенденты еще меньше подходили на сей почетный пост. Кого еще она могла назначить? Не Гришку же Орлова...

Канцлеру не пришлось по душе ее шутка, и он, обиженно засопев, отвечал:

– Воля ваша, матушка. Но дозволейте напомнить русскую поговорку: «Тише едешь – дальше будешь».

– От того места, куда едешь? – усмехнулась Екатерина. – Полно дуться, Николай Иванович! Твои заслуги помню. Ежели б не ты, не удалось бы навязать полякам в короли друга нашего, Станислава Понятовского. Но теперь думаю: не напрасны ли наши старания? Только разозлили ляхов! Интриги плетут, турок на нас натравили...

Панин досадливо крякнул.

– Да разве дело только в ляхах? Кто они есть без поддержки Франции и Австрии? Да еще англичанка гадит!

Екатерина рассмеялась:

– Это вы точно подметили!

– Каюсь, не мои слова, матушка. Генерал-поручик Суворов так говорит. Смею заявить, толковый воин! В сражении при Столовичах с отрядом в де-

вятьсот человек разгромил пятитысячный корпус гетмана Огиньского.

Всплеснув руками, императрица воскликнула:

– Наградить орденом Святого Георгия!

Кислое лицо канцлера рассмешило ее, и она, как девочка, подмигнула насмешливо:

– Не завидуйте, Никита Иванович! Дайте срок, оценим и ваши труды.

– Да разве я о себе пекусь? – еще больше расстроился Панин. – Всё о пользе Отечества радею. Я, собственно, к вам с донесением, матушка-государыня. Извольте выслушать...

Он поправил криво завязанный под двойным подбородком бант и, почувствовав на себе пристальный взгляд императрицы, заговорил медленно и внятно:

– По всему видно, что наши военные успехи не дают покоя просвещенной Европе. Вот и тревожат они нас то войной с Турцией, то восстанием польских конфедератов, то норовят испортить отношения с Пруссией, единственной союзницей. Цель одна – ослабить Россию. К этому нам не привыкать, любого врага отразим! Но последние сведения, исходящие от верных людей, весьма настораживают. Есть основания полагать, что готовят они против нас подлый удар в спину, такой, что может оказаться страшнее Турецкой войны.

Голубые, чуть выпуклые глаза Екатерины округлились еще больше:

– Боже... – прошептала она. – Неужто бунт?

– Хуже: гражданская война! И навяжет ее нам Франция в союзе с польскими мятежниками. К тому всё идет, ваше величество! И время они выбрали для нас наихудшее. Посудите сами: в России эпидемия чумы, продукты подорожали, народ обнищал, крестьян поголовно забривают в солдаты на войну с турками. Люди ропщут, что при государе Петре Федоровиче жилось лучше. А некоторые смутьяны даже распространяют слухи, будто... царь жив!

– Что?! – Екатерина, не сумев скрыть тревогу, порывисто поднялась и поднесла руку ко рту. Панин тоже кряхтя встал.

– Не извольте гневаться... Вранье, конечно! Сказки для смердов. Но всё-таки мой долг передать вашему величеству: на базарах, в трактирах, почтовых станциях и прочих людных местах шепчутся, что-де Петр III спасся от убийц и прячется где-то в оренбургских степях среди яицких казаков. Что обещает он крестьянам землю и волю, набирает в свое войско всех недовольных, копит силы для похода на Москву и Петербург!

– Найти и схватить лиходея!

Панин развел руками.

– Полностью с вами согласен, государыня. Только

кого ловить-то прикажете? Петр Федорович, извините, – тень! Как ее поймаетшь?

* * *

Сдерживая волнение, Державин предстал перед прославленным меценатом, основателем Московского университета. На портретах Шувалов выглядел молодым и красивым, а теперь постарел изрядно за годы опалы. Екатерина Алексеевна недвусмысленно объяснила ему, что не считает нужным поддерживать фаворита покойной самодурки-императрицы, доставившей бедной невестке столько унижений и обид. Но старые вельможи и титулованные чиновники, недовольные воцарением Екатерины, не закрыли перед Шуваловым двери своих домов. Его знакомства в России и за границей были так обширны, а репутация столь безупречна, что он и ныне пользовался доверием многих влиятельных особ, готовых поддержать его проекты и начинания.

Шувалов внимательно оглядел статного светлосолового гвардейца, неподвижно застывшего перед ним. Хорош! Стоит, не шелохнется, рот на замке: ждет, когда старший с ним заговорит. Правильно, всё по артикулу. Но почему на нем форма преображенца? Он же был зачислен в инженерный корпус? И почему до сих пор унтер?

– Садись, дружок! – мягко сказал Шувалов, указывая на кресло. – Прощение твое я прочитал, да не всё понял. Расскажи свою историю.

Державин готовился к такому вопросу и подробно рассказал о себе, скрыв только свое пребывание в шулерской банде. Шувалов сочувственно кивал. Потом пробежал глазами несколько стихотворений, которые ему показал Державин, долго молчал, постукивая ладонью по дубовой крышке стола, и наконец сказал задумчиво:

– Учиться тебе надо, Гавриил Романович... Только где? Летами ты уже переросток! Небось уже двадцать пять стукнуло?

– Двадцать седьмой год.

– То-то и оно! Не возьмут тебя в наш университет. Но ты не печалься, есть у меня одна задумка...

Не успел он договорить, как, неслышно ступая, вошел секретарь и доложил о приходе ректора университета Михаила Матвеевича Хераскова.

– Мишуня! – радостно приветствовал Шувалов невысокого мужчину в университетском мундире с орденом святой Анны в петлице и с тяжелой стопкой книг в руках. – Неужто успел выпустить альманах?

– Так точно, Иван Иванович! Извольте взглянуть!

И орден, и военная выправка – всё говорило о том, что Хераскову довелось служить в армии. Он выло-

жил на столе перед графом увесистые тома университетского альманаха «Полезное увеселение» и с довольным видом потер озябшие руки.

Во все глаза смотрел Гавриил на известного поэта, прославившегося многочисленными одами, трагедиями и эпическими поэмами. Херасков только что пришел с мороза: краснощекий, оживленный, энергичный и улыбающийся. Плавным движением руки Шувалов указал на своего протезе:

– Рекомендую вам, Михаил Матвеевич, Гавриилу Державина, человека умного и одаренного!

– Чем одаренного? – иронично спросил Херасков, бросив на гвардейца мимолетный взгляд.

Державин осмелился пояснить:

– Способностями к стихосложению, господин Херасков.

– О! Нынче все марают бумагу и называют это стихами. Впрочем, не угодно ли показать мне образцы вашего творчества?

Державин, волнуясь, протянул несколько листов. Просмотрев их, Херасков вынес приговор:

– Слог тяжел, темы ничтожные! Впрочем, сгодится для приятелей, чтобы развлечь их и услышать похвалу.

– Я больше для себя пишу, – робко возразил Державин.

Херасков протестующе хлопнул по столу.

– Запомните, друг мой! Поэзия не может быть частным делом! Всё, что выходит из-под вашего пера, должно служить воспитанию нравов и пользе Отечества!

Гвардеец слушал, не смея возразить. Неожиданно за него вступился Шувалов:

– Ведь ты и сам, Михаил Матвеевич, используешь различные жанры – высокие и низкие!

– Но при этом всё стараюсь наполнить смыслом! А это что? – Он небрежно взял одно из стихотворений.

*Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь уже ничем...*

Херасков бросил бумагу на стол и зевнул:

– Можно дальше не читать. Скучно!

– Шутка в конце, – робко возразил Державин и дочитал сам:

*Но слышу, просишь ты, Пламида,
В задаток несколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей!*

Шувалов рассмеялся, но Херасков был неумолим.

– Вы полагаете, что читателю хватит терпения дочитать сию тираду до конца? Стихи должны воспламенять сердца и звать к подвигу! А вы пока ничего подобного не сочинили и, наверное, даже не читали.

– Читал! – запальчиво воскликнул Державин и с воодушевлением принялся декламировать:

*Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну;
Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.
Из круга сих времен спокойных лет начало,
Как светлая заря, в России воссияло...*

Не ожидая услышать стихи из своей поэмы «Россиада», Херасков растрогался и подобрел.

– Спасибо, дружок! Пойми, что не себя, а Россию стараюсь я возвеличить. Выбирай и ты темы, достойные настоящей поэзии!

Он еще долго говорил о стихотворчестве, горячая и размахивая руками. Приводил в пример Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова... Державин хотел было ответить, что в поэзии важна не только тема, но и мастерство, но промолчал. Кто он такой, чтобы спорить с великим поэтом?

* * *

Вскоре Херасков ушел, подарив Державину только что вышедший университетский альманах и забрав несколько его сочинений, в основном переводов с немецкого. Шувалов с улыбкой поглядел на разочарованного гвардейца и продолжил прерванный разговор:

– Собрался я в Германию, братец... Что-то неудобно мне стало в России при новой власти. Поживу в чужой стране, посмотрю, что и как. Да вот беда – немецкий язык подзабыл. При Елизавете Петровне двор по-русски общался. Хочу предложить тебе поехать со мной переводчиком, да заодно и учителем. Авось с твоей помощью быстро одолею немецкий. Жалованье большое не обещаю, да всё же побольше, чем тебе платят в полку. Подумай, дружок! В караулах стоять не придется, и времени на сочинительство будет предостаточно. Как надумаешь – скажи, я тебе помогу выйти в отставку.

У Державина от внезапной радости перехватило дыхание. Он вскочил, вытянулся и выпалил осипшим голосом:

– Ваше сиятельство! Что тут думать? Конечно, я согласен! Благодарствую, Господь вас спаси!

От такого искреннего и бурного излияния чувств Шувалов смутился.

– Ладно, ладно! Завтра с утра приходи в уни-

верситет, подробно обо всем договоримся. А сейчас, не обессудь, братец: дела!

* * *

Окрыленный Державин летел домой, спеша поделиться с родственниками радостной вестью. Но Иван еще не пришел со службы, а Матрене Саввишне было не до племянника: она целиком отдалась любимому занятию – пекла масленичные блины. Их ароматом была пропитана не только кухня, но и весь деревянный дом Блудовых.

Наконец Гавриил уселся за стол и, уплетая за обе щеки теткино угощение да пригубливая вишневую наливочку, рассказал во всех подробностях о невероятной удаче, которую послала ему судьба.

– Мог ли я надеяться на такое счастье? Служить секретарем у знаменитого мецената, графа Шувалова! Невероятная честь, не говоря уже о хорошем жалованье и свободном времени для стихотворчества.

К его удивлению, заманчивое предложение Шувалова не вызвало у тетки ни малейшей радости и поддержки. Она хранила молчание, поджав пухлые губы, в ожидании, пока племянник окончит трапезу. Потом заговорила надрывно, с причитаниями:

– Ганюшка, друг мой... Послушай меня, старуху. Ты мне прямая родня! Матушка твоя – моя сестра любимая, младшенькая, всегда со мной советовалась, пока не вышла замуж за твоего папеньку. Я тебе худого не желаю...

Державин слушал нетерпеливо и настороженно, чувствуя, что ничего хорошего витиеватое теткинo вступление не сулит. Вскоре он не выдержал и попросил Матрену Саввишну приступить наконец к сути, без предисловий.

– А суть – не обессудь! – отрезала Саввишна. – Известно ли тебе, дорогой племянничек, что твой «меценат» и покровитель искусств – член масонской ложи? Знаешь ли ты, кто такие масоны?

– Нет... Но зато знаю, что Шувалов – друг Ломоносова и Хераскова.

– Так ведь Херасков – тоже масон! – тетка в сердцах стукнула маленьким кулачком по столу. – Весь Московский университет – масонское гнездо! А твой Шувалов – за главного!

И Матрена Саввишна стала доходчиво объяснять заблудшему племяннику, что масоны – еретики и богохульники, которые ходят на тайные сборища, где совершают дьявольские обряды. Они убивают младенцев и пьют их кровь, что придает им особую силу. А еще они умеют читать чужие мысли, умерщвляют врагов на расстоянии в тысячу верст...

– Довольно, тетушка, рассказывать сказки, –

усмехнулся Державин. – Если все масоны такие, как Шувалов и Херасков, может, и мне надобно вступить в сей орден?

Матрена Саввишна едва не упала со стула. Державин бросился было к ней, но та замахала на него руками:

– Не подходи! Смерти моей хочешь? Антихрист, вероотступник!

Улыбка сбежала с лица Державина.

– Здесь не театр, тетушка. Извольте держать себя в руках! И знайте, что я всё равно уеду в Германию с графом Шуваловым – одним из самых уважаемых людей России!

Спорить ему было недосуг, он опаздывал в наряд, и тетка тоже промолчала, видимо поняв, что истерикой его не проймешь. Они встретились вечером, когда пришел Иван. Узнав, в чем дело, кузен полностью принял сторону Державина.

– Матушка, да кто ж у нас в Москве не масон? Они сейчас в большой моде, особенно среди ученых и дипломатов. Да будет вам известно, что правильное их название – франкмасоны, вольные каменщики. Только и всего! И никакие они не вероотступники, все исправно ходят в церковь и верят в Бога. Масонство вообще не занимается вопросами религии или политики.

– А чем же тогда они занимаются? Младенцев едят?

Иван расхохотался.

– Подобные байки народ сочиняет, оттого что масоны окружают себя тайной. Уверяю вас, матушка: младенцев они не едят, а обсуждают вопросы нравственности и всеобщего братства.

– Ты-то откуда знаешь? – подозрительно полюбопытствовала Матрена Саввишна.

– Успокойтесь, мамаша! Говорю лишь то, что известно всем образованным людям.

– Вот как! А мать, значит, темная дура? Ну, спасибо, дождалась ласкового слова. Чего молчишь, Гавриил? Отвечай немедля: меня послушаешься или уедешь в Германию с ентим... фармазоном?

– Уеду, тетушка!

Охнув, она схватилась за голову и несколько мгновений сидела неподвижно. Потом решительно встала и сказала спокойно и веско, глядя Гавриилу прямо в глаза:

– Вижу, Ганя, ты сам себе – голова, и тебе наплевать, если я умру с горя. Но хоть мать пожалей! Запомни хорошенько: коли уедешь, я в тот же день отправлю Фенечке письмо, где всё расскажу о твоих проделках: как в шулерском притоне проигрался, на что матушкины деньги потратил, как Ивану долг отдавал, промышляя шулерством... И как веру нашу православную предал – к германцам сбежал с прок-

лятым богохульником! Всё напишу, всю правду! А там посмотрим, что мать тебе скажет!

Державин ничего не ответил и молча ушел к себе. Ночью он не спал, раздумывал, читал, пытался сочинять... рвал бумагу... То и дело вскакивал из-за стола и ходил из угла в угол, как зверь в клетке.

Слушая, как он меряет шагами комнату, Матрена Саввишна сама извелась. Хотела зайти, поговорить, даже подошла к его двери, из-под которой виднелась полоска света. Но постучать не решилась.

Наконец настало утро, которое, как известно, вечера мудренее. Державин послушался тетку и к Шувалову не пошел.

Глава 7 Нина Удолова

Мрачнее тучи вернулся он в Петербург... Но вскоре всё изменилось в его жизни. Всё! Он наконец стал офицером!

Это случилось 1 января 1772 года. Митя до последнего дня скрывал, что рапорт о производстве Державина в гвардейские прапорщики уже подписан: боялся сглазить удачу. Он хорошо помнил, какое жестокое разочарование пришлось пережить Гане, когда его зачислили в Инженерный полк, а потом потеряли бумаги и отправили служить в Преображенский полк рядовым солдатом.

Надо признать, что у Мити были основания для тревоги. Полковой адъютант Желтухин как раз в то время добивался офицерского чина для своего брата, в обход Державина. Он почти договорился с командиром полка, что звание гвардейского прапорщика достанется брату, а Державина переведут прапорщиком в армию. Коварство состояло в том, что гвардейские звания были на два разряда выше армейских. В лейб-гвардии прапорщик – офицер, а в армии – всего лишь «унтер».

Интрига выплыла наружу, и преображенцы возмутились. Офицеры единодушно приняли сторону «полкового поэта» и на общем собрании смело высказали свое мнение. В результате в армию прапорщиком отправился брат Желтухина, а Державин остался в гвардии и стал офицером.

Несколько дней он пребывал в состоянии совершенного безоблачного счастья. Устраивал пирушки, угощая друзей любимыми полковыми лакомствами – жженкой и шоколадным гоголем-моголем, сочинял всем хвалебные куплеты. Но повышение по службе повлекло новые заботы: теперь надо было думать, как прилично содержать себя. Гвардейскому офицеру полагалось иметь квартиру, собственную карету, не го-

воря уже о дорогом обмундировании. Державину уже дали в командование взвод, не мог же он появиться перед подчиненными в старом мундире!

Помог Неклюдов. Он ссудил Державина деньгами и подарил отрез дорогого сукна, из которого давно уже собирался сшить себе парадную военную форму, да всё как-то недосуг было...

Через неделю Митя подыскал для друга недорогую квартиру на Литейном переулке, в доме молодой вдовы Нины Никитичны Удоловой, муж которой, бывший однополчанин Неклюдова, год назад погиб в бою с конфедератами.

Облачившись в офицерский мундир, сшитый лучшим полковым портным, натянув новые хромовые сапоги, ловко облегающие его стройные ноги, Державин явился на Литейный. Госпожа Удолова встретила его в черном траурном платье, держа в руках белый батистовый платочек с кружевной отделкой.

Хозяйка показала ему две комнаты покойного мужа – спальню и кабинет, полный книг. Всё сохранилось в идеальном порядке. О лучшем жилище Державин и мечтать не мог.

– Приходится самой изыскивать средства для жизни, – вздохнула Нина Никитична. – Хотя... не знаю, зачем она мне теперь?

– Сударыня, – растроганно ответил Державин, – поверьте, какой бы мрачной ни казалась ночь, утро непременно наступит!

Вдова искоса взглянула на него, светло-русого красавца, и смущенно опустила взор.

– Да вы поэт, господин Державин!

Он улыбнулся.

– Почти угадали... Грешен, крапаю стишки.

Нина Никитична вновь подняла глаза и спросила, не скрывая интереса:

– И в журналах печатаете?

– Господин Херасков был столь добр ко мне, что напечатал в своем альманахе отрывок из «Метаморфоз» Овидия в моем вольном переводе. Были еще кое-какие публикации в «Петербургском вестнике»...

– Прочтите что-нибудь!

– О чем бы вы хотели послушать?

– О любви...

«Все хотят о любви», – подумал Державин и окинул ее пристальным взглядом. Высокая, ладно сложенная шатенка была довольно свежа и красива, хотя и не слишком молода – лет двадцати пяти на вид. Карие глаза простодушно глядели на него из-под густых ресниц.

– Извольте, сударыня! – он помедлил мгновение и стал читать:

*Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный милый друг,
И не нашептывай всечасно
Любовных ласк своих мне вслух.
...Нежнейшей страсти пламя скромно,
А ежели чрез меру жжет,
И удовольствий чувство полно –
Погаснет скоро и пройдет.*

Нина Никитична поднесла к глазам кружевной платочек.

– Что с вами? – тихо спросил он.

– Не знаю, – она уже не скрывала слез. – Ваши стихи меня тронули!

Державин благодарно взял ее белую ухоженную руку и поднес к губам. Потом они ужинали вдвоем при свечах, мерцающих в начищенных медных канделябрах. Он читал свои стихи, а она ахала от восхищения и прижимала руки к груди. Разомлев от приятных впечатлений, Гавриил и не заметил, как стемнело. Идти в казарму было поздно...

* * *

С этого дня для Державина началась приятная, беззаботная жизнь.

Нина Удолова, или Нинон, как он ее ласково называл, расцветала с каждым днем. Черное платье было отправлено на дно комода, а молодая вдова теперь красовалась в ярких нарядах. Она стала для Державина всем: и усердной хозяйкой, и преданной поклонницей его стихов, и нежной любящей женщиной. Словно заботливая курочка, она укрывала его своими крылышками, ограждая от жизненных неурядиц. Когда однажды он признался, что собирается купить скромную подержанную коляску, чтобы ездить на службу, она без лишних слов подарила ему свою собственную новую карету.

– Тебе она нужнее, а я всё равно сажу дома.

Нине Никитичне и впрямь некуда было ездить. В молодости она изредка бывала с мужем на приемах или в театре, основанном в Петербурге Иваном Шуваловым. Но сейчас она старалась не появляться в обществе, понимая, что ее положение было неопределенным. Однажды во время очередной упоительной встречи, когда Державин пребывал в совершенном восторге от ее женского обаяния, она вдруг спросила:

– Почему бы нам не обвенчаться, милый?

Словно ушат холодной воды вылили на голову поэта. Он никогда не думал о женитьбе, считая, что у них жизнь и так прекрасна. Чего еще желать?

Державин не был противником семейных отношений – сам вырос в крепкой благочестивой

семье. Он искренне привязался к своей Нинон и был ей благодарен не только за поддержку и помощь, но и потому, что, живя с ней, привык к порядку и нравственной чистоте. С отвращением он вспоминал разгульный образ жизни, какой вел в Москве, шляясь по трактирам и игорным домам. Сейчас его совсем не тянуло убивать время в значных местах. Он был вполне доволен жизнью. Утром усаживался в нарядную карету и отправлялся на службу, а вечером его ждал теплый дом, сытный ужин, книги, творчество, красивая женщина. Казалось, почему бы не узаконить их отношения? Маменька бы одобрила его выбор...

Но всё-таки что-то удерживало Державина, не давало ему вразумительно ответить Нинон, которая трепетно ждала его ответа. Он молчал, не в силах сказать, что не может стать ее мужем по одной простой причине: он не любил ее... Привязанность, привычка, благодарность – это еще не любовь, а жениться без любви он не хотел. К счастью, ничего объяснять ему не пришлось. Нина и сама всё поняла. Как-то сразу сникла, похолодела и отвернулась.

Когда забрезжил рассвет, Державин очнулся от тревожного сна и увидел, что ее нет рядом. Он понял, что ему тоже пора уходить. В раздумье подошел к столу, взял перо и написал на листе бумаги одно только слово: «Прости!»

Собрав свои нехитрые пожитки, он оставил рядом с запиской плату за квартиру, а во дворе – подаренную ею карету и пешком отправился в полк.

* * *

В сентябре 1773 года состоялось венчание цесаревича Павла с немецкой принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской. Невеста, принявшая православную веру и имя Наталья Алексеевна, была прелестна в серебристом платье, усыпанном бриллиантами. И всё-таки она не смогла затмить красоту и величие своей свекрови, Екатерины Алексеевны! На государыне было русское платье из тяжелого пурпурного атласа, вышитое жемчугами. Голову императрицы украшала небольшая золотая корона, а с полных плеч ниспадала мантия из горносталя.

Цесаревич Павел облачился в парадный мундир адмирала Российского флота. Глядя на сына, которому не исполнилось еще и двадцати лет, Екатерина с неудовольствием отмечала его поразительное сходство с отцом. Смерть Петра Федоровича навсегда отдала Павла от матери. Цесаревич не без основания считал, что императрица незаконно захватила власть, лишив его престола, и, кроме того, он был уверен, что отец погиб от рук ее фаворитов.

На званом ужине Павел и его молодая жена сидели напротив государыни, а справа и слева от нее – Никита Панин и братья Орловы. Остальные гости разместились согласно иерархии: генералы, вельможи, иностранные послы и дипломаты. Все были оживлены и ели с отменным аппетитом, только Павел едва прикасался к еде, пребывая в глубокой задумчивости.

– Не пристало хмуриться в такой день! – через стол обратилась к нему Екатерина Алексеевна. – Чего не хватает вашему высочеству?

И услышала в ответ:

– Отца!

Словно ножом полоснуло ее это слово. Она невольно оглянулась на гостей: те спокойно продолжали трапезу. Не успела императрица прийти в себя, как к ней наклонился доверенный слуга, шепнув: «Срочное донесение, ваше величество». И передал небольшой кожаный тубус. Екатерина открыла крышку и вынула письмо губернатора Оренбургской губернии:

«Доношу до сведения Вашего императорского величества, что земли Заволжья и Яика охвачены бунтом. По хуторам и поселениям распространились слухи, что император Петр III жив и скрывается у казаков. С отрядом в 300 человек самозванец 18 сентября объявился под Яицким городком, и к нему стали стекаться казаки. Войско вскоре пополнилось заводскими крестьянами и башкирцами. Были захвачены крепости Нижне-Озерная, Татищево, Чернореченская и много других. Разбойник оставляет после себя горы трупов, убивая всех, кто оказывает ему сопротивление. Его многотысячная армия движется к Оренбургу, защищать который будет вынужден гарнизон инвалидов числом не более сотни штыков. Имя самозванца установлено: Емельян Пугачев, беглый донской казак, арестованный за дерзость и бежавший из Казанской тюрьмы.

Всепокорнейше прошу Ваше императорское величество о помощи и остаюсь верный Ваш слуга, генерал-губернатор Оренбургской губернии Иван Андреевич Рейнсдорп».

У императрицы хватило самообладания спокойно свернуть бумагу и вложить ее в футляр. Но в этот миг силы вдруг оставили Екатерину. Голова закружилась, в глазах потемнело. Как из тумана донеслось:

– Что с вами, ваше величество? Вам дурно?

Она молчала, словно окаменев.

Ей вдруг показалось, что напротив вместо сына сидит император Петр Федорович и смотрит на нее пустыми глазами.

* * *

Разбирая утреннюю почту, глава коллегии иностранных дел Никита Иванович Панин с тревогой читал вести с Урала и Поволжья. Как быстро распространялось пламя восстания! Крепости падали одна за другой, к бунтовщикам присоединились татары, калмыки, башкиры и киргиз-кайсаки (так тогда называли казахов).

Панин с трудом высвободил из глубокого кресла тучное тело и прошелся по комнате, разминая затекшие от долгого сидения ноги. Видно, напрасно он так много ел на свадебном застолье у своего любимца, цесаревича Павла. «Надо бы побережись... – раздумывал Панин. – Не ради внешнего вида – женщины и таким меня любят! – а ради здоровья. Ноги не держат, одышка замучила. Братец Петр, пожалуй, покрепче будет, хотя тоже не из худощавых, как и все в нашем роду. Следит за собой, молодец! Но ему так и положено: человек он военный, генерал-аншеф...»

Его размышления прервал пожилой дворецкий, который доложил о визите его императорского высочества Павла Петровича. Тот вошел стремительно и, ни слова не говоря, обнял своего бывшего наставника.

– Мог бы и без доклада, Павлуша, – обхватив цесаревича за плечи, Панин слегка отстранил его от себя, оглядел ласково и трижды расцеловал в щеки. – Всегда рад тебе! Ну, как семейная жизнь?

Тот поник головой и неожиданно смахнул слезу.

– Не спрашивай, Никита Иванович, сам, небось, знаешь.

Панин кивнул и снова обнял воспитанника. Он знал, как холодно относится Наталья Алексеевна к молодому супругу, и догадывался почему. Ее увлечение графом Андреем Разумовским не укрылось от его пронизательных глаз. Но Павлу рассказывать об этом не надобно, он и так не избалован любовью ближних. Самовластная и недоверчивая императрица Елизавета Петровна когда-то отстранила от него мать и отца, окружив наследника целым штатом нянек, учителей и воспитателей. Из своих приближенных Павел признавал только Марию Бастидон и Никиту Панина, сердцем чуя, что они любят его без притворства. Но Панин, ставший министром, обремененный государственными делами, теперь виделся с ним редко, а кормилицу Марию выгнали из дворца за ненадобность.

Никита Иванович, как мог, успокоил Павла, напомнив, что негоже цесаревичу думать о личных делах, когда Отечество в опасности. Турки еще не разбиты, Крым не покорен, ляхи норовят сбросить с престола

друга нашего, короля Станислава... А тут еще на Яике вор-самозванец некстати объявился!

Павел вдруг побледнел и, подойдя поближе к бывшему воспитателю, сказал очень тихо:

– Никита Иванович, а вдруг он... не самозванец?

Панин делано рассмеялся.

– А кто же? Уж не хочешь ли ты сказать, что Емелька Пугачев – твой воскресший папенька?

Он замолчал, снял парик и вытер платком вспотевшую лысину. Павел тоже безмолвствовал, сосредоточенно глядя в окно. Курносый его профиль удивительно напоминал изображение Петра III на монетах, отчеканенных в период его недолгого правления. Глядя на своего воспитанника, Панин взял себя в руки, вернув обычное самообладание.

«Вылитый Петр Федорович, – подумал он. – Как можно верить глупым слухам, будто Павлуша рожден от графа Салтыкова? Эх, если бы не проклятые фавориты, Гришка и Алехан Орловы, сидеть бы сейчас Павлу Петровичу на русском троне... а настоящим царем стал бы я!»

Ему всем сердцем было жаль молодого наследника, некрасивого, одинокого, несмотря на угодливую толпу придворных, а главное, обманутого и преданного самыми близкими женщинами – женой и матерью.

– Поверь мне, Павлуша, если б у меня была хоть малейшая надежда, что предводитель бунта – воскресший Петр Федорович, я тотчас отправился бы на Яик, чтобы кинуться в ноги государю и стать под его знамена. Но...

Панин стал перебирать письма на своем столе. Выбрал одно из них и прочел вслух: «...После трехдневной осады 30 сентября пал город Озерск. Ворвавшаяся в крепостные ворота разбойничья орда учинила грабеж и разорение. Все местные дворяне и офицеры были преданы смерти. Солдаты и чернь перешли на сторону главаря бунтовщиков Емельки Пугачева, назвавшего себя императором Петром Федоровичем. Сообщаю его светлости приметы самозванца: на вид около сорока лет, роста среднего, коренаст, волосы русые, глаза карие, нос картошкой, борода лопатой...»

Отложив бумагу, Панин устало потер веки. Цесаревич, подперев руками подбородок, глядел на него с грустной нежностью. Постарел его учитель... А бывало, часами без усталости читал ему веселые французские романы про обжористых нагловатых великанов – Гаргантюа и Пантагрюэля...

– Ты меня слушаешь, Павел? А теперь посмотри другое донесение. У меня, дружок, везде глаза и уши... Где эта бумага? А, вот она: «Захватив Белогорскую крепость 1 октября сего года, вор и лиходеи Емельян Пугачев велел повесить

офицеров гарнизона»... ладно, это можно пропустить... Вот: «Душегуб Емелька довольно молод, ростом высок, телом тонок, нос орлиный, лицо смуглое, волосы, брови и глаза – черные, борода небольшая, клином». Ну, что скажешь?

– Да-а... – протянул Павел. – Портреты совершенно разные и ни один не похож на отцовский.

– К тому же Озерск находится возле Казани, а Белгородская крепость – под Оренбургом. Между ними не менее 500 верст, а взяты эти города были чуть ли не в один день! Вывод напрашивается сам: на Яике и в Поволжье несколько очагов бунта, и Пугачев – явно не один человек. Восстание спланировано и организовано на редкость грамотно. И невольно приходишь к мысли, что...

– Никита Иванович замолчал, а цесаревич встретился и закончил за него:

– Кто-то руководит им извне!

– И нетрудно догадаться кто: так называемая «просвещенная» Европа. Ей не удалось сразить нас руками турок, вот они и придумали повергнуть нас в гражданскую войну. Я не удивлюсь, если никакого Емельки Пугачева вообще нет и в помине. Ему даже биографию толком не смогли придумать.

Панин снова покопался в бумагах, поднес к подслеповатым глазам лист и прочел:

– «Емельян Пугачев родился на Дону в станице Зимовейской...» Заметь, что и Стенька Разин там родился! Что же это за станица такая? Один за другим плодит бунтовщиков! Много в этой истории загадок, Павлуша...

Цесаревич хотел было что-то спросить, но в дверях появился дворецкий и доложил, что ее императорское величество приглашает графа Панина на военный совет.

* * *

На усмирение Пугачева Екатерина велела отрядить полк солдат и выбрала им командира «порасторопнее» – генерал-майора Карра. На какое-то время при дворе воцарилось спокойствие, все ждали скорейшего освобождения Отечества от смуты и справедливого суда над бунтовщиками. Но очень скоро стало ясно, что придется иметь дело не с ордой дикарей, а с организованным, хорошо вооруженным и экипированным войском, руководимым опытными командирами, среди которых были иностранцы.

Пугачева поддерживали не только казаки, крестьяне и беднота с уральских заводов, но и духовенство, причем самое высшее – архимандриты и архиереи. Особенную тревогу вызывало то, что в полку генерала Карра тоже началось

брожение. Солдаты и даже некоторые офицеры, выслужившиеся из солдат, перебежали к бунтовщикам. А те смеялись и подзуживали:

– Долго ли вам, дуракам, подчиняться распутной бабе? Пора одуматься и служить настоящему государю!

Военный совет прошел на удивление быстро. Собственно, Екатерине никакого «совета» и не требовалось. Она давно уже всё решила сама. Немедленно заменить немца Карра! Посему – вызвать из Литвы генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова. Толковый полководец, хоть и упрямец изрядный. А конфедератов пусть Румянцев и Суворов усмирят...

Никита Панин удовлетворенно кивнул и, прикрыв рот пухлой ладошкой, сладко зевнул. Решение, которое Екатерина искренне предписывала себе, он сам ненавязчиво внушил ей во время беседы за утренним кофе. Всё устроилось, как он задумал, если не считать одного маленького неудобства: рановато встает государыня. Что за глупый политес – пить кофе в 7 утра и упражняться в изящной словесности? Эх, отдохнуть бы часок на любимом старом диване...

Словно подслушав его мысли, императрица предложила своему министру сопровождать ее на конной прогулке.

– Слово есть сила великая! Или вы не согласны со мной, Никита Иванович? – подтрунивала Екатерина, ловко усаживаясь в седло.

– Не смею возражать, государыня-матушка! Да только слово лишь тогда сила, когда за ним штыки стоят. Вашему величеству, как немке по рождению, сие должно быть особенно понятно.

Императрица нахмурилась и всю прогулку пребывала в задумчивости. А на обратном пути бросила Панину в лицо:

– Я имею честь быть русской! Я этим горжусь и буду защищать моё Отечество и языком, и пером, и мечом – пока у меня хватит жизни!

* * *

Державину не хотелось возвращаться в опостылевшие казармы, и он с радостью принял предложение Мити поселиться у него в съемной квартире на Пушкинской. Оставив у друга свои скромные пожитки, Гавриил поспешил в полк, но по дороге остановился, глядя, как озябшие солдаты забивают сваи на Неве, на строительстве набережной. Он подошел и разговорился с высоким, как жердь, белокурым подпоручиком. Оказалось, что Владимирский гренадерский полк вызвали в Петербург по случаю свадьбы ве-

ликого князя Павла Петровича, но вместо участия в торжествах послали на тяжелую работу. Вот уже третий месяц солдаты тянут жилы на промозглом ветру...

– Преображенцы, небось, жируют, – ворчал верзила. – А владимирцам даже чарки не налили!

К ним подошли несколько офицеров, и подпоручик, чувствуя поддержку, повысил голос, обращаясь к Державину:

– Вы, гвардейцы, привыкли только носки тянуть на парадах, а мы, армейцы, на войне кровь проливаем! И все каторжные работы – тоже для нас!

– Остынь, Томаш! – строго предостерег его кто-то. – Ты не в кабаке!

Но тут все разом загалдели:

– Слыхали? Генерал-аншеф Бибилов посылает Владимирский полк в Казань. Скоро будем с Пугачевым воевать!

– Говорят, будто Пугачев – царь наш законный, Петр Федорович!

– А что, братцы? – заносчиво вскинул голову подпоручик. – От такой худой жизни не грех и ружья положить перед царем, кем бы он ни оказался!

Державин не верил своим ушам. Ему доводилось слышать о воре-разбойнике, выдававшем себя за убиенного царя. Он мог еще допустить, что неграмотные мужики-солдаты сочувственно отзываются о бунтаре. Но чтобы офицеры поддерживали крамольные речи?! Этого он не мог понять...

Он помнил страдания матери, когда ей, бедной вдове, пришлось судиться с влиятельными казанскими помещиками, которые бесстыдно отщипывали по клочку от их родовых земель. Помнил, как в присутственных местах его и матушку равнодушно посылали из кабинета в кабинет с единственной целью – поскорее отделаться от бедных просителей. Уже тогда, мальчиком, он задумывался о царящих в стране беззакониях, при которых сильный мог угнетать слабого. Но даже в самые тяжелые времена своей жизни Державин не помышлял о том, что навести порядок в России можно мечом и кровью. Бунт и революция не исправят, а ослабят, обескровят страну, и она, в конце концов, станет добычей иноземных врагов. Нет... Справедливости надо добиваться иначе. Министры, поэты и просвещенные мужи должны наставлять царей, чтобы те издавали правильные законы и строго следили за их исполнением. Навивно думать, что бунт черни сможет исправить жизнь в Российском государстве: злодеяния Пугачева – тому страшное доказательство. Нет большего деспота, чем бывший раб!

* * *

Вечером, ужиная с Неклюдовым, Державин возмущенно рассказывал другу о настроении во Владимирском полку:

– Ты только представь! И это говорят офицеры в присутствии солдат, да еще в то время, когда Отечество ведет войну с турками!

– Дело серьезное, – нахмурился Митя. – Солдаты сами не посмели бы и рта раскрыть. Их подстрекают командиры.

– Да и они бы поостереглись, если бы не смутьяны-зачинщики. Особенно распоясался один подпоручик по имени Томаш. Верно, поляк, хотя по-русски говорит довольно чисто.

– Постой, Мурза! Каков он из себя? На левой руке нет мизинца, верно?

– Не заметил... На вид – лет тридцать. Высокий, сухопарый, чуть сутулый.

– Кажется, я знаю его! Это Томаш Дудка! Встречался с ним в Варшаве, когда он вел крамольные разговоры среди наших солдат, склоняя их к бунту. Доносить на него не стал, просто вызвал на дуэль и отстрелил палец. Провокатор урок усвоил, на глаза мне не попадался. Позже узнал, что он уехал в Россию...

Державин сжал кулаки. Его возмущала подлая невидимая война, которую иноземцы вели против России. Они не дрались в честном бою, а действовали скрытно, исподволь, шаг за шагом подтачивая устои его Отечества.

Митя тоже долго молчал, потом сказал задумчиво:

– Ведь Томаш не один... Вся Европа ненавидит нас. Для них мы – люди чужого мира. Вроде похожи на них внешне, а внутри – другие: богаты не наживой, а душой и верой. Вот послушай, что было в бою при Ланцкрон. Попали мы в клещи. Поздно ночью конница конфедератов, тихо подкравшись, неожиданно прорвала укрепления и ринулась на нас с обоих флангов. Командовал поляками французский генерал Шарль Демурье, известный полководец. Но, недоскакав каких-то пятидесяти саженей, противник вдруг пришел в смятение и стал спешно ретироваться. Были слышны истошные крики: «Суворов!!!» Гляжу: и вправду наш бригадир, Александр Васильевич, с саблей наголо мчится один на врага, далеко опередив свои полки. Поляки при виде такой безудержной храбрости дрогнули: «Дьявол, дьявол!» И, вместо того чтобы атаковать дерзкого командира, побежали прочь! Напрасно Демурье угрозами и проклятиями пытался остановить свою армию. Одно только имя «Суворов» привело их в ужас. Тут и наши казаки подоспели, догнали неприятеля, порвали его в клочья. Вот она – сила русского духа! Европейцы

называют нас дикой нацией, потомками татар, а сами завидуют нашей стойкости и боятся нас. Открыто воевать не хотят, а вот тайно пакостить – их любимая метода. Эх, жаль, что Преображенский полк не посылают на войну с Пугачевым!

Державин только вздохнул. Ничего не поделаешь, императорская гвардия – неприкосновенный военный резерв, который берегли от участия в смертельных боях, зато охотно использовали в дворцовых переворотах. На гвардейских штыках взошли на престол Елизавета Петровна и Екатерина Алексеевна... Но Державин не желал довольствоваться ролью охранника при царственной особе. С детства впитанная любовь к Отечеству, живой ум и свободолюбивая натура требовали иного поля деятельности.

В ту ночь он долго ворочался в постели, обдумывая некую неожиданную мысль, пришедшую ему в голову после разговора с Митей...

* * *

Сорокапятилетний генерал-аншеф Александр Ильич Бибииков, недавно назначенный командующим правительственными войсками для подавления пугачевского бунта, удивленно глядел на молодого прапорщика, поражаясь его неиссякаемому красноречию. Вот уже полчаса тот вдохновенно рассказывал, как он жаждет служить под его началом и как хорошо знает места, где разразился бунт! В заключение своей речи прапорщик предлагал создать Следственную комиссию с особыми полномочиями, дабы расследовать тайные действия сообщников Пугачева.

Мало того, что офицер явился к генералу на дом без приглашения, так он еще смеет отнимать у него драгоценное время! Странного визитера давно уже следовало выставить за дверь, но что-то удерживало Бибиикова. Ему казалось, что он уже где-то видел этого статного гвардейца с ярко-голубыми глазами, полными живого огня.

Сдвинув брови, генерал потер лоб, и его жест не укрылся от пронизательного взгляда прапорщика.

– Как, бишь, твоя фамилия, братец?

– Державин, ваше превосходительство. Позвольте напомнить: десять лет назад в Петергофе вы освободили меня и царского камергера Бастидона от заключения на гауптвахте.

А, так вот где он его видел! Воспоминание почему-то успокоило генерала, и он уже благожелательней пригляделся к молодому офицеру. Встал, задумчиво прошелся по комнате... Потом, остановившись перед Державиным, отечески потрепал его по плечу.

– Ваше рвение похвально. Но, к сожалению, вы-

нужден вас разочаровать. Правительственные войска уже сформированы, и никаких следственных комиссий в них не предусмотрено. Да и нет в них надобности – я привык бить врага на поле боя. Так что не обессудь, братец... Более не задерживаю!

Бибиков ожидал, что после его недвусмысленного предложения убраться вон прапорщик немедленно покинет кабинет, но тот словно прирос к полу, застыл как статуя. Это было неслыханно! От удивления густые брови генерала поползли вверх.

– Что-то еще, прапорщик?

– Ваше превосходительство! Осмелюсь не согласиться с вами. Победить врага в открытом бою можно в том случае, если противник тоже сражается честно. Но бывает, что предательство и подстрекательство к бунту оказываются сильнее пушек и сабель.

– К чему вы клоните?

И Державин, волнуясь, поведал генералу о том, что творится во Владимирском полку. Слушая его, Бибиков мрачнел на глазах.

– Вам известно имя офицера-зачинщика?

Державин на мгновение замаялся. Что, если Митя ошибся и это совсем другой человек? И всё же он рискнул:

– Томаш Дудка!

После долгого тягостного раздумья генерал вновь обратил взор к Державину.

– Ваши донесения будут проверены. А теперь – ступайте и ждите. Я вас вызову!

* * *

Генерал сдержал слово. Ровно через неделю вестовой доставил Державину приказ явиться в штаб командующего правительственными войсками. Бибиков встретил его как старого знакомого и рассказал, что благодаря бдительности прапорщика был раскрыт предательский заговор во Владимирском полку, имевший целью склонить армию перейти на сторону Пугачева.

– Заговорщики арестованы и предстанут перед судом! – сообщил Бибиков. – Кроме того, у меня для вас, прапорщик, хорошая новость... Личным приказом императрицы вы произведены в подпоручики!

Он протянул ему свернутую в трубку бумагу.

– Ваше превосходительство! – взволнованно промолвил Державин. – Храни вас Бог!

Генерал нетерпеливым жестом прервал его.

– Это еще не всё! Я убедил ее императорское величество в необходимости создания секретной Следственной комиссии, которая будет действовать в тылу врага, и рекомендовал включить в комиссию лично вас.

– Покорно благодарю, ваше превосходительство! – Державин не верил своим ушам.

– Благодарить не за что: насколько я помню, это ваша собственная идея.

– Готов исполнить любой приказ!

Бибиков усмехнулся, прошелся по комнате, разминая затекшие ноги, потом остановился перед гвардейцем, который тут же снова вскочил, почтительно ловя каждое слово генерала.

– Следственная комиссия – секретный разведывательный отряд, члены которого будут действовать в разных местах независимо друг от друга. Знаю, что вы мечтали принять участие в сражении, но то, чем вы будете заниматься – тоже поле боя, и весьма опасное! Получать задания будете лично от меня и отчитываться только мне! Через четыре дня императорские войска выступают в Казань. А вы отправитесь туда завтра, чтобы осмотреться, оценить обстановку... Самое главное для нас – выявить основных сподвижников Пугачева. Кто стоит за ним и каковы их цели? Не торопитесь, будьте осторожны. Если понадобится помощь – свяжитесь с городскими властями. Они должны оказывать вам всяческое содействие, ибо вы будете обладать особыми полномочиями. В канцелярии получите приказ за подписью государыни...

Бибиков вдруг замолчал и болезненно поморщился, схватившись за грудь.

– Вам плохо? – всполохился Державин. Он помог генералу опуститься в кресло, и тот с минуту сидел неподвижно, тяжело дыша. – Может быть, позвать лекаря?

– Нет-нет, сейчас пройдет... Это со мной бывает. Рана под Краковом...

Он попросил Державина открыть верхний ящик стола и достать коробочку с порошками. Тот поспешно подал генералу лекарство, налил в стакан воды из графина... Бибиков проглотил порошок, запил водой и, посидев с минуту, улыбнулся.

– Ну вот, всё и прошло. Я же говорил!

* * *

Осенью 1773 года в европейских рыбных лавках исчезла черная икра. По этому признаку дипломаты догадались о том, что войска самозванца овладели берегами Волги.

Кто надоумил неграмотного донского казака станицы Зимовейской объявить себя императором всея России Петром III, чудом спасшимся от убийц в Ропше? Это так и осталось загадкой. Но казаки, крестьяне, татары и заводской работный люд охотно шли в его войско, передавая из уст в уста, что новый царь жалуется простой народ зем-

лей и волей. Тот факт, что Отечество вело кровопролитные войны с Турцией и польскими конфедератами, не волновал бунтовщиков. Многие об этом даже не знали, а зачинщики радовались, видя в этом для себя только пользу.

Европа с живейшим интересом наблюдала за действиями Пугачева. И не только наблюдала, но и помогала. Пугачев был любимым детищем европейских дипломатов, которого они сами выпестовали, снабдили деньгами, оружием, и, конечно, опытными военными специалистами. Как без них? Не мог же неграмотный Емелька руководить сложными военными операциями!

Пришлось иностранным агентам поработать и с духовенством. Но тут Екатерина сама ненароком спровоцировала недовольство церкви. Обещала ей вернуть имущество, отнятое Петром III, а вместо этого отобрала вдвое больше. И шло то добро не на пользу Отечества, а на подарки фаворитам. «Узурпаторша...» – глухо роптали святые отцы. Особенно люто ненавидели ее староверы, коих много было в те времена на Волге.

Кем на самом деле был Емельян Пугачев? Бунтовщиком, царем, злодеем, народным заступником? Его личность была окружена тайной. Одни говорили, что его фамилия не настоящая, а придуманная от слова «пугало» или «пугач». Ведь нарекли же когда-то бояре самозванца Лжедмитрия презрительной кличкой «Гришка Отрепьев»? А еще утверждали, что настоящий казак Емельян Пугачев, участник семилетней войны, ставший потом дезертиром и бродягой, умер в 1773 году в Казанской тюрьме, а вместо него якобы вышел на волю совсем другой человек...

Глава 8 Офицер Следственной комиссии

Через два дня, едва успев проститься с Митей, Державин мчался в Казань на перекладных по бесконечным дорогам, скованным декабрьским морозом. Нагольный овчинный тулуп, купленный по случаю за три рубля, плохо удерживал тепло, но молодого офицера согревала надежда отличиться в родных местах и повидаться с матерью. Он не знал, что мятеж охватил уже не только Яик и оренбургские степи, но и Казанскую губернию. Отряды Пугачева хозяйничали на берегах Волги, опустошая и сжигая помещичьи усадьбы, подвергая страшной смерти всех, кто не желал подчиниться «законному царю-батюшке».

Задремавшему в кибитке Державину снилось, что он лично выслеживает Пугачева, геройски

захватывает его в плен и привозит прямо в штаб Александру Ильичу Бибикову. Удивленный генерал награждает Державина орденами и подписывает приказ о его производстве в поручики. Но приказ вдруг сам по себе загорается и пылает ослепительным пламенем. Державин кидается к столу, чтобы схватить бумагу, но поздно... Огонь охватывает всю комнату, раскаленный дым ест глаза, забивается в горло, наполняет легкие нестерпимым жаром... Бибиков падает, корчась на полу, Державин пытается спасти генерала, но кто-то крепко его держит за плечи, не давая пошевелиться. Он оглядывается и видит темное от копоти, злобное бородатое лицо в обрамлении черных волос. Пугачев! Его глаза сверкают, отражая бушующее пламя. Он трясет Державина и кричит ему в ухо:

– Ваше благородие! Пожар! Смотрите, пожар!

Не без усилия разомкнув веки, Державин увидел перед собой бородатого ямщика, который пытался его разбудить, настойчиво повторяя:

– Да проснитесь же, ваше благородие! Смотрите, Сокуры горят!

В воздухе действительно чувствовался запах гари. Стряхнув с себя остатки сна, Гавриил приподнялся и стал из-под руки вглядываться в бескрайнюю степь, где вдали в чистом голубом небе стояло облако черного дыма.

– Неужто Сокуры?!

– Они, барин! – отозвался ямщик. – Не иначе как супостат там побывал! Ехать опасно... Есть другая дорога на Казань. Прикажете повернуть назад?

– Повернуть?! – в негодовании воскликнул Державин. – Да у меня мать в Сокурах! Там мой дом! Полежай на козлы, шельмец, и скажи что есть духу!

Через полчаса они уже подъезжали к дымившимся Сокурам. Пожар уже утих, избы догорали, и дым клубами валил с пепелищ. Кругом ни души... Только убогий дурачок Муса-татарин, рыскающий среди обугленных руин, да несколько исхудавших собак – вот и все обитатели его родного села.

От татарина Державин узнал, что бунтовщиков в Сокурах ждали давно. Крестьянские семьи и барыня с прислугой бежали в Казань еще неделю назад. Но многие оставшиеся мужики встречали Пугачева хлебом-солью, называли своим царем и добровольно вступали в его войско. А потом вместе с его сообщниками пировали, вешали непокорных, грабили барскую усадьбу и дома зажиточных крестьян. Когда всё, что можно, было разворовано, разбойники подожгли село и вместе с новобранцами ушли в степь. Куда? А шайтан их знает!

Вручив Мусе каравай хлеба и пятиалтынный,

Державин обвел прощальным взглядом дымящиеся стены родного дома, сел в кибитку и велел ямщику ехать в Казань.

* * *

Он не узнал древней татарской столицы... Город был в запустении, унынии и смятении. Жители готовились к бегству. Даже местные власти во главе с губернатором Яковом Илларионовичем фон Брантом укладывали чемоданы и вязали узлы. Появление в губернской управе Державина – столичного офицера, делового и строгого, наделенного особыми полномочиями, подействовало на «отцов города» как отрезвляющий душ.

– Прекратить панику, господа! На подавление самозванца идет армия генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова! Даже если Пугачев появится раньше, наш долг – продержаться до прибытия императорских войск. Чем вы встретите супостата? Хлебом-солью, подобно крестьянской черни, верящей в «доброе царя»? Трусостью и покорностью или отрядами народных ополченцев, готовыми драться насмерть за свой город?

Державин говорил с воодушевлением. Он не искал слова, они рождались сами и лились свободно, словно из глубины души. И слушатели невольно заражались его энтузиазмом, его безграничной верой в торжество закона перед стихийной силой насилия.

– На небе – Бог, а на земле – закон! – так закончил он свою речь.

Ошарашенные чиновники разразились аплодисментами. Весть, что на помощь к ним спешит прославленный генерал Бибиков, произвела такое впечатление, словно победа над самозванцем уже одержана и остается только совершить над ним справедливый суд.

Узлы и чемоданы стали спешно распаковываться, уныние уступило место легкомысленному веселью, подобному приятному головокружению, которое наступает после бокала хмельного вина.

– Наш добрый вестник! – низкорослый губернатор смахнул навернувшиеся слезы и потянулся на цыпочках, чтобы расцеловать офицера в обе щеки. – Чем могу служить? Мой дом – к вашим услугам, милости прошу!

– Мы тоже примем вас с превеликой радостью! – наперебой галдели чиновники, наседая на него со всех сторон.

Державин еле от них отбилась и объяснил, что ему надобно разыскать матушку, которая, по слухам, должна быть в Казани. Губернский предводитель дворянства вспомнил, что Фёкла Андреев-

на Державина живет в деревянном доме, в двух шагах от собора Богоявления Господня, и велел городскому полицеймейстеру проводить уважаемого гостя к матери.

От услуг провожатого Державин отказался. Он знал эти места. Здесь они останавливались с отцом, покойным Романом Николаевичем, когда тот возил его, мальчишку, в Казань – показать великий город. Двухэтажный дом с резными наличниками и палисадом достался Роману Николаевичу от его отца, старого петровского офицера. Позже Фёкла Андреевна сдавала жилище внаем, получая за него хоть и небольшие, но верные деньги...

* * *

Возле Богоявленского храма Державин вышел из кибитки и отпустил кучера. С волнением взбежал по скрипучим ступенькам и уже через минуту сжимал в объятиях худенькую постаревшую матушку, которая прижималась к нему, обливая слезами его офицерский мундир.

После первых радостных восклицаний и объятий Державин огляделся и прошелся по дому. Комнаты на первом этаже были темноваты из-за густых кустов жасмина, посаженного у самых окон. Второй этаж занимали две старухи богомолки, служительницы храма. Прислугу Фёкла Андреевна отпустила на поденные работы, сама тоже не сидела без дела – вязала крючком кружева на продажу. Теперь этот дом стал ее единственным пристанищем...

Державин, как мог, успокоил и ободрил мать, обещав, что в Казань супостату не войти: здесь будут сосредоточены основные силы императорских войск.

– На всё воля божия, – безропотно крестилась Фёкла Андреевна. – Теперь ты со мной – больше мне ничего не надобно!

Несколько дней Державин прожил в доме матери. Собирал сведения о настроениях в городе и ближайших селениях, выявлял паникеров в правительстве губернии, смутьянов и предателей в казанском гарнизоне. Все наблюдения записывал в журнал...

Александр Ильич Бибиков прибыл в Казань 25 декабря, без войск, с небольшим отрядом. Державин ринулся в штаб-квартиру и застал командующего в скверном расположении духа.

– Опоздали мы, брат... Оренбург осажден, Самара взята! – в сердцах отрубил он. – Народ встречает Пугачева как законного царя и вступает в его армию! А храмы бьют в колокола!

– Где же наши войска? – спросил Державин.

– Основные силы под Оренбургом. Кроме того,

пришлось оставлять роты для усиления местных гарнизонов. Да вот незадача: не уверен, что завтра они не перейдут на сторону супостата.

Державин впервые видел Бибикова таким озабоченным. Не Пугачева страшился генерал, а пугачевщины! Это настоящая чума: лишь подует ветер, и ее смертельные споры разлетаются по белу свету, заражая всё живое. На кого можно положиться, если даже духовенство приняло сторону мятежников?

– Надо действовать! – пылко воскликнул Державин. – Немедля наводить порядок в полках. Пресекать и тушить искры смуты, пока не разгорелся пожар!

Бибиков взглянул на него, кивнув благодарно. Мало у него осталось верных людей... Пока другие члены Следственной комиссии пировали и дебоширили в ожидании распоряжений начальства, один лишь Державин представил обстоятельный и толковый доклад, который назвал: «О движении неприятельском и колебании народном». Командующий внимательно прочитал записи, представленные разведчиком.

– Вы собрали ценные сведения, подпоручик, – сказал он наконец, оторвавшись от бумаг. – Помните, что основное ваше дело – выявлять смутьянов и развратителей, чуму военной службы! Надобно выжигать их каленым железом, иначе бунт может охватить армию. Наши силы малочисленны, жду подмогу. Эх, если бы прислали Ивана Ивановича Михельсона, моего старого друга...

– Значит, покуда нет Михельсона, будем сидеть и ждать? – запальчиво спросил Державин и осекся, осознав, что говорит с командующим недопустимо дерзко. – Виноват, ваше превосходительство...

Но Бибиков не рассердился. Он в волнении расхаживал по кабинету, в глубине души сознавая правоту своего офицера. Переведя дух, остановился, приложил руку к сердцу и произнес устало:

– Начать решительное наступление мы пока не можем... Но и ждать уже нельзя. Я подготовил для вас поручение. Приказ получите в полковой канцелярии. А теперь ступайте с Богом!

Державин вытянулся, вскинув руку к треуголке, и вышел из кабинета.

В полученном приказе говорилось, что подпоручику Державину надлежит завтра утром отправиться в Симбирск с особой миссией. В чем состояла эта миссия, он должен был узнать из письма, запечатанного личной печатью командующего. На конверте стояло указание: «Вскрыть, отъехав на расстояние 30 верст от Казани».

* * *

Ночь прошла тревожно. Фёкла Андреевна не могла уснуть, чувствуя сердцем, что сын чем-то озабочен. Не выдержала, пришла к нему, сидящему у свечи за письменным столом.

– Не спится, Ганечка? Читаешь?

– Нет, матушка, так сижу, думаю...

– О чем, дитя мое?

– О Боге... Как по-твоему, матушка, каков он с виду?

Фёкла провела рукой по светлым густым волосам сына.

– С чего это вдруг, дружочек? Вот пойдешь в церковь, там самое место для подобных мыслей. А как выглядит Творец наш небесный, так это каждый сам себе представляет. Мне бабушка сказывала, что он – мудрый старец в белых одеждах. Живет на небе и сверху видит всех нас: добрых одаривает, грешников – карает.

– А за что он наказал батюшку? Зачем отпустил ему такой короткий срок?

Фёкла Андреевна вздрогнула.

– Он его не наказал, а взял к себе, сынок. Есть нечто, выше нашего разума!

Гавриил встал и, заглянув в лицо матери, промолвил со скрытой страстью:

– А я хочу постигнуть это «нечто»! И порой мне кажется, что я близок к истине. Вот что я думаю, матушка... Бог – не благообразный старик на белом облаке, который играет нами, как оловянными солдатиками. Бог – всё сущее на земле и во вселенной. Он всюду: в природе и в каждом из нас!

– Если он в нас, то отчего мы смертны? – робко спросила мать.

Гавриил замер, словно в отрезвлении. Задумался...

– Человек смертен, а человечество бессмертно. В созданной Богом природе происходит бесконечное течение живого вещества, которое переходит из одного состояния в другое. Мы уходим, чтобы душой соединиться с Творцом, а на смену нам приходит другая жизнь...

Фёкла Андреевна слушала сына, не зная, соглашаться с ним или нет.

– Сыночек, что с тобой? Ты говоришь так странно... Это всё от книжек! Слишком много читаешь!

– Ох, матушка, чем больше читаю, тем больше вопросов...

* * *

Утром Державин нанял сани и, наскоро простившись с матерью, выехал в Симбирск. Ни он, ни

Фёкла Андреевна не знали, надолго ли разлучаются и что придется им пережить. Смутная тревога овладела их сердцами.

«Почему Ганя накануне отъезда вспоминал о Боге?» – терзалась мать.

«Какой приказ я должен исполнить?» – думал Державин, ощупывая за отворотом мундира запечатанный конверт.

Чем дальше он отъезжал от Казани, тем враждебнее становились обстановка и люди. Он почувствовал это на первой же почтовой станции, где ему не хотели менять лошадей. И дело было даже не в лошадах (брань со станционных смотрителями – обычное дело), а в непочтительном, порой откровенно наглom отношении к нему бородатых яицких казаков и киргиз-кайсаков, вольготно расположившихся на постоялом дворе. Они пьянствовали, сквернословили и явно чувствовали свое превосходство перед «его благородием». Отказ смотрителя дать офицеру лошадей был встречен злорадным хохотом. Но Державин выхватил пистолет, и веселая публика попятилась. Их было много, и они могли бы легко его одолеть, набросившись разом. Но его решительный вид говорил о том, что он без колебаний выстрелит в кого-то из них, и никому не хотелось получить пулю в живот. Испуганный смотритель кликнул помощника и велел закладывать кибитку для господина офицера. Когда Державин выехал со двора, вслед понеслись угрозы, гиканье и свист, но он уже был недосыгаем.

Шел мелкий снег, сугробов еще не намело, и свежие лошади резво неслись по мерзлой дороге в Симбирск. Возле полосатого столба 30-й версты Державин велел остановиться. Сломал печати, вскрыл конверт и прочитал письмо Бибикова.

То ли от волнения, то ли из-за витиеватого слога он не сразу осознал смысл приказа, и лишь перечитав дважды, понял, что от него требовалось.

В Симбирске ему предстояло встретиться с полковником Гриневым и, убедившись в благонадежности его войска, передать ему приказ идти на Самару, занятую супостатом.

«По дошедшим известиям, – писал Бибиков, – слышно, что жители города Самары при первом приближении злодейской сволочи со звоном выходили навстречу и пели благодарственный молебен». В случае успешной баталии Державин должен был «найти того города жителей, кто первые были начальники и уговорители народа к выходу навстречу злодеям со крестами и со звоном и через кого отправлен благодарственный молебен».

Зачинщиков-предателей надлежало выслать в Казань в кандалах. Менее виновных, поддавшихся страху, – наказать плетью на площади. В заключе-

ние Бибиков писал, что «сей ордер» надобно предъявить градоначальнику Самары и «требовать во всем его вспомоществования».

Поручение было непростое, но и Державин не первый год состоял на службе... Недолго думая, он велел кучеру трогать, и сани вновь понеслись по заснеженной дороге навстречу неизвестности. «Быть может, Симбирск уже в руках самозванца?» – мелькнуло в голове.

Подъезжая к городу, он встретил мужика с мешком за плечами, идущего, видимо, с базара. Он окликнул его, но тот испуганно шарахнулся в сторону и попытался бежать по полю, увязая в снегу.

– Стой! – рассвирепел Державин и, выскочив на дорогу, кинулся за ним.

Ему хватило нескольких мгновений, чтобы догнать беглеца и затащить его в сани. Тот дрожал от страха, прижимая к себе залатанный мешок.

– Не губите, ваше благородие! Детишкам одежку купил да жене тулуп. Не отымайте, зима на дворе...

– Что ты мелешь? На кой мне твое добро? Я гвардейский офицер!

Услышав эти слова, мужик затрясся еще сильнее.

– Так ведь офицеры и лютуют пуще солдат! По всему Симбирску – мародеры! Всё отымают: еду, сапоги, одежду... Ведь до чего дошло! Горожане Пугачева ждут как народного заступника. Говорят: пушай хоть он порядок наведет...

Державин слушал, не веря своим ушам. Как же так?! Те, кому надлежало защищать Отечество от душегубца, ему же и уподобились? Куда смотрят командиры? Неужто и они с мародерами заодно? Отпустив мужика, он завернулся поплотнее в овчинный тулуп и велел кучеру гнать что есть духу.

Симбирск (в те времена его называли «Синбирск») сто лет назад уже подвергался осаде разбойничьих войск. Его пытался штурмовать Степан Разин, но был ранен в бою и отправлен соратниками на лодке вниз по Волге. Через год Симбирскую крепость осаждал разбойник Федька Шелудяк, и тоже безуспешно. Город был сплошь деревянным, несколько раз выгорал дотла, но неизменно поднимался, отстраивался и становился только краше и сильнее. Но сейчас Державин видел тоскливое запустение. Лавки, двери и окна домов были заколочены. На улицах – одни голодные собаки.

Молодой кудрявый и веснушчатый полковник Гринев явно не ожидал приезда офицера Следственной комиссии. Державин передал ему приказ командующего и, сурово сдвинув брови, потребовал полного отчета о состоянии войска.

– Состояние преотличное, – запинаясь, пробормотал полковник, впечатленный подписью Биби-

ва и государственной печатью на поручительной грамоте Державина. – Но идти на Самару нынче не представляется возможным. Ждем полки генерала Карла Муффеля в подмогу...

- И долго ли ждете?
- Около недели...
- Солдаты, поди, озябли, ожидаючи?
- Не понимаю...

Державин молчал, прохаживаясь по кабинету, тянул зловещую паузу. Потом промолвил веско:

– Ваши люди отбирают у жителей еду, дрова и теплую одежду! Или вы не знаете, какая кара положена мародеру во время военных действий?

Гринева ошарашенно округлил глаза.

– Не может быть! В моем полку ничего подобного нет!

– Почему же люди боятся ходить по улицам? – Державин остановился возле окна, отдернув занавеску. – Взгляните, господин полковник! Вы в первый раз видите такую картину?

На пустынной улице солдаты, спускаясь со ступеней большого купеческого дома, тащили узлы и мешки. Им вслед что-то отчаянно кричала женщина в плюшевом салопе.

Полковник был явно удручен.

– Да, бывает... Что поделает? Время военное... Если не солдаты ограбят население, то это сделают душегубы самозванца.

– Значит, по-вашему, солдатам следует брать пример с Пугачева? Мне так и написать в донесении генерал-аншефу?

– Боже упаси, я не то хотел сказать! – испуганный полковник совсем запутался и поник головой. – Уверю вас, я немедленно дам приказ вернуть населению всё, что было у него изъято!

Офицер Следственной комиссии еще долго страдал командира полка своим рапортом генералу Бибикову, гневом начальства и неминуемым расформированием полка. Потом дал Гринева срок: в течение суток навести порядок и наказать виновных; а сам отправился в казармы вразумлять распустившихся солдат.

* * *

Державин зря времени не терял. Три дня без сна и отдыха он дотошно занимался ревизиями и проверками, выявляя в полку мародеров. Записывал каждое нарушение! На четвертый день прибыл вестовой с важным донесением: не заходя в Симбирск, генерал Карл Муффель выбил из Самары полчище Пугачева. Идти на соединение с войском Муффеля теперь не имело смысла, и Державин предложил Гринева освобо-

дить от пугачевских разбойников Алексеевскую крепость.

Не стоит удивляться тому, что подпоручик свободно общался с полковником и давал ему советы, к которым невозможно было не прислушаться. Во-первых, Державин был подпоручиком лейб-гвардии. А во-вторых, он являлся офицером Следственной комиссии, то есть представителем особой власти, стоящей над другими званиями и должностями.

– Засиделись тут! – смело заявлял командиру полка ретивый «особист». – Пора испытать наших солдат в деле!

Он понимал, что разложение в полку Гринева происходило прежде всего от бездействия. Только в сражении крепнет дисциплина! Недаром воины говорят: «Каждый параграф артикула написан кровью».

Всё случилось так, как он задумал. Гринева и Державин повели войско на Алексеевскую крепость и, освободив ее, двинулись на Красный Яр, который недавно захватили калмыки. «Вольные дети степей», вооруженные неведомо откуда взятыми пушками, перебили гарнизонную роту Красного Яра, перевешали администрацию, навели ужас даже на мужиков, собиравшихся примкнуть к восстанию. После взятия крепости Державин простился с Гриневым и поскакал в Самару, освобожденную Карлом Муффелем. Одновременно послал гонца в Казань с очередным донесением:

«Командующему правительственными войсками, генерал-аншефу Александру Ильичу Бибикову от офицера Следственной комиссии поручика Гавриила Державина донесение.

Ваше превосходительство!

Счел должным быть лично в сражении с бунтовщиками при крепостях Алексеевской и Красный Яр. Докладываю Вашему превосходительству, что все солдаты дрались храбро, не жалея живота своего. То же касается и господ офицеров, особливо 24-й полевой команды капитана Станкевича, который своею расторопностью и отважным одобрением солдат преимуществом перед всеми своими собратьями. А также и находившийся при артиллерии поручик Жадовский, ранивший атамана Арапова, что обратило в бегство дерзкое мятежное скопище и решило итог сражения в нашу пользу...» и т.д.

Все перечисленные Державиным офицеры были награждены.

* * *

Генерал-аншеф Бибиков давно уже чувствовал боль в груди – следствие старого ранения. Она возникла внезапно, но, слава богу, быстро прохо-

дила благодаря чудесному порошку, изготовленному в старинной львовской аптеке фармацевтом Фредериком Лещинским. Вскоре аптекарь был убит: вельможным панам не понравилось, что Лещинский пользовал русского генерала.

Порошки, завернутые по порциям в вощеную бумагу, аккуратно уложенные в серебряную шкатулку, всюду сопровождали Бибикова, куда бы его ни бросила судьба. Вот и сейчас, почувствовав очередной приступ, он потянулся рукой к ящику стола. Но, видно, рука дрогнула: шкатулка упала на пол. Генерал, слабея, позвонил в медный колокольчик. Прибежал адъютант, прибрал на полу. Уцелевшие порошки сложил обратно в шкатулку. Один дал генералу.

– Сколько еще осталось? – спросил Александр Ильич.

– Пять порций!

– Маловато... Мне надобно до ареста Емельки дотянуть.

– Ваше превосходительство! В Казани есть аптека, извольте заказать копию вашего лекарства!

Генерал лишь покачал головой и усмехнулся невесело. Он уже не раз обращался к аптекарям с подобной просьбой, но изготовленное ими средство не помогало. Видно, был в составе порошка Лещинского какой-то неведомый секрет. Бибилов, как многие вояки-ветераны, относился к своему здоровью легкомысленно, не вспоминал о нем, пока не прихватит, и больше думал о «проклятом Емельке», чем о себе.

Императорские войска постепенно стягивались под Казанью. Бибилов копил силы, чтобы дать генеральное сражение супостату, но армия Пугачева не была сосредоточена в одном месте, а, подобно лесному пожару, охватывала необозримое пространство от Яика до Волги, от Уральских гор до Каспийского моря. Бунтовщиков поддерживали народы киргиз-кайсацких степей, одурманенные щедрыми обещаниями самозванца и возможностью безнаказанно мстить своим угнетателям.

Из Саратова в Казань прибыл Карл Муффель и передал генерал-аншефу Бибилову несколько писем от Державина, оставшегося в городе, дабы завершить возложенное на него поручение. Разведчик Следственной комиссии описал положение в Симбирске и его окрестностях, в лестных выражениях отметил героизм полковника Гринева, его солдат и офицеров. О случаях мародерства умолчал, поскольку командир полка уже сурово наказал виновных и дал слово, что больше не допустит преступлений в своем полку. Что касается второй части поручения – привезти в кандалах саратовских предателей, встречавших злодея с крестами и колокольным звоном, то Державин выслал лишь четверых, самых

злостных, резонно пояснив, что «не может заковать в железа всех самарских попов и чиновников».

Он пытался понять, почему самарское начальство благоволило к Пугачеву? То ли из страха перед ним, то ли из ненависти к Екатерине – узурпаторше и мужеубийце, то ли и впрямь поверило в чудесное восхождение законного царя? Кроме того, Державин заметил, что, несмотря на пережитую осаду, градоначальники Самары были гладки телом, ходили в соболях и накрывали ему щедрые столы. Проводя собственное расследование, разведчик добыл некоторые любопытные сведения.

Ему донесли, что накануне вторжения самозванца в Самару побывала миссия старообрядцев из иргизского скита. Любопытно то, что староверы говорили с заметным польским акцентом. Они вели среди народа прельстительные речи, а для городских властей и церкви привезли в дар кованный сундук, наполненный новенькими, только что отчеканенными золотыми монетами с профилем императора Петра Федоровича. На обратной стороне красовалась надпись на латыни: «Я воскрес и начинаю мстить». Староверы или те, кто выдавал их за себя, стали раздавать деньги чиновникам и священникам, но архимандрит приостановил «благотворительность»:

– Ежели церковь позволяет себя использовать в корыстных целях, то она перестает быть церковью!

Он призвал к себе верных людей и велел спрятать сундук с золотом в надежном тайнике, что и было сделано. После взятия Саратова Карлом Муффелем, «староверы» ушли вместе с войском Пугачева.

Узнав о происшедшем, Державин прежде всего хотел встретиться и поговорить с архимандритом. Но – увы! Перед штурмом города святой отец и его сподвижники пали от рук неизвестных злодеев.

Державин провел кропотливую следственную работу, пытаясь дознаться, кто убийцы и где спрятан клад, но во время одного из допросов сам едва не погиб. В камере острога, где проводилось дознание подозреваемых, на него вдруг набросились четверо дюжих молодчиков из охраны. Он уже терял сознание под удавкой на горле, и всё могло кончиться быстро и печально, если бы не писарь-поляк по имени Вацлав Новак, который отважно бросился к нему на помощь. В мгновение ока он раскидал четверых предателей; двоих стукнул лбами, так что черепа затрещали, оставшиеся двое кинулись было бежать, но не ушли далеко – у выхода их задержали солдаты караула.

Вот так его, офицера секретной Следственной комиссии, учрежденной лично ее императорским величеством Екатериной II, едва не удушили лазутчики самозванца. Державин подарил писарю свой

серебряный брегет, а губернатор Петр Никитич Кречетников лично похлопал храбреца по плечу и велел выдать ему из казны 50 червонцев. Оставалось только допросить вероломных стражников. Но утром Державину доложили, что по решению саратовских властей четверо злодеев были повешены на городской площади. Его ярости не было предела! Кто посмел совершить казнь без его приказа? Он был готов отправить в Казань в кандалах всю городскую управу вместе с градоначальником, и только скверное самочувствие помешало ему предпринять решительные действия.

Державин не мог понять, почему так страдает. Непреодолимая слабость сковала члены, и он не мог сделать ни шагу. Даже мысли в голове стали какими-то ватными. Всё вокруг виделось ему как в тумане.

Он был крепким тридцатилетним мужчиной и до сих пор никогда ничем не болел. Стоя в караулах на холодном ветру, ни разу не подхватил простуду. А теперь почему-то ему было так худо, что он не мог подняться без посторонней помощи.

Кроме того, Державин чувствовал себя бесконечно одиноким. Унылый врач-немец, пичкавший его какими-то снадобьями, да молодой писарь, спасший ему жизнь, – вот единственные люди, которые навещали его и желали его выздоровления. Все остальные, в том числе городские чиновники, относились к нему почтительно, но равнодушно. Это и понятно. Державин мешал им жить спокойно. Он был для них словно заноза, которая постоянно беспокоит, а вытащить ее невозможно. Даже губернатор Кречетников считал Державина выскочкой, любимчиком главнокомандующего и избегал с ним встреч. А с казанским губернатором фон Брантом Державин рассорился, когда однажды отправил ему письмо такого содержания:

«Надобно остановить беспрестанное взяточничество, которое совершенно разоряет людей. Сколько я мог приметить, это лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними дело, грабит их. Это делает легковерную и неразумную чернь недовольною, и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая теперь свиристует в нашем отечестве».

С лекарем Вильгельмом Франке Державин упражнялся в немецком языке. А его спаситель Вацлав Новак оказался конфедератом, попавшим на Волгу с партией пленных поляков. По отбытии срока заключения, желая скопить немного денег для возвращения домой, он нанялся работать писарем в том же остроге, где отбывал наказание.

– Благодарю, пан Вацлав! – не скрывая волне-

ния, говорил ему Державин. – Вы бросились мне на помощь, рискуя собственной жизнью! Это геройский поступок. Но... мне кажется, вы должны видеть во мне врага?

Молодой лях гордо выпрямился, откинув с высокого лба густые светлые волосы.

– Если бы мы встретились на поле боя, я дрался бы с вами насмерть, – честно признался Вацлав. – Но когда на человека предательски нападают его же охранники – это подлость, с которой нельзя мириться! Я – шляхтич!

Легкая улыбка тронула губы Державина. Ему вспомнились слова Мити: «Ты не согласишься: каждый второй поляк называет себя шляхтичем!» Но искренность и достоинство, с которыми поляк ответил на его вопрос, ему понравились, и он вдруг неожиданно предложил Вацлаву пойти к нему на службу денщиком. Если, конечно, его не обидит такое предложение.

Бывший писарь не только не возражал, но был несказанно рад, что наконец вырвется из постылых острожных стен и начнет другую жизнь – энергичную и интересную.

– Только прошу пана не называть меня денщиком, – смущенно попросил Вацлав. – Лучше – ординарцем!

Державин согласился, забавляясь его тщеславием:

– Как пожелаете! Вот только бы поскорее встать на ноги... Мое тело слабеет с каждым днем, хотя я прилежно выполняю все предписания эскулапа.

Поляк подошел к столу, уставленному склянками с микстурами, коробками с порошками, сбором сушеных трав, пилюлями и мазями...

– Простите, пан офицер, я ничего не смыслю в медицине... Но готов поклясться, что такое изобилие лекарств угробит даже здорового человека. Да что там человека! Слона! Если вы немедленно не прекратите принимать все эти зелья, вам несдобровать. Для чего я спасал вашу жизнь, если вы ею совсем не дорожите?

После этого разговора Державин, к великому неудовольствию меланхоличного герра Франке, прекратил пить лекарства и с помощью Вацлава стал выходить на свежий воздух, прогуливаясь возле дома. Силы постепенно восстанавливались, и в один прекрасный день он объявил своему ординарцу, что они выезжают в Казань.

* * *

Тем временем в штаб-квартире генерал-аншефа Бибилова появился некий посетитель, рыбный торговец из Мальковки. Поначалу его хо-

тели выставить вон, но тот был настойчив и ут-верждал, что желает сообщить лично его превосходительству нечто важное. В конце концов, о нем всё-таки доложили генералу.

Александр Ильич долго разглядывал рослого глазастого мужика, от которого слегка пахивало свежей рыбой. Его одежда была простой, но добротной, похожей на купеческую.

– Чем обязан, сударь? – нетерпеливо спросил Бибиков.

Звали странного визитера Иван Серебряков, и явился он, чтобы представить главнокомандующему собственный прожект поимки Пугачева. Известно, что самозванец имел большие знакомства со староверами, и в случае разгрома его войска стал бы искать убежища именно у них. Староверы вольготны и богато жили на Иргизе, где в последний год их часто навещали иноземные гости с обзорами подарков. Когда в междуречье Большого и Малого Иргизов впервые появился Пугачев со своими поделниками, староверы приняли его с осевой доброжелательностью.

Серебряков предлагал собрать сотни три верных казаков, служивших в императорских войсках, расположить их в Петровске или Малыковке и ждать появления самозванца.

– Староверы первые его выдадут, когда узнают, что тот разбит! – с уверенностью добавил Серебряков. – Знаю я этих святош!

Бибиков слушал настороженно, раздумывая, что ответить. С одной стороны, тот говорил вещи вполне дельные и разумные. С другой – можно ли доверять этой залетной птице?

В кабинет вошел адъютант, доложил, что из Саратова прибыл подпоручик Державин. Услышав новость, Бибиков искренно обрадовался.

– Просите! А вас, сударь, – он повернулся к Серебрякову, – прошу подождать в приемной!

Державин предстал перед ним – похудевший, но по-прежнему энергичный, с живым огоньком в глазах.

– Рад видеть тебя, мой герой! – Генерал-аншеф обнял своего любимца. – Спасибо за службу, поручик!

Державин вопросительно взглянул на него.

– Рад стараться, ваше превосходительство, но я пока не...

– Отныне вы – лейб-гвардии поручик! Приказ о повышении в звании уже подписан.

И генерал-аншеф передал ему патент на производство в поручики.

Державин действительно принес много пользы своими решительными действиями. Он пресек мародерство и укрепил боевой дух в полку Гри-

нева, подвинул его на взятие Алексеевской крепости и Красного Яра, выявил предателей и сподвижников Пугачева среди саратовских чиновников, навел порядок в городских управах, беседовал со священниками, во всё вникал, всё до мелочи аккуратно записывал и отсылал в Казань подробные отчеты. Благодаря его донесениям Бибиков был так хорошо осведомлен о положении дел в Симбирске, Саратове и других городах Поволжья, словно сам там находился.

Вот и сейчас Державин явился не за новым чином, а за новым поручением, и генерал, конечно, понимал это.

Не теряя времени, Бибиков ознакомил его с планом Серебрякова и спросил, что тот об этом думает. Как всякий поэт, Державин был романтиком по натуре. То, что он услышал от своего командира, захватило его воображение. Выследить и поймать Пугачева! Логика и простота плана поразили его. Да, действительно, в случае разгрома армии Пугачеву ничего не остается, как бежать на Иргиз и прятаться в скитах своих друзей-старообрядцев. Что если хитростью выманить его оттуда и схватить? Надо лишь подобрать в помощники дюжину лазутчиков, самых верных, проверенных, таких как Вацлав Новак...

Бибиков легонько кашлянул, прервав размышления, и обратился к нему по-отечески:

– Ну, что скажешь об этом, Ганя?

Державин восторженно, бросив на генерал-аншефа благодарный взгляд. Командующий просто назвал его по имени!

Ни минуты не колеблясь, он ответил:

– Ваше превосходительство, исполню всё, что в моих силах!

Бибиков кивнул, довольный решительностью своего офицера. Он тоже был романтиком, хоть и не писал стихов. Однако военный опыт заставлял его трезво оценивать положение вещей. Он положил руку на плечо Державина и сказал:

– В тебе-то я уверен, друг мой... Но, к сожалению, для выполнения задания нужны два условия, которые от тебя не зависят. Первое – чтобы полчища самозванца были разбиты. Второе – чтобы супостат действительно бежал на Иргиз. Будем уповать на Господа... – он болезненно поморщился, приложив руку к груди. – Ладно, ступай, Гавриил! Там, в приемной, ждет Серебряков из Малыковки. Присмотрись к нему и поговори. А завтра – милости просим ко мне. Обсудим с тобой всё до мелочей. Кроме того, есть у меня к тебе еще одно дельце...

* * *

Получив донесение, что против самозванца государыней направлена армия храброго генерала Ивана Михельсона, Бибииков воспрянул духом. Его не страшило полчище бунтовщиков, состоящее из черни, пусть и хорошо вооруженной, обученной иностранными советниками. Он боялся провокаций и предательства внутри императорских полков. Мятежный дух и ненависть к властям неумолимо просачивались в ряды его войск, сея смуту и измену. Бибиикову не раз пришлось убедиться в справедливости донесений Державина: «Весь черныи народ за Пугачева. Духовенство ему благожелательствует. То же можно сказать об офицерах, выслужившихся из солдат».

Дельце, о котором упомянул Бибииков, было деликатного свойства. Прежде чем отправить Державина на Иргиз, генерал-аншеф, зная о незаурядных литературных способностях своего разведчика, предложил ему выступить перед помещиками и призвать их сформировать корпус ополчения из крепостных крестьян.

Гавриил успешно справился с поручением. Его пламенная речь, перемешанная со стихами великих поэтов и своими собственными, так вдохновила помещиков, что они сговорились отдать в конный корпус по одному ополченцу из каждых двухсот душ.

Весть о блистательном выступлении Державина перед казанскими дворянами долетела до Петербурга.

– Одной своей речью молодой офицер совершил то, чего генерал-аншеф тщетно добивался в течение многих месяцев, – насмешливо бросила Екатерина графу Панину, когда они по обыкновению пили утренний кофе в ее маленькой гостиной. – Вы всё еще не верите в силу слова, Никита Иванович?

– Отчего же? Верю! Да только слово следует делами укреплять. Боюсь, ненадолго хватит решимости у казанского дворянства. Нам, государыня-матушка, не грех бы подыграть сему стихотворцу. Как, бишь, его? Державину!

– Каким образом?

Панин поставил на стол маленькую чашечку с недопитым кофеом. Он его терпеть не мог, но никому в том не признавался.

– Отправьте в Казань рескрипт, в котором объявляете себя «Казанской помещицей» и отдаете в ополчение по рекруту с каждой сотни крепостных. И пусть местная знать после вашего заявления попробует пойти на попятный!

Екатерина на миг оторвалась от кофе, которым непритворно наслаждалась, и устремила на Панина пронзительный взгляд. Невольная ревность кольну-

ла ее самолюбие. Как ей самой не пришла в голову сия блестящая мысль! Панин заметил ее легкую досаду и поспешил сгладить неловкость:

– Да ведь вы сами, матушка государыня, давеча изволили сказать, что у вас в Казани есть дворцовые земли. Только сейчас разгадал ваш намек!

Глава 9 Самозванец

В середине июля, простившись с матерью, Державин отбыл в низовья Волги. Ничего не предвещало беды. Губернатор фон Брант уверял, что в Казань бунтовщики не войдут. В ближайшее время они будут уничтожены стремительно приближающейся армией Михельсона. Кроме того, город имел собственный гарнизон, способный дать отпор самозванцу. Фон Брант насмехался над помещиками, которые в страхе покидали насиженные места, и посылал императрице остроумные письма о «неописанной робости» местных чиновников.

Но на деле всё вышло по-другому. Михельсон задержался в пути, сражаясь с войсками бесстрашного Салавата Юлаева, а потом ему пришлось метаться в поисках переправы через Каму, так как все мосты были сожжены отступающими башкирами.

Подойдя вплотную к стенам Казани, Пугачев послал в город парламентариев с предложением мира на его условиях, но посланники вернулись ни с чем. Тогда «царь» двинул свое войско на штурм.

Казанский гарнизон, состоявший в основном из пожилых ополченцев, укрылся в засаде за стенами Кремля. Там же под его защитой поселилось множество горожан, рассчитывая таким образом продержаться до прихода императорских войск.

Фёкла Андреевна Державина осталась в своем старом домишке, покоровшись Божьей воле. Старухи странницы, снимавшие у нее жилье, давно куда-то исчезли, не заплатив за проживание. Отдаленные залпы вскоре сменились дикими воинственными криками воинов пугачевской орды.

В дом Фёклы Андреевны ввалилось несколько громкоголосых башкир, которые, хохоча, стали шарить по шкафам и комодам, сваливая в мешки всё, что им казалось ценным. Двое из них, схватив хозяйку под руки, потащили ее на городскую площадь. Там уже собралась большая толпа арестованных женщин и стариков, которых сторожили мятежники. Продержав пленников несколько часов под солнцем, охранники построили их в колонну и погнали пешком за семь верст от Казани, где находился стан Пугачева. Там их поставили на колени перед богатым шатром и объявили, что сейчас к ним выйдет государь Петр Фе-

дорович и будет принимать у них присягу на верность. А кто не желает признать законного государя, тот будет немедленно предан смерти.

Женщины заголосили, но в это время прискакал взмыленный верховой и, спешившись, решительно вошел в шатер. Не прошло и пяти минут, как циновка в шатре отодвинулась, и взорам пленников предстал хмурый мужчина в дорогом кафтане, коренастый и крепкий, как старый дуб. Черные волосы, черная борода и лохматые брови, ни дать ни взять – дьявол во плоти!

– Это что еще за представление? – грозно спросил он, взглянув на толпу пленников.

Кто-то из казаков подскочил к нему и объяснил, кланяясь подобострастно:

– Ваши новые подданные, государь! Явились принести вам присягу на верность.

– Гони их в шею! Михельсон в пяти верстах!

Пленников тут же подняли и велели возвращаться домой кто как сумеет. Вскоре загрохотали пушки, и началось то знаменитое сражение под Казанью, которое впоследствии переломило ход пугачевской войны. Вздрагивая от залпов, окольными путями измученная Фёкла Андреевна еле добралась в разоренный дом. Упала на кровать, но заснуть так и не смогла... До утра молилась под гром канонады, от которого дребезжали стекла в окнах и сотрясались стены ветхого дома.

Бои продолжались два дня, а на третий всё стихло. Полчища бунтовщиков были повержены и бежали в беспорядке. Пугачеву удалось собрать небольшой отряд, с которым он ушел вниз по Волге.

Казань ликовала:

– Пугачев разбит! Победа!

Но до победы было еще далеко...

* * *

Татары называли это местечко Малый, что значит «Золотое дно». В давние времена здесь были возведены высокие курганы с богатыми захоронениями. Павших в бою воинов хоронили с почестями, украшали золотыми кольцами и гривнами, снабжали драгоценной посудой и оружием в золотых ножнах, усыпанных самоцветами. Но спустя столетия могильники были разорены поселившимися тут раскольниками, и богатство Золотой Орды пошло на возведение скитов и на нужды их обитателей.

Посылая Державина в Малыковку, командующий дал ему отряд казаков из своей кавалерии да немного денег, чтобы набрать рекрутов среди местного населения.

Комендант малыковской крепости капитан Федор

Осипович Круглов встретил Державина как ангела-хранителя.

– Слава Богу, дождались подмоги! – его рябое лицо, усеянное мелкими морщинками, выражало неподдельный восторг. Но, узнав численность «подмоги», Круглов загрустил: – Не могу постигнуть, о чем думает начальство? Мыслимо ли отстоять крепость с такими малыми силами? Говорят, Оренбург и Саратов захвачены самозванцем?

– Саратов освобожден, – коротко сообщил Державин. – Думаю, что генеральное сражение недалеко, тогда и разгромим супостата!

Капитан тревожно взглянул на Державина.

– А ну как лиходей со своими подельниками задумает отступить в Малыковку?

Державин распрямил плечи и сказал уверенно:

– А мы-то с вами на что? Надо будет – примем бой!

– О чем речь, господин поручик! Трусить не станем, умрем в бою как один! Да что толку от нашей смерти, если злодей останется жив? Не обессудьте, ваше благородие, у меня лишь горстка солдат-инвалидов, а у вас – потрепанный казачий разъезд! Как будем Малыковку защищать?

– Выше голову, капитан! Через денек-другой наберем людей и создадим собственную гвардию!

– Да тут одни калмыки остались...

Державин улыбнулся.

– А калмыки, по-вашему, не люди?

* * *

На следующее утро Державин отдал распоряжение собрать калмыков на крепостной площади и, заставив их с полчаса подождать и потомиться в неведении, прискакал к ним в парадном мундире на белом коне. Окинув взглядом их настороженные и, надо признать, враждебные лица, он смело выехал на середину и остановился от них в десяти шагах.

– Здорово, братцы! Государя Петра Федоровича ждете? Кто вам сказал, что он жив? Одиннадцать лет минуло после его смерти! Откуда он взялся? Но ежели он и впрямь оказался жив, то разве пришел бы к казакам просить помощи? У него есть отечество, Голштиния, и свойственник – король Прусский, силу которого вы знаете. Стыдно вам, калмыкам, слушаться мужичка беглого с Дона, казака Емельку Пугачева, и почитать его за царя! Он хуже вас всех, потому что он – разбойник, а вы всегда были и есть люди честные!

Державин еще немало говорил в том же духе, чувствуя, что с каждой минутой напряженные лица калмыков светлеют, а в глазах появляются решимость и сочувствие. Видно, давно с ними никто не говорил как с равными, и привыкли они к

другому обращению. После пламенной речи Державина многие юноши из калмыцких поселков добровольно вступили в Малыковский гарнизон со своими конями и оружием.

Но на этом Державин не остановился. С помощью Серебрякова, старожила здешних мест, он набрал с десяток лазутчиков, чтобы те держали его в курсе событий в районе Большого и Малого Иргиза. Именно здесь в декабре 1772 года Пугачев был арестован за крамольные речи среди местных жителей, бит батогами, посажен в тюрьму, а потом отправлен в железзах в Казань. Но через полгода ему удалось бежать. Вскоре он снова объявился на Иргизе, в Средне-Никольском старообрядческом монастыре, где настоятель Филарет провозгласил его царем Петром III и благословил «идти на царство».

Державину пришла отчаянная мысль – внедрить одного из своих лазутчиков в Средне-Никольский скит под видом монаха-старовера. Он мог бы многое узнать о планах и ближайших соратниках самозванца и о том, куда бунтовщики собираются бежать в случае поражения. Но где найти такого «старообрядца»? И как завербовать?

Однажды, обедая в доме коменданта Круглова в компании с Иваном Серебряковым и Вацлавом Новиком, Державин поделился с ними своими мыслями.

– Лазутчику не обязательно быть монахом, – возразил комендант. – В скитах часто останавливаются иноземцы из Европы. С ними у староверов самая тесная связь. Можно подослать немца-колониста, их много на Волге.

– Всё так, Федор Осипович... Но где найти верного человека?

– И почему обязательно немца? – вмешался в разговор Вацлав. – Он может быть поляком!

Все трое разом невольно уставились на ординарца. Тот встал, не скрывая волнения, но исполненный решимости.

– Поверьте, панове, лучше меня вам никого не сыскать. Но навязываться не буду – вы имеете право не доверять мне...

Державин подошел к Вацлаву и положил ему руку на плечо.

– Друг мой! Свою преданность вы уже доказали. Но дело, на которое вы собираетесь пойти, крайне опасно. Вам придется рисковать жизнью.

Поляк горделиво вскинул голову:

– А в чем опасность? Представлюсь как конфедерат, бежавший из плена, и попрошусь на службу писарем. Дело мне знакомое. Ну, а если раскроют... приму смерть как шляхтич!

Державин почувствовал комок в горле. Безудержная храбрость, доходящая до самозабвения, всегда вызывала у поэта восторженное чувство. Он про-

шелся по комнате, потом обратился к Серебрякову:

– Вы давно живете в этих краях и знакомы со старообрядцами. Как, по-вашему, могут ли они поверить Вацлаву?

В отличие от Державина, тот не был настроен столь романтично.

– По всему видно, что ваш друг Вацлав – смельчак хоть куда, да только многого не знает... Как он представится староверам? – он усмехнулся и передразнил: – «Здравствуйте, я – поляк, возьмите меня писарем!» – «Ах, писарем? Проше пана! Давно вас ждали!» Не всё так просто... Обитель староверов – неприступная крепость. Мышь не проскочит!

Пристально взглянув на него, Вацлав ответил с иронией:

– У древнегреческого царя Филиппа есть славное изречение: «Там, где мышь не проскочит, войдет осел, нагруженный золотом».

Все рассмеялись. Потом разом оживленно заговорили и заспорили. Действительно, был только один верный способ проникнуть в скит: привезти с собой щедрые дары. Во все времена деньги решают всё! Только где их взять?

Комендант почесал в затылке, кликнул денщика и велел ему позвать малыковского казначея Василия Тишина. Вскоре явился худенький молодой чиновник с ясными умными глазами, тщательно причесанный, в аккуратном форменном сюртучке. Он учтиво поклонился, обводя глазами незнакомых людей.

– Проходи, Василий, – деловито заговорил комендант. – К нам гости пожаловали от самого генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова. У них до тебя дело есть.

– Слушаю со вниманием, – казначей поклонился Державину, безошибочно угадав в нем начальство.

Державин усадил Тишина за стол и предложил разделить с ними трапезу. Поговорив о том о сем, он без лишних подробностей объяснил, что для выполнения некоего секретного задания им требуется 10 тысяч рублей золотом.

К его удивлению, робкий и скромный Тишин вдруг сделался тверже стали и решительно объявил, что денег не даст, ибо не уполномочен лично распоряжаться казной. Мол, ни комендант Круглов, ни поручик Державин, ни даже генерал-аншеф Бибиков для него не указ и у него один начальник – губернатор Петр Никитич Кречетников. Только перед ним ему отчитываться, и пока губернатор самолично не отдаст письменный приказ выдать поляку означенную сумму, тот не получит ни гроша.

– А может статься, малыковская казна пуста? – насмешливо спросил Державин.

– Сие – государственная тайна!

– Да есть у нас деньги! Есть! – комендант опроки-

нул в рот рюмку вишневой наливки, стукнул кулаком по столу и вонзил возмущенный взгляд в казначея. – Али забыл, Василий, как из Саратова нам привезли кованный сундук, полный золотых монет?

– От саратовского архимандрита?! – воскликнул Державин.

– Так точно, господин поручик! По приказу его святейшества, сундук тайно вывезли к нам, в Мальковку. Тишин сосчитал всё до копейки и зачислил в казну. Архимандрита уже нет в живых... Почему бы нам не потратить хоть часть тех денег?

Но напрасно комендант битый час уговаривал казначея отсыпать Вацлаву золотишка для проведения разведывательной операции, напрасно Державин пустил в ход свое непревзойденное искусство красноречия, всегда помогавшее ему в трудную минуту. Тишин оставался непоколебим.

– Я не имею права разбазаривать казну! – упрямо твердил он в ответ.

Дело явно заходило в тупик. Но когда уже все выбились из сил, любитель идей и прожектов Иван Серебряков предложил отправить в Саратов гонца с письмом Кречетникову, дабы тот дал разрешение воспользоваться казенными деньгами.

На том и порешили. Не теряя времени, Державин потребовал перо и бумагу и тут же без единой поправки начертал губернатору письмо с просьбой разрешить Тишину выдать десять тысяч рублей на нужды разведки. Для пущей важности подписался так: «Офицер по особым поручениям его превосходительства генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова, лейб-гвардии поручик Гавриил Державин». И запечатал конверт личной печатью члена Следственной комиссии.

Осталось выбрать курьера. Вацлав тут же предложил свою кандидатуру.

– Губернатор знает меня в лицо, ведь он лично благодарил меня, когда...

Он смутился и замолчал.

– Когда вы спасли мне жизнь! – с улыбкой закончил Державин. – Я помню об этом, друг мой, и слишком дорожу вами, чтобы позволить отправиться в опасное путешествие.

– О, пан Гавриил! Мне легче рискнуть жизнью, чем пребывать в бездействии!

Державин и сам хорошо знал неугомонный характер своего ординарца. Если что задумал – удержать трудно. Поэтому, посоветовавшись с капитаном Кругловым, скрепя сердце дал согласие.

На следующее утро Вацлав ускакал в Саратов. Жизнь пошла своим чередом. Серебряков отправился на берег Большого Иргиза, где у него был рыбный промысел. Порой в удачный год он зарабатывал до пяти тысяч рублей, поставляя в Москву и

Петербург икру, осетрину, белужину и особо любимую при екатерининском дворе белорыбицу.

Державин и капитан Круглов занимались военными делами: осматривали крепостные стены и водяные рвы, проводили учения новобранцев...

В эти дни Гавриил Романович неожиданно для себя сдружился с казначеем Василием Тишиным. Поэт не был злопамятен и не дулся на него, понимая, что казначей поступал так, как велел ему долг службы. К тому же Тишин оказался выпускником Казанской гимназии, хорошо знал Михаила Ивановича Веревкина и других преподавателей, у которых когда-то учился Державин.

В доме Тишина всегда пахло пирогами и было весело от детского смеха. Молодую жену казначея, Фросеньку, нельзя было назвать писаной красавицей, но она была так мила, что при взгляде на нее таяло сердце. Всё спорилось в ее руках, всё делалось словно само собой, с неизменной улыбкой, без суеты и шума.

Как-то раз Державин ужинал у Тишиных, читал стихи, играл с детьми – трехлетней Аленкой и годовалым Левушкой. Душа его теплела и отдыхала в уютном семейном гнезде. «Почему я лишен такого счастья? – думал Гавриил Романович. – Уже тридцать стукнуло, а у меня ни жены, ни детей, ни своего угла...» Вспомнилось, как однажды он взял на руки дочь камергера Бастидона, а та обвила ручонками его шею. Дом, жена, дети... Может быть, он сделал ошибку, отказавшись от предложения Нины Удоловой? Жил бы сейчас припеваючи в Петербурге под крылышком заботливой женщины, глядишь, и детиски бы народились... Но нет! Натура поэта требовала возвышенных чувств, а к Нине он ничего подобного не испытывал.

Его невольная грусть не укрылась от хозяйки дома. Каким-то непостижимым чутьем она догадалась, о чем он думает. Поставив перед ним чашку ароматного чая, Фрося сказала ласково:

– Не печальтесь, Гавриил Романович! Всё у вас впереди! Вот одолеем супостата и погуляем на вашей свадьбе!

Державин не успел ответить. В это мгновение с плаца послышался тревожный сигнал трубы. Военные учения? Но нет... В горницу вбежал запыхавшийся вестовой от капитана Круглова и, вытянувшись перед Державиным, выпалил:

– Ваше благородие! Господин комендант приказали доложить... Пугачев ведет казаков на Мальковку!

Державин встал. Хладнокровно и привычно опоясался саблей.

– Откуда сведения?

– Ваш ординарец Вацлав Новак только что прим-

чался из Саратова. Говорит, что опередил бунтовщиков не более чем на час.

– Понял. Иду!

Затем повернулся к казначею:

– Василий! Детей надо спрятать! Оденьте их попроще, чтоб сошли за бедных, да отведите в крестьянскую семью.

Фрося в ужасе замотала головой:

– Нет! Я с ними... Мы вместе...

– Делай что сказано! – строго прервал ее Василий. – А я пока лошадей запрягу да казну погружу в телегу. Не доставаться же ей самозванцу! Есть у меня на примете одно местечко...

Переодев детей в старье, Фрося увела их к соседям, а когда вернулась, тяжелый сундук с помощью Державина был погружен в телегу. Всё было готово к отъезду. Тишин порывисто обнял жену и усадил возле себя на облучке.

– С Богом! – махнул им рукой Державин.

* * *

На крепостном плацу Малыковки были собраны оборонительные силы. Единственная пушка, горстка пожилых солдат, отряд казаков, прибывших с Державиным из Казани, да сотня калмыков, сидящих в седлах возле ворот, – вот и весь гарнизон. В свете луны и горящих факелов всё вокруг приобретало зловещие очертания.

Державин подъехал к коменданту.

– Плохи дела, – вздохнул Круглов. – Вместо того чтобы отсидеться у староверов, Пугачев идет на Малыковку. Как будто заранее знал, что нам нечем обороняться.

– Где Вацлав?

Комендант развел руками, оглядываясь.

– Только что был здесь... Да вот он! Смотрите!

Вдали, в свете факелов, перед строем калмыков гарцевал на боевом коне Вацлав Новак. В ночи раздавался его звонкий высокий голос:

– Слушайте меня, братья! Его величество Петр Третий ведет свое войско на Малыковку. Он наш народный царь! Карает дворян и богатеев, а бедняков-калмыков жалует землей и волей! Вам не придется гнуть спину на баев или работать вместе с мужиками на уральских заводах! Вступайте под знамена законного царя, и будет вам милость! А непокорным – смерть!

Не веря своим ушам, Державин замер, как громом пораженный.

– Что он говорит? – прошептал он помертвевшими губами, а потом, опомнившись, воскликнул в ярости:

– Предатель!

Вацлав оглянулся, и, увидев Державина, расхохотался. В этот момент позади крепостной стены послышались ружейные выстрелы, конское ржанье, топот и выкрики. Навалившись на тяжелый засов, калмыки открыли ворота, и на плац хлынул поток разношерстного пугачевского войска: казаки с саблями наголо, крестьяне с топорами, башкиры с луками и колчанами стрел.

– Огонь! – скомандовал капитан Круглов.

Грохнула пушка, но ядро, недолетев, лишь раззадорило бунтовщиков. С диким воем они ринулись в Малыковку, сметая всё на своем пути. В несколько мгновений был уничтожен крошечный гарнизон. Возле пушки в луже крови лежал сраженный саблей Федор Круглов...

Державин оглянулся на казаков из своего отряда. Бросив оружие, те покорно стояли на коленях возле крепостных ворот в ожидании «ампиратора». На площадь стекался простой народ, бабы несли хлеб-соль. Отовсюду слышались радостные возгласы:

– Дождалися царя-батюшку нашего, Петра Федоровича!

– Он нас не оставит милостью своей!

Напрасно Державин метался на коне от калмыков к казакам и обратно, уговаривая, угрожая, вразумляя... Никто его не слушал. Все глядели на ворота, откуда должен был появиться самозванец.

Вдруг с колокольни церквушки послышался надтреснутый звон. Толпа вздрогнула и заголосила.

– Царь едет! Царь!!!

– Слава отцу нашему!

– Да какой царь? Это Емелька Пугачев!

– Молчи, вражина!

В крепостные ворота торжественно въехал отряд яицких казаков с пылающими факелами в руках. В центре на вороном коне, в высокой собольей шапке и нарядном кафтане, обшитом золотым галуном, ехал бородатый бровастый мужик, настороженно поглядывая вокруг пронзительными черными глазами, сверкающими в свете факелов.

«Царский эскорт» остановился посреди площади.

– Спаси вас Бог, дети мои! – раздался зычный голос. – Я есмь ваш законный император Петр Федорович! Слушайте меня, служите верно, и я отвечу добром за добро. А вашим угнетателям обещаю смерть лютую!

Он еще некоторое время говорил что-то в том же духе, видно, не раз приходилось ему произносить перед народом подобные речи. Но вдруг к нему подъехал щеголеватый всадник в красном доломане и шапке, отороченной серебристой лисой. Это был не кто иной, как Вацлав Новак.

Пугачев поднял лохматые брови, но, разглядев

всадника, милостиво спросил, что ему нужно.

– Великий государь! – приложив руку к сердцу, произнес Вацлав. – Боюсь, что не все ваши подданные чистосердечно рады прибытию вашего величества.

– Ты почто клеветешь на мой народ?! – вспыхнул Пугачев. – Кто мне не рад?

Поляк указал перстом на Державина, сидящего на коне в нескольких шагах от самозванца, и воскликнул звонко, отчетливо, чтобы все услышали:

– Вот он! Извольте взглянуть, государь! Сей офицер – вражеский лазутчик Гавриил Державин, подосланный в Малыковку генералом Бибиковым, чтобы захватить ваше величество в плен!

– Иуда! – презрительно бросил Державин. – Клялся в верности, а сам привел супостата!

– Псякрев! – голос Вацлава дрожал от ненависти. – Клятву верности я давал моей несчастной Польше, которую вы, русские, унизили и подчинили себе. Ты – мой враг во веки веков! Твое место – на виселице!

Звенящая тишина на площади сменилась воинственными возгласами малыковских мужиков:

– Смерть его благородию!

– В петлю его!

Но случилось то, чего никто не ждал. Державин вдруг вонзил шпоры в бока своего коня и, пустив его вскачь, ринулся в распахнутые крепостные ворота.

– Догнать! – рявкнул Пугачев. – Схватить! Живым или мертвым!

Выхватив пику у одного из казаков, «царь» в порыве азарта первым пустился в погоню за дерзким

всадником. За ним поскакала его свита. В лунном свете они мчались как демоны, оглашая волжскую степь диким гиканьем и свистом.

Державин отлично ездил верхом. Хотя он не служил в кавалерии, но с детства привык всему упорно учиться и всё делать на совесть. Поэтому и уроки верховой езды в манеже Преображенского полка были усвоены им на высший балл. Улучив момент, он выхватил пистолет и оглянулся. Его глаза встретились со свирепыми глазами Пугачева, который, опередив казаков, мчался за ним, потрясая пикой. Еще мгновение – и пика, посланная его могучей рукой, словно черная молния, промелькнула в воздухе!

Но Бог уберег, смертельное оружие лишь чиркнуло по плечу. Державин сумел удержаться в седле, а его конь несся как ветер, не сбавляя хода. Сгоряча не почувствовав боли, дерзкий поручик снова оглянулся на самозванца и на полном скаку выстрелил.

Конь Пугачева, заржав, кувыркнулся и грянул оземь, подмяв под себя всадника. Прискакавшие казаки спешили, кинулись к своему атаману и принялись вытаскивать его из-под сраженного животного, толкаясь, сквернословя и мешая друг другу. Перекрывая общий гвалт, раздавался визгливый голос Вацлава:

– Гей, гей! Он уходит! В погоню!

Но никто не стал догонять Державина. Пустив коня в галоп, он уходил от своих преследователей всё дальше и дальше, пока не скрылся за холмом...

Продолжение в № 7-8

Людмила Дмитриевна БИРЮК

родилась в Ростове-на-Дону в 1946 году.

Ныне живет в Краснодаре.

*Окончила Краснодарский педагогический институт,
факультет «Русский язык и литература».*

Прозаик,

член СП России с 2004 года.

Пишет исторические и историко-приключенческие романы.

Три из них напечатаны в Москве

в издательстве «Вече»: «Бретёр и дуэлянт» (2010 г.),

«Созвездие капитана Измайлова» (2011),

«Карнавал обреченных» (2014 г.).

Новый роман «Река времен» не издавался.

